Р. 2.948.150
Дон. Речь

стр. 50+19+36+102+32

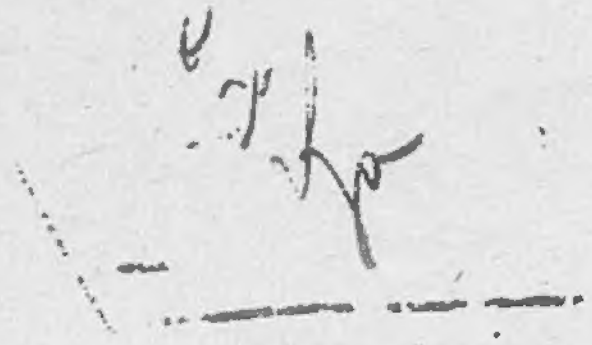
2.948.150

Р-126.836.

Редкий фонд

Конвоют из аллиг.

1) Каутский К.
Развитие форм государства.
2) Как немцы добыли себе свободу.
3) Русова С.
Биография Джузеппе Гарибальди, освободителя Италии.
4) Семевский В.И.
Крепостное право и крестьянские реформы в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина.
5) Петровский И.А.
Избирательная кампания в свободных государствах



К. Каутскій.

Развитіе формъ государства.

335.5
К 30,1 88

Переводъ съ нѣмецкаго.

Л. Л. Берлина.

Р 2948150

Донская Государственная Публичная библиотека (Для книг)

Донская Государственная Публичная библиотека

Изд. Н. Парамонова
„Донская Рѣчь“
въ Ростовѣ на Дону.

БИБЛИОТЕКА
им. К. Маркса

Библи... а
Ростов н-Д.
3
126.836
им. К. Маркса.
Книгохранилище

Проверено
1937—38 г.

Доз. цензурою 4 апрѣля 1905 года. Ростовъ на До у

Ростовъ на Дону
Электропечатня А. Теръ-Абраміанъ
1905.

Развитіе формъ государства.

К. Каутскій.

I.

Непосредственное законодательство у дикихъ народовъ

Сторонники непосредственнаго народнаго законодательства обыкновенно обращаются къ древности; особенно охотно останавливаются они на германцахъ, какъ они описаны Цезаремъ и Тацитомъ, чтобы нарисовать картину того свободнаго и счастливаго состоянія, въ которомъ пребывало тогда человѣчество.

Обратимся и мы къ этимъ древнимъ временамъ. Познакомившись съ основами народнаго законодательства и причинами его исчезновенія, мы лучше поймемъ современныя стремленія къ непосредственному народному законодательству.

Собственно, о народномъ *законодательствѣ*, какъ у германцевъ временъ Цезаря, такъ и другихъ народовъ, стоящихъ на той же ступени культуры, не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ тогда и не существовало еще законовъ, и функціи древне—германскихъ народныхъ собраній имѣли слишкомъ мало общаго съ тѣмъ, что мы называемъ теперь законодательствомъ. Это собраніе свободныхъ, способныхъ носить оружіе мужчинъ племени составляло высшую инстанцію для всѣхъ дѣлъ, касающихся племени. Оно выби-

рало должностныхъ лицъ, судило преступника, разрѣшало споры, возникавшіе внутри племени, регулировало отношенія съ другими племенами и т. д. Такъ какъ общественныя отношенія почти не измѣнялись въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, то и общественныя дѣла племени обыкновенно были одни и тѣ же; поэтому въ постановленіяхъ собранія племени большую роль играли обычаи да старики, хорошо помнившіе ихъ.

Подобно тому, какъ въ дѣлахъ племени высшей ин станціей являлось племенное собраніе, и во всѣхъ подраз дѣленіяхъ племени такою же высшей инстанціей являлос собраніе всѣхъ способныхъ носить оружіе мужчинъ этих общественныхъ подраздѣленій.

Если мы обратимся къ народамъ, стоящимъ на тої же ступени культуры, на которой находилось большинство сѣверо-американскихъ индѣйцевъ во время открытія Америки, то найдемъ у нихъ еще болѣе демократическія учрежденія, женщины у нихъ также принимаютъ участіе въ народныхъ собраніяхъ. У германцевъ временъ Цезаря. или даже временъ Тацита, на которыхъ больше всего ссылаются сторонники народнаго законодательства, понятіе «народъ» является уже ограниченнымъ, заключая въ себѣ только мужчинъ, да и то не всѣхъ, такъ какъ уже тогда мы встрѣчаемъ мѣстами несвободныхъ лицъ, лишенныхъ политическихъ правъ. Какимъ образомъ произошло исключеніе женщинъ изъ понятія народа? Обычнымъ отвѣтомъ на это является ссылка на право сильнаго, которымъ, вообще, любятъ объяснять всякій видъ классоваго подчиненія мужчины-де, какъ болѣе сильные, поработили женщинъ. Ничего удивительнаго нѣтъ въ томъ, что иные сторонники существующаго строя эту теорію въ большинствѣ случаевъ выводятъ изъ теоріи Дарвина. Такъ какъ, согласно Дарвину, всегда существовало и, конечно, всегда будетъ существовать неравенство индивидуумовъ по силѣ и способностямъ, утверждаетъ эта теорія,—различія соціальнаго положенія, установленныя самою природой, сохранятся на вѣчныя вре-

мена, развѣ лишь измѣняя отъ времени до времени свои формы. Непонятнымъ является *лишь*,—*что эту теорію* насилія принимаютъ и противники классовыхъ раздѣленій Теорія эта не только безутѣшна, но она ничего и не объясняетъ. Если изъ нея можно вывести, что классовыя различія, какъ созданныя самой природой, вѣчны,—то надо изъ нея же заключить, что и неравенство это существовало всегда, съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣкъ. Мы знаемъ, однако, что это не вѣрно; мы знаемъ даже больше: мы знаемъ, что и первоначальное равенство лишь постепенно уступало мѣсто неравенству, и что каждый шагъ въ этомъ направленіи соотвѣтствовалъ опредѣленной ступени культуры. Различія между болѣе сильными и болѣе слабыми, болѣе и менѣе способными, развитыми всегда существовали и всегда будутъ существовать, и они, поэтому не могутъ объяснить намъ, почему у всѣхъ народовъ, на той или иной опредѣленной ступени развитія, тотъ или иной видъ, болѣе сильныхъ или умныхъ, почувствовалъ потребность въ угнетеніи болѣе слабыхъ или ограниченныхъ и почему имъ удалось это на этой опредѣленной культурной ступени. Чтобы найти объясненіе этому явленію, мы должны обратиться къ изслѣдованію не «человѣческой» природы, а особенности соотвѣтствующихъ культурныхъ ступеней. Только эти особенности, а не теоріи насилія, дадутъ намъ ключъ къ пониманію классовыхъ различій того времени.

Главною особенностью каждой ступени культуры является ея особая *форма производства*. Ею опредѣляются своеобразныя общественныя функціи различныхъ классовъ, функціи же каждаго класса опредѣляютъ его роль въ обществѣ.

Первое раздѣленіе труда, которое мы встрѣчаемъ въ исторіи, это раздѣленіе труда между мужчиной и женщиной. Какъ только возникаетъ на высшихъ ступеняхъ дикаго состоянія домашній очагъ, забота о немъ падаетъ исключительно на женщину. Добычная жизнь внѣ дома все

болѣе дѣлается исключительнымъ удѣломъ мужчины. Какія причины породили это раздѣленіе труда—на этотъ счетъ можно дѣлать только предположенія.

Въ продолженіе всего длиннаго періода варварства технической прогрессъ замѣчается преимущественно въ области домашнихъ работъ, предоставленныхъ женщинѣ; поэтому область женскаго труда значительно увеличивается; къ области «женскихъ» работъ принадлежали тогда еще зачаточное скотоводство и земледѣліе тамъ, гдѣ занятія эти еще не достигли значительныхъ размѣровъ. Женщинѣ была предоставлена и переработка большинства сырыхъ матеріаловъ, какъ-то: плетеніе, вязаніе, изготовленіе глиняной посуды и т. д. У нѣкоторыхъ народовъ исключительно на женщину падалъ и тяжелый трудъ постройки жилищъ

Работа мужчины въ періодъ варварства напротивъ возрастала лишь очень незначительно. Онъ оставался, какъ и былъ, воиномъ и охотникомъ, и только тамъ, гдѣ скотоводство приняло болѣе широкіе размѣры, имъ начинаютъ заниматься и мужчины, да и то въ большинствѣ случаевъ лишь неспособная къ ношенію оружія молодежь. Неудивительно поэтому, что на этой культурной ступени женщина, по сравненію съ мужчиной, является вьючнымъ животнымъ. Она такъ поглощена своими работами, что у нея не остается времени для того, чтобы принимать участіе въ общественной жизни; она не можетъ также покинуть на продолжительное время домъ, гдѣ она нужна ежедневно, ежечасно; поэтому въ періодъ варварства она все менѣе сама (непосредственно) принимаетъ участіе въ общественной жизни. Позже она принимаетъ въ ней участіе ужэ только черезъ посредство мужчины, и наконецъ совершенно устраняется отъ всякаго участія въ ней.

Совершенно въ иномъ положеніи находился мужчина: онъ не былъ необходимъ въ домѣ, на цѣлые дни и недѣли онъ могъ уходить, и его отсутствіе не отражалось на домашнихъ дѣлахъ. Поэтому на этой ступени культуры онъ

могъ столько же посвящать себя общественной жизни, какъ и въ періодъ дикости, поскольку въ этомъ послѣднемъ, вообще, могла быть рѣчь объ общественной жизни. Онъ имѣетъ даже больше времени и возможности для этого, чѣмъ раньше, благодаря увеличившейся работѣ женщины, у которой на высшей стадіи этого культурнаго періода были помощники въ лицѣ рабовъ. И мы наблюдаемъ въ это время очень оживленную общественную жизнь мужчинъ: многочисленныя, самыхъ различныхъ родовъ, народныя собранія, прерываемыя попойками, часто продолжаются нѣсколько дней, и на нихъ народъ обсуждаетъ и разрѣшаетъ разнообразнѣйшіе вопросы.

Чѣмъ независимѣе отъ дома становился мужчина, тѣмъ болѣе оживленною могла становиться общественная жизнь, не утрачивая своей демократической основы—«непосредственнаго народнаго законодательства». Развитіе формъ производства дало возможность на одной и той же территоріи прокормиться большему количеству людей; съ другой стороны большая независимость мужчины отъ дома позволяла ему предпринимать все болѣе далекія отлучки на народныя собранія.

Благодаря этому, въ періодъ варварства отдѣльныя племена принимаютъ все большіе размѣры и, наконецъ, нѣсколько племенъ сливаются въ народъ, высшей инстанціей для котораго,—какъ и для племени, и для рода,—во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ является народное собраніе.

II

Непосредственное законодательство у цивилизованныхъ народовъ.

Культурное развитіе не останавливается на однажды достигнутой ступени; многіе народы поднялись выше по лѣстницѣ культуры и достигли цивилизаціи.

Главное значеніе при этомъ имѣло развитіе земледѣлія. Оно все болѣе выступало на первый планъ, тогда какъ охота и, въ большинствѣ случаевъ, и скотоводство (за исключеніемъ мѣстъ, гдѣ для развитія сельскаго хозяйства

существовало слишкомъ много препятствій) играли относительно все менѣе значительную роль, и наконецъ охота изъ средства добыванія пищи превратилась въ спортъ, въ пріятное времяпрепровожденіе. У германцевъ во время переселенія народовъ, благодаря вліянію римской культуры, это развитіе совершалось особенно быстро. Мы не станемъ касаться особенностей, порожденныхъ вліяніемъ римской культуры, и обратимся къ разсмотрѣнію только тѣхъ сторонъ развитія германскихъ народовъ, которыя типичны для нихъ.

Чѣмъ болѣе земледѣліе, а наряду съ нимъ и скотоводство, становилось главнымъ промысломъ отдѣльныхъ домашнихъ хозяйствъ или патріархальныхъ семей,—тѣмъ менѣе дѣлались достаточными силы женщины для всѣхъ хозяйственныхъ работъ. Уже во время Тацита рабы и неспособные къ ношенію оружія мужскіе члены семьи (мальчики, юноши и старики) должны были помогать при сельско-хозяйственныхъ работахъ, а вскорѣ за эти работы должны были приняться и способные къ ношенію оружія мужчины. Изъ охотника и воина, во время переселенія народовъ, мужчина обратился въ крестьянина. Онъ сталъ прикрѣпленнымъ къ дому, какъ и женщина, а такъ какъ высокая ступень развитія земледѣлія, вскорѣ достигнутая земледѣльцемъ, прикрѣпляла его хозяйство къ одному участку земли, то и онъ самъ становится прикрѣпленнымъ къ землѣ, осѣдлымъ.

Этотъ переворотъ въ формахъ производства влечетъ за собою переворотъ во всѣхъ политическихъ и соціальныхъ отношеніяхъ.

На болѣе раннихъ ступеняхъ культуры война играла въ народномъ хозяйствѣ выдающуюся роль. Она являлась обыкновенно борьбой за самое важное средство производства,—за площадь для охоты или за пастбища, которыя либо отстаивались отъ нашествія другого племени, либо завоевывались у этого послѣдняго. Тамъ, гдѣ варварскій народъ находился въ сосѣдствѣ съ цивилизованнымъ, къ

борьбѣ за спорную землю присоединялись разбойничьи нападенія—предпріятія, доставлявшія побѣдоноснымъ варварамъ богатую добычу. Существовали варварскія племена, любимымъ промысломъ которыхъ являлись грабежи цивилизованныхъ сосѣдей. Быть воиномъ при этихъ условіяхъ было очень выгодно, и само занятіе это не требовало особыхъ затратъ: оружіе, употреблявшееся для этихъ нападеній, было то же, что и для охоты; и, когда это оказывалось нужнымъ, какъ мы это уже видѣли, не было недостатка времени для веденія войны.

Дѣло принимаетъ иной оборотъ, когда кочевой или полукочевой охотникъ или пастухъ превращается въ осѣдлаго крестьянина. Этотъ послѣдній едва ли можетъ выиграть что-нибудь существенное отъ войны: прикрѣпленному къ землѣ, ему не нужно чужихъ земель, чтобы занять завоеванную землю, онъ долженъ покинуть ту, въ которую вложилъ столько труда. Равнымъ образомъ и грабежъ не обѣщаетъ ему слишкомъ богатой добычи: его сосѣди стоятъ на той же, что и онъ, или даже на болѣе низкой культурной ступени. Такимъ образомъ выгоды, которыя онъ можетъ получить отъ войны, уменьшаются, тяготы же войны, наоборотъ, возрастаютъ: новыя другія производства не могутъ служить военнымъ оружіемъ; вмѣстѣ съ техникой земледѣлія выросла и техника войны; война начинаетъ требовать дорогого вооруженія, которое безполезно въ хозяйствѣ.

Но самымъ важнымъ обстоятельствомъ является то, что крестьянинъ привязанъ къ своему двору. Иногда онъ не можетъ оставить его, не нанося весьма значительнаго ущерба своему хозяйству; поэтому продолжительная война угрожаетъ существованію его самого и его семьи.

Право вооруженія свободнаго мужчины, которое онъ оберегалъ съ такою гордостью, превращается теперь въ повинность, которая дѣлается для него все болѣе тягостной, превращая задолжавшаго крестьянина въ холопа, повергая его въ нищету, разрушая его хозяйство.

Но крестьянину не предоставляется по его желанію право принимать или не принимать участіе въ войнѣ. Мы не станемъ совершенно касаться причинъ завоевательныхъ войнъ этой эпохи, такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко въ сторону, но укажемъ лишь, что самое благосостояніе, которое пріобрѣлъ крестьянинъ земледѣліемъ, было уже достаточнымъ стимуломъ для постоянныхъ грабительскихъ нападеній варварскихъ кочевыхъ племенъ, которыя заставляли крестьянина покидать свою жатву, если онъ хотѣлъ защитить ее.

Что онъ могъ предпринять при такихъ условіяхъ? Чтобы не потерять всего, онъ долженъ былъ пожертвовать частью. Трудъ на этой ступени культуры достигъ такого развитія, что обыкновенно крестьянинъ производилъ больше, чѣмъ это необходимо было ему для поддержанія своего существованія и существованія своей семьи. Этотъ излишекъ давалъ ему возможность покупать себѣ защитника. Крестьянинъ снабжалъ всѣми жизненными продуктами особый классъ людей, обрабатывалъ ихъ поля, строилъ имъ жилища, поддерживалъ ихъ хозяйство и т. д., и этимъ путемъ давалъ возможность этому классу отдаваться безъ всякихъ матеріальныхъ жертвъ военному ремеслу, подобно тому, какъ въ періодъ варварства трудъ женщины позволялъ мужчинѣ заниматься охотой и войной. Этотъ классъ снимаетъ теперь съ крестьянина обязанность военной службы, защищаетъ страну и людей.

Таковы экономическія условія возникновенія военной касты. Эта послѣдняя, сообразно съ историческими условіями, при которыхъ она образовалась, принимаетъ различныя формы: это были либо начальники племени, рода и другія должностныя лица со своими дружинниками и слугами, и изъ нихъ образовалось военное дворянство, либо это было особое, вторгшееся въ страну варварское племя, которое приняло на себя всѣ функціи, а также, конечно, и привилегіи дворянства, либо это были толпы наемниковъ и т. п. Но какъ бы ни было различно происхожденіе организаціи,

военной касты, ея происхожденіе можно прослѣдить повсюду, гдѣ земледѣліе стало главнымъ промысломъ, за исключеніемъ, конечно, мѣстностей слишкомъ отдаленныхъ или недоступныхъ, чтобы подвергаться часто опасностямъ набѣговъ. На этой ступени культурнаго развитія военная каста является экономической необходимостью; то обстоятельство что ея возникновеніе не обходилось обыкновенно безъ актовъ насилія, не можетъ служить доводомъ противъ этого. Сила является лишь акушеркой новаго общества, а не матерью его.

Подобно тому, что произошло съ военной службой произошло также и съ общиннымъ управленіемъ, и съ законодательствомъ, и съ юстиціей. Общество все болѣе усложнялось, развивалось раздѣленіе труда, начиналось образованіе классовыхъ и сословныхъ различій. Частная собственность росла по размѣрамъ и значенію. возникали противорѣчія интересовъ въ обществѣ; задачи общественнаго управленія, законодательства и юстиціи дѣлались все болѣе многочисленными, разнообразными и трудными. Народныя собранія, собиравшіяся отъ времени до времени для обсужденія общественныхъ дѣлъ и, въ большинствѣ случаевъ, руководившіяся традиціями, дѣлались все болѣе неспособными для разрѣшенія этихъ задачъ; и въ то время, какъ требованія къ народному собранію росли, склонность и даже возможность посѣщать ихъ въ достаточномъ количествѣ исчезала для массы населенія.

Какъ и воинскую повинность, и самыя тягостныя изъ своихъ политическихъ и судебныхъ обязанностей крестьянинъ старался перенести на другихъ, принимавшихъ ихъ конечно, не безъ соотвѣтственнаго вознагражденія.

Проще всего было передать ихъ тѣмъ же лицамъ, которыя переняли воинскую повинность. Дѣйствительно, повсюду, гдѣ культурное развитіе совершалось безъ вліянія высшей культуры на низшую, какъ, напр., въ Египтѣ, мы видимъ, что первоначально существовало только одно главенствующее сословіе, или каста. Обыкновенно она раздѣ-

лялась позже на два класса,—на классъ воиновъ и такъ называемыхъ священнослужителей (Priester), которые отправляютъ важнѣйшія функціи управленія, законодательства и суда. При особыхъ историческихъ условіяхъ, какія были, напр., у германцевъ, унаслѣдовавшихъ Римскую имперію, это раздѣленіе главенствующихъ классовъ существовало съ самаго начала.

Такимъ образомъ съ зачатками цивилизаціи все болѣе исчезали старыя народныя вольности. Ихъ устраняли не клерикальныя козни, не королевская жажда власти, а развитіе формъ производства.

Такъ, напр., во время исчезновенія народныхъ вольностей у западныхъ германцевъ, въ первое столѣтіе послѣ народнаго переселенія, мы видимъ, что короли и ихъ чиновники не проявляли стремленія притѣснять или запрещать народныя собранія. Они скорѣе стараются пробудить болѣе живое участіе въ этихъ собраніяхъ, они облагаютъ штрафомъ не явившихся на созванные Тинги (Thingen—народныя собранія).

Дѣйствительно, отсутствіе народныхъ собраній должно было имѣть очень много дурныхъ послѣдствій для общественныхъ дѣлъ, пока не создались организаціи, перенявшія функціи этихъ собраній. Когда же эти организаціи возникли и стали источникомъ власти и богатства,—картина, конечно, измѣнилась. Тогда каждая попытка возстановить прежнія вольности разсматривается, какъ потрясеніе основы могущества и богатства этихъ организацій; съ другой стороны, всякое суживаніе какой-либо сохранившейся народной вольности являлось средствомъ для расширенія области власти и эксплуатаціи этихъ организацій. Но въ основѣ господства духовенства, такъ же какъ и въ основѣ господства военнаго дворянства, лежала экономическая необходимость его.

Однако, народныя вольности не исчезаютъ совершенно въ періодъ господства духовенства и дворянства, сохранившись вплоть до возникновенія бюрократическаго госу-

арства; только область этихъ вольностей сокращается. Крестьяне не имѣютъ времени и возможности участвовать въ устройствѣ дѣлъ племени или народа. Напротивъ, управленіе дѣлами общины остается въ ихъ рукахъ, и этого для нихъ достаточно. Каждая отдѣльная крестьянская община дѣлается теперь самодовлѣющей экономической единицей, которой обыкновенно живется тѣмъ лучше, чѣмъ меньше она имѣетъ дѣлъ съ внѣшнимъ міромъ; интересъ къ дѣламъ племени, племенное чувство все болѣе исчезаютъ община становится міромъ крестьянина, его политика все болѣе ограничивается политикой своего прихода. Параллельно съ тѣмъ, какъ совершается это развитіе,—новыя общественныя организаціи—государства,—возникшія изъ одного или нѣсколькихъ древнихъ племенъ, теряютъ свою органическую связь. Племя до возникновенія цивилизаціи покоилось на нераздѣльной связи всѣхъ своихъ членовъ: государство же, о которомъ мы говоримъ,—напримѣръ, средневѣковое феодальное государство, или большинство восточныхъ государствъ,—покоится почти исключительно на связи господствующихъ классовъ, дворянства и духовенства, отдѣльныя же общины не имѣютъ никакой органической связи съ этимъ государствомъ.

Племя можно уничтожить, или вытѣснить, но нельзя по желанію взять изъ него отдѣльныя части, чтобы слить ихъ съ другими племенами. Они представляютъ собой нераздѣльное цѣлое; напротивъ, средневѣковыя или восточныя государства являются простымъ аггрегатомъ общинъ и областей, аггрегатомъ, отъ котораго можно легко отдѣлить каждую часть и присоединить къ другому аггрегату, не измѣнивъ сколько-нибудь существенно отношенія въ общинѣ. Безъ особаго труда счастливый завоеватель или умный женихъ съ разсчетомъ,—конечно, королевской крови,—могъ на этой культурной ступени завоевать или получить «въ приданое» большое государство. Но зато такъ же легко оно снова распадается при вражескомъ нападеніи.

Члены общины не особенно печалятся объ измѣне-

ніяхъ, происходящихъ внутри господствующихъ классовъ; ихъ интересы не особенно затрагиваются, и поэтому для нихъ безразлично—платятъ ли они оброкъ и отбываютъ барщину одному или другому господину. Но если бы они и вздумали воспрепятствовать какому-либо измѣненію,—ихъ попытка въ этомъ направленіи оказалась бы напрасной: въ своей обособленности община безсильна противъ могучей организаціи правящихъ классовъ всего государства.

Отсутствіемъ взаимной связи, своей индифферентностью къ государственной политикѣ эти общины являются идеаломъ для многихъ анархистовъ, но именно эти свойства общинъ—какъ указалъ уже Энгельсъ въ отношеніи восточнаго деспотизма—являются основой неограниченнаго деспотизма господствующихъ классовъ,—присущаго этой культурной ступени—будь это деспотизмъ военнаго дворянства, духовенства, или какого-нибудь главы одной изъ этихъ кастъ.

III.

Городская демократія въ древности.

При извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ общинная жизнь порождала новый подъемъ демократіи.

Развитіе экономическихъ отношеній создало и развило *ремесло* и *торговлю* въ отдѣльныхъ общинахъ, обладавшихъ благопріятнымъ географическимъ положеніемъ или политическимъ устройствомъ. Народонаселеніе и благосостояніе ихъ росло; для защиты своихъ богатствъ они окружали себя стѣнами и превращались въ города. При особенно благопріятныхъ условіяхъ они пріобрѣтали значительные размѣры и могущество. Многимъ изъ нихъ удавалось сохранить свою независимость, или, если они раньше были лишены ея, пріобрѣсти ее снова. Инымъ удавалось даже самимъ обратиться въ властелиновъ другихъ общинъ, основывать государства, которыя подчасъ своими размѣрами (какъ, напр., Афинское государство) могли состязаться съ

иными королевствами. Извѣстно, какое громадное міровое государство основала община Римъ.

Рука объ руку съ этимъ ростомъ могущества и богатства происходила жестокая борьба внутри городскихъ общинъ.

Вначалѣ каждый деревенскій поселокъ являлся вмѣстѣ съ тѣмъ и земельной общиной (маркой). Земля, не перешедшая въ частную собственнность, (Dorfmark-деревенская марка) принадлежала всей общинѣ. Жители деревни были вмѣстѣ съ тѣмъ и членами марки. Они пользовались общинной землей сообща или каждый обособленно на основаніи точно установленныхъ общиною правилъ.

Если въ общину приходилъ чужакъ—что должно было случаться рѣдко, если принять во вниманіе осѣдлость крестьянъ—и если онъ былъ принятъ членомъ общины, то онъ также становился участникомъ въ пользованіи общинной землей, благо земли было вначалѣ слишкомъ достаточно.

Все это измѣнилось прежде всего въ городахъ. Преимущества, которыя они представляли собой, были обыкновенно столь значительны, что города являлись притягательнымъ центромъ для населенія ближайшихъ да и болѣе отдаленныхъ окрестностей, а иногда даже и для чужестранцевъ. Число переселившихся чужаковъ росло, земли становилось недостаточно, и она пріобрѣтала цѣнность. Послѣдствіемъ этого явилось то, что члены марки перестали надѣлять землей новыхъ пришлецовъ. Марка превращается въ замкнутое общество, члены котораго составляютъ лишь часть членовъ общины. Внутри городской общины возникаетъ противоположность интересовъ членовъ марки которые стали землевладѣльческою и торговою аристократіей—патриціатомъ, и остальныхъ членовъ общины—плебеевъ, которые не только были лишены права пользованія общинной землей, но также и права участія на собраніяхъ членовъ марки, а этому послѣднему принадлежала законодательная и отчасти также судебная власть и контроль надъ управленіемъ общинъ.

Исключенные изъ марки члены общины мирились съ своимъ безправіемъ лишь до тѣхъ поръ, пока они являлись въ общинѣ только терпимыми, пока члены марки, если не своею численностью, то во всякомъ случаѣ экономическимъ значеніемъ подавляли ихъ. Но экономическое значеніе патриціевъ относительно все уменьшалось, численность же и экономическое значеніе не принятыхъ въ число членовъ марки пришлецовъ постоянно росли. Земледѣліе перестало быть экономической основой города; торговля и промышленность выдвигались на первый планъ, экономическая власть переходила отъ землевладѣльцевъ къ купцамъ и ремесленникамъ, и, чѣмъ дальше шла эта эволюція тѣмъ сильнѣе чувствовали себя эти оба послѣдніе класса, и тѣмъ съ большимъ недовольствомъ мирились они съ своимъ безправіемъ, тѣмъ рѣшительнѣе боролись плебеи противъ привилегій патриціевъ: патриціи были вынуждаемы дѣлать имъ одну уступку за другой; плебеи получили право участія въ управленіи города, городской марки. Доля участія плебеевъ въ управленіи городомъ находилась въ зависимости отъ соотношенія силы различныхъ классовъ ихъ. Иногда бывало, что это суверенное собраніе, бывшее высшей инстанціей во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, не только издававшее законы, но также избиравшее должностныхъ лицъ и чинившее судъ,—снова, какъ и раньше, становилось собраніемъ всего народа.

Самымъ блестящимъ примѣромъ подобнаго возрожденія демократіи на новой основѣ представлялъ собой городъ Аѳины, ставшій центральнымъ пунктомъ большого государства.

Къ чему же вело это «непосредственное народное законодательство»?

Управленіе большимъ государствомъ требовало разрѣшенія массы самыхъ разнообразныхъ вопросовъ. Аѳинскій народъ показалъ себя вполнѣ зрѣлымъ для этой роли, но онъ долженъ былъ посвящать ей почти все свое время.

Естественнымъ послѣдствіемъ этого было то, что политическая власть перешла фактически лишь къ тѣмъ слоямъ гражданъ, которые были въ состояніи посвящать все свое время государственнымъ дѣламъ. Къ числу этихъ гражданъ не принадлежали ни окрестные крестьяне, хотя они и имѣли право принимать участіе въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ, ни свободные ремесленники города. Управленіе государствомъ, законодательство и высшая судебная власть попали въ руки тѣхъ элементовъ населенія, которые жили на счетъ другихъ: въ руки богатыхъ и бѣдныхъ паразитовъ—землевладѣльцевъ, крупныхъ купцовъ и фабрикантовъ*), съ одной стороны, и «босяковъ» (Lumpenproletarier) —съ другой.

Слой деклассированный—«босяки», собственно не имѣлъ какихъ-либо классовыхъ интересовъ, политическая власть въ его рукахъ никогда не могла являться рычагомъ для того, чтобы направлять государственную политику въ интересахъ какого-нибудь отдѣльнаго класса. Онъ пользовался ею только для личныхъ временныхъ интересовъ своихъ членовъ. Босяки пользовались политической властью для того, чтобы продать ее тѣмъ, кто больше дастъ, т. е. богатымъ, пріобрѣтавшимъ голоса этого народа празднествами и подачками—хлѣбомъ и зрѣлищами, какъ и въ Римѣ; только зрѣлища были здѣсь другого рода. Средства для всего этого доставляло *рабовладѣльческое хозяйство.*

Отчасти благодаря стремленію среднихъ классовъ отнять у богатыхъ возможность пользоваться голосами босяковъ, отчасти благодаря стремленію этихъ послѣднихъ быть на службѣ непосредственно у государства, было введено государствомъ вознагражденіе за участіе въ общественной

(Для книг) 948150

*) Въ Аѳинахъ было много фабрикъ, Ergasteia, на которыхъ работали рабы. Во время Пелопоннесской войны однажды не менѣе 20.000 бѣжали изъ Аѳинъ въ занятую спартанцами Декелію. Большинство изъ нихъ были фабричными рабами. Демократическій политикъ Клеонъ—„кожевникъ" былъ не ремесленникомъ, а владѣльцемъ кожевеннаго завода.

им. К. Маркса.

дѣятельности—въ судебныхъ собраніяхъ (вознагражденіе Геліастовъ), въ народныхъ собраніяхъ (вознагражденіе Экклезіастовъ), и даже за участіе въ празднествахъ (Theorikon). Откуда же добывались средства для этихъ вознагражденій? Съ одной стороны, отъ обложенія богатыхъ, т. е. изъ труда ихъ рабовъ, которые здѣсь снова выступали кормильцами суверенаго аѳинскаго народа, съ другой стороны, съ податей (трибы), которыя платили подчиненные общинѣ «союзники».

Но это продолжалось недолго. Начиная съ Перикла любимымъ средствомъ аѳинскихъ государственныхъ людей для пріобрѣтенія популярности у аѳинскаго народа была конфискація завоеванныхъ земель съ цѣлью принесенія ихъ въ даръ отдѣльнымъ аѳинянамъ. Конфискованная земля раздѣлялась на череды (Клераи) и дарилась отдѣльнымъ аѳинскимъ гражданамъ, которые поэтому назывались Клерухами. Если этимъ путемъ предполагали неимущихъ гражданъ сдѣлать крестьянами, то средство для этого было выбрано неудачно: босяки предпочитали отдаваться беззаботному веселью въ Аѳинахъ, чѣмъ въ потѣ лица влачить однообразное существованіе въ деревнѣ. Они предпочитали оставаться въ Аѳинахъ, отдавая свой участокъ земли въ аренду его прежнему владѣльцу. Клерухія, такимъ образомъ, въ сущности являлась средствомъ надѣлить босяковъ обязанными крестьянами которые на нихъ работали. Этотъ институтъ въ значительной степени объясняетъ безграничную жажду завоеваній Аѳинъ. Онъ дѣлаетъ понятными ту крайнюю ненависть, которую питали къ Аѳинамъ покоренные народы. И онъ все же не оказалъ вліянія богатыхъ на экономически, если не политически, праздныхъ слоевъ народа, а явился лишь приманкой, заставлявшей трудящіеся средніе классы оставлять свой промыселъ, чтобы замѣнить его политической дѣятельностью. Такимъ образомъ искусственно создавались новые толпы «босяцкаго» пролетаріата.

До возникновенія *настоящаго* пролетаріата демократія

находила себѣ опору въ трудящихся среднихъ классахъ, крестьянахъ и ремесленникахъ. Босяцкій пролетаріатъ всегда продавалъ свои права и вольности, не отваживаясь никогда на серьезную борьбу за нихъ; поэтому, какъ только онъ сталъ составлять массу аѳинскаго населенія, народныя вольности должны были исчезнуть.

Какъ извѣстно, тѣми же путями совершалось и развитіе Рима.

Такимъ образомъ, и здѣсь мы снова находимъ, что «непосредственное народное законодательство» покоилось на чужомъ трудѣ: въ періодъ варварства—на трудѣ женщинъ,—цивилизаціи—на трудѣ рабовъ и обязанныхъ крестьянъ; и подобно тому, какъ первобытная всеобщая свобода перешла въ деспотизмъ, имъ же были замѣнены и возродившіяся позже городскія демократіи.

IV.

Представительная система.

Зачатки представительнаго института существовали уже въ очень отдаленныя времена, еще въ періодъ варварства. Какъ только область общественныхъ дѣлъ стала болѣе обширной, охвативъ большіе круги населенія, такъ что участіе всѣхъ заинтересованныхъ въ обсужденіи ихъ стало невозможнымъ, проще всего было, вмѣсто собранія всѣхъ заинтересованныхъ, организовать собраніе лишь небольшого количества ихъ *представителей*.

Подобныя собранія мы находимъ, напр., уже у Ирокезовъ; но громадное различіе между современнымъ парламентомъ и этими собраніями представителей заключалось не только въ ихъ внѣшней организаціи, но и въ самой своей сущности. Возьмемъ, напримѣръ, конфедерацію Ирокезовъ. Изъ временныхъ союзовъ постепенно образовалось прочное объединеніе пяти племенъ съ цѣлью совмѣстнаго веденія войнъ. Этотъ союзъ былъ слишкомъ обширенъ, чтобы одно народное собраніе могло разрѣшать его дѣла, и изъ родоначальниковъ всѣхъ пяти

племенъ образовалось маленькое собраніе делегатовъ, которое вѣдало общія дѣла союза. Собраніе это не было однако суверенным; оно не имѣло права заставить меньшинство подчиниться своему постановленію. Родоначальники представляли собою племя независимо отъ численности его, и всякое постановленіе получало силу только въ томъ случаѣ, если оно было принято *единогласно*. Такое собраніе не походило ни на законодательный парламентъ, ни, напр., на всемірный почтовый конгрессъ; каждый депутатъ являлся въ немъ представителемъ не общихъ интересовъ, какими, по крайней мѣрѣ въ теоріи, являются современные депутаты въ парламентѣ, а защитникомъ особыхъ интересовъ отдѣльнаго племени, пославшаго его въ это собраніе всѣхъ пяти племенъ.

Подобнаго же рода представительныя собранія возникли и въ періодъ цивилизаціи вслѣдствіе объединенія самостоятельныхъ городовъ и общинъ, или областей, въ одинъ союзъ. Такъ, напр., въ Швейцарской конфедераціи собранія представителей отдѣльныхъ кантоновъ первоначально имѣли право касаться только общихъ дѣлъ союза, не принимая никакихъ обязательныхъ постановленій большинствомъ голосовъ; ни одинъ кантонъ не былъ обязанъ слѣдовать постановленію, съ которымъ онъ не соглашался.

Нѣсколько иной характеръ носили сословныя собранія, которыя въ монархическихъ государствахъ феодальной Европы конца среднихъ вѣковъ получили болѣе опредѣленную организацію. Они являлись дальнѣйшимъ развитіемъ древнихъ народныхъ собраній, въ которыя, однако, проникъ федеративный элементъ, но отсутствовали племенная связь и племенное сознаніе, а отдѣльныя общины и марки являлись все болѣе и болѣе изолированными одна отъ другой. Мы видѣли, какимъ образомъ исчезали народныя вольности. Государственныя, провинціальныя и областныя собранія, которыя съ переходомъ къ осѣдлому образу жизни замѣ-
или народныя племенныя и родовыя собранія, не были уничтожены, они продолжали собираться для выбора долж

ностныхъ лицъ, для разрѣшенія общественныхъ дѣлъ, улаживанія споровъ, но число свободныхъ мужей, имѣвшихъ исключительное право участвовать на собраніяхъ, убывало, а на-ряду съ этимъ убывало въ еще большей степени и число гражданъ, имѣвшихъ фактическую возможность участвовать на нихъ.

Во Франціи каждый совершеннолѣтній свободный имѣлъ право участвовать въ общегосударственномъ собраніи.

«Но въ дѣйствительности, кромѣ взятой съ собой королемъ или особо приглашенной духовной или свѣтской аристократіи, изъ остальныхъ свободныхъ присутствовали на собраніяхъ только близъ живущіе или тѣ, которые имѣли высказать какія-либо особыя пожеланія*)».

Въ концѣ концовъ простые люди совсѣмъ перестали посѣщать эти собранія. Короля не безпокоило ихъ отсутствіе, для него важно было только присутствіе тѣхъ, чей голосъ имѣлъ значеніе, отъ кого онъ дѣйствительно былъ зависимъ—присутствіе крупнаго дворянства, епископовъ и аббатовъ, герцоговъ и графовъ.

Государственныя и областныя собранія въ различныхъ христіанскихъ германскихъ государствахъ все болѣе становились простыми собраніями дворянства при дворѣ королей и другихъ владѣтельныхъ князей. Значеніе этихъ собраній замѣтно падало; они потеряли право избранія государственныхъ должностныхъ лицъ, такъ какъ должности сдѣлались наслѣдственными, посколько они не раздавались королямъ. Задачи высшей судебной инстанціи стали столь сложными, что собранія дворянъ вскорѣ оказались столь же неспособными для ихъ выполненія, какъ раньше народныя собранія, судебная власть все болѣе и болѣе переходила въ руки спеціальныхъ судей.

Вмѣстѣ съ судопроизводствомъ эти послѣдніе пріобрѣли

---

*) F. Dahn. Urgeschichte der germanishen und romanishen Völker, IV. Bd., S. 48.

также значительное вліяніе и на законодательство. Точное разграниченіе между судебной и законодательной властью и понынѣ не вполнѣ установлено. Сперва судьи рѣшали преимущественно согласно обычаямъ, если же суду предстояло разрѣшить дѣло, не имѣвшее прецедента, то постановленіе судьи являлось равносильнымъ новому закону.

Помимо традиціи общественныя отношенія регулировались не общими законами, а особыми договорами между одними обществами или лицами и другими. Дворянскія собранія, поэтому, не имѣли ничего общаго съ законодательствомъ.

Если, наконецъ, принять во вниманіе, что государство, т. е. король, на этоіі ступени культуры свои обыкновенные доходы получалъ не изъ опредѣленныхъ налоговъ съ подданныхъ государства, а изъ своихъ земельныхъ владѣній, то станетъ понятнымъ, что правильныя періодическія собранія дворянства становились все болѣе ненужными. Только при исключительныхъ обстоятельствахъ, когда король долженъ былъ сдѣлать особыя предложенія «своему народу», онъ созывалъ дворянство, чтобы обезпечить себѣ его содѣйствіе и помощь.

Областныя собранія возродились снова съ расцвѣтомъ городовъ, со времени крестовыхъ походовъ. Торговля и ремесла развивались, возникали многочисленные города, которые быстро становились сильными общественными организаціями; иные изъ нихъ при благопріятныхъ условіяхъ достигали такого развитія, что дѣлались самостоятельными республиками, и они не только сбрасывали съ себя всякое подчиненіе, но становились,—подобно нѣкоторымъ городскимъ республикамъ древности, о которыхъ мы упоминали выше,—иногда очень могущественными властелинами большого государства. Укажемъ, хотя бы, на Венеціанскую республику. Но и тамъ, гдѣ города не достигли такого могущества, они все же представляли изъ себя силу, которую нельзя было игнорировать. Съ теченіемъ времени стало не-

обходимымъ для владѣтельнаго князя наряду съ дворянами совѣщаться и съ представителями городовъ во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, если онъ хотѣлъ быть обезпеченнымъ необходимой поддержкой.

Такимъ образомъ, теперь въ высшихъ собраніяхъ сталъ участвовать еще одинъ или, вѣрнѣе, даже два новыхъ элемента, такъ какъ духовенство, хотя и допущенное въ собраніе дворянъ, до тѣхъ поръ не проявляло къ нему особаго интереса; оно обладало другими средствами для защиты своихъ интересовъ въ государствѣ, помимо участія въ собраніяхъ дворянъ. Когда же въ этихъ, можно сказать, высшихъ представительныхъ собраніяхъ, благодаря появленію городскихъ депутатовъ, пробудилась новая жизнь и они получили больше значенія—духовенство стало относиться къ нимъ съ большимъ интересомъ.

Такимъ образомъ, эти представительныя собранія стали собраніями сословій. Они принимали при этомъ самыя разнообразныя формы. Иногда дворянство и духовенство составляли одну палату, а городскіе депутаты—другую; иногда дворяне и духовенство засѣдали каждые отдѣльно,—и тогда было три палаты, иногда даже и дворянство дѣлилось на высшее и низшее, причемъ это послѣднее засѣдало вмѣстѣ съ представителями горожанъ. Бывали даже отдѣльные случаи, когда крестьянамъ, при благопріятныхъ условіяхъ, удавалось освободиться отъ своихъ крѣпостныхъ повинностей, обратиться въ свободныхъ поселенцевъ и пріобрѣсти силу, которую также нельзя было игнорировать. Тогда въ сословное собраніе были привлечены также и депутаты отъ крестьянъ, которые засѣдали либо вмѣстѣ съ горожанами, либо составляли особое, четвертое сословіе.

Эти сословныя собранія быстро пріобрѣтали силу и значеніе, такъ какъ чѣмъ болѣе развивались торговля и ремесло, тѣмъ менѣе достаточны были доходы отъ королевскихъ владѣній для удовлетворенія нуждъ государства. Судьи на жалованьи—въ большинствѣ случаевъ римскіе юристы - дѣлались теперь все многочисленнѣе; наряду съ

высшими судебными учрежденіями въ ихъ руки переходила та или другая область и низшихъ судовъ. Въ это же время—приблизительно въ XIV столѣтіи,—сталъ развиваться институтъ наемныхъ войскъ. Судъ и война, бывшіе тогда главными задачами государственной власти—обходились все дороже, росли и расходы на роскошь, окружавшую княжескіе дворы. Князьямъ понадобились деньги, потребность въ которыхъ все увеличивалась; и среди князей возникла «нужда».

Несчастные испытывали подобно нашимъ крупнымъ помѣщикамъ, всевозможныя средства для удовлетворенія своихъ потребностей. Простѣйшимъ средствомъ являлось обращеніе къ займамъ; наряду съ этимъ они прибѣгали къ злостнымъ банкротствамъ, поддѣлкѣ монетъ, грабежу богатыхъ гражданъ, въ особенности богатыхъ евреевъ*), и т. д.

Но всѣ эти побочные доходы финансовой политики, какъ бы они ни были подчасъ прибыльны, были все же недостаточны для покрытія государственныхъ расходовъ и расходовъ на содержаніе двора. Все необходимѣе дѣлалось привлеченіе всей массы «подданныхъ» къ участію въ расходахъ по государственному хозяйству; тогда то и были изобрѣтены денежные налоги.

Однако, правители не получали этихъ налоговъ безъ соотвѣтствующихъ взаимныхъ уступокъ. Съ безоружныхъ крестьянъ можно было драть шкуру сколько угодно, но передъ могущественными классами, представленными въ сословныхъ собраніяхъ, они должны были сдаться. Иногда доходило до того, что управленіе государствомъ фактически становилось зависимымъ отъ комитетовъ, избранныхъ

---

*) Рука объ руку съ этой княжеской мошеннической политикой создавалось „въ назиданіе“ невѣроятно жестокое кровавое законодательство противъ мелкихъ мошенниковъ и даже противъ нищихъ и безработныхъ. Крупные воры не только были свободны, но они сами именемъ справедливости вѣшали и истязали мелкихъ воровъ.

сословными собраніями, въ рукахъ которыхъ и государственное войско являлось безвольнымъ орудіемъ.

Эти сословныя собранія явились предтечами современнаго парламента, но они все еще въ значительной степени стояли на той же почвѣ, что и вышеупомянутыя собранія делегатовъ союзныхъ суверенныхъ государствъ и племенъ.

Каждый членъ сословнаго собранія являлся не какъ представитель всей націи (или хотя бы отдѣльнаго класса этой націи), но какъ представитель одной строго ограниченной корпораціи опредѣленной территоріи, которую онъ представлялъ, отчасти какъ избранный ею для этого (какъ депутатъ города или церковной корпораціи), или же въ силу своего унаслѣдованнаго или пріобрѣтеннаго соціальнаго положенія (какъ свѣтскій или духовный землевладѣлецъ).

Обязанности каждой отдѣльной корпораціи или каждой отдѣльной территоріи по отношенію къ государству были строго установлены особымъ договоромъ, и всякія новыя обязательства не могли быть наложены на общину или область безъ ихъ согласія, либо безъ согласія ихъ господина, или представителя. Поэтому подавленія меньшинства большинствомъ первоначально въ сословныхъ собраніяхъ не существовало. Правда, иногда упрямое меньшинство должно было быть готовымъ къ тому, что его силою заставятъ присоединить свой голосъ къ голосу большинства.

Если членъ сословнаго собранія засѣдалъ въ немъ не въ силу своего соціальнаго положенія, а какъ избранный представитель какой-либо территоріи или корпораціи, то его согласіе имѣло силу часто только въ томъ случаѣ, если оно было утверждено избравшими этого депутата. Прелаты должны были получить одобреніе своего конвента или капитула, депутаты городовъ—согласіе совѣта или собраніе общины*).

*) Относительно Германіи см. Fr. W. Unger, Geschichte der deutschen Landstânde II, 390 сл. 414 и слѣд. Объ Англіи Лотаръ Бухеръ говоритъ: „Старый парламентъ дѣлалъ свои

Для того, чтобы изъ этихъ сословныхъ собраній могъ бы развиться современный парламентъ, изъ этого типа союзнаго собранія—національное собраніе, должно было прежде всего возникнуть единое государство вмѣсто того конгломерата общинъ и корпорацій, какимъ въ средніе вѣка являлось государство, и тогда узкій партикуляризмъ этихъ маленькихъ общественныхъ организацій долженъ былъ уступить мѣсто національности.

Эта послѣдняя и была создана капиталистической формою производства.

V.

Монархическій и парламентарскій абсолютизмъ.

Капиталистическимъ производствомъ, зачатки котораго мы находимъ уже въ началѣ XVI столѣтія, становится товарное производство, производство для продажи. Производство отдѣльныхъ хозяйствъ для собственнаго потребленія самихъ производителей и ихъ господъ все болѣе и болѣе отходитъ на задній планъ; вмѣстѣ съ нимъ исчезаетъ самодовлѣющее хозяйство или замкнутость деревенскихъ и городскихъ общинъ, составлявшая характерную особенность среднихъ вѣковъ. Отдѣльныя производства становятся теперь зависимыми отъ внутренняго, а часто также черезъ его ли посредство или непосредственно, и отъ мірового рынка.

Внутренній рынокъ собственно не что иное, какъ вся

постановленія единогласно, если же дѣло касалось одобренія налоговъ —то они не распространялись на тѣ округа, представители которыхъ голосовали противъ этихъ налоговъ". Der Parlamentarism, wie er ist. 2. Aufl S. 117) Бухеръ нѣсколько разъ высказываетъ свое крайнее сожалѣніе, что этотъ порядокъ отошелъ въ вѣчность (см. напр. стр. 92 и 160). Вообще, книга его очень остроумна и интересна, но о ней можно сказать то же, что сказалъ однажды Марксъ о сочиненіи Давида Уркварта (D. Ueguharts):„ она высказываетъ одновременно и силу и слабость критики, которая можетъ изобразить и осудить современность, но не въ состояніи понять ее". (Kapital 1 том. стр. 528).

область, занимаемая государствомъ. Государство внутри своей области охраняетъ своихъ подданныхъ, производителей товаровъ и продавцовъ ихъ, сколь возможно отъ конкурренціи иностранныхъ промышленниковъ и торговцевъ. Оно заботится также о томъ, чтобы условія сбыта товаровъ на иностранныхъ рынкахъ были наиболѣе благопріятны для его промышленниковъ и торговцевъ. Чѣмъ больше государство, чѣмъ сильнѣе государственная власть, тѣмъ лучше охраняются интересы промышленниковъ и торговцевъ.

Государство получаетъ прочную экономическую основу. Въ средніе вѣка мы наблюдаемъ постоянное измѣненіе области владѣнія отдѣльныхъ правящихъ князей, благодаря завоеваніямъ, дѣлежу наслѣдства, даже залогу*). Такъ какъ каждая община или, по меньшей мѣрѣ, каждая область представляла собой нѣчто цѣлое, то вовсе не было необходимости въ томъ, чтобы владѣнія составляли одно территоріальное цѣлое; Габсбурги, напр., въ XIV столѣтіи имѣли свои владѣнія не только на территоріи современной Германіи и Австріи, но также и въ Швейцаріи, и въ Швабіи, и въ Эльзасѣ.

Напротивъ, современныя государства состоятъ изъ областеій, связанныхъ между собой тѣсными экономическими узами, и тѣмъ болѣе тѣсными, чѣмъ дальше существуетъ государство, чѣмъ больше развивается въ его предѣлахъ экономическая жизнь на капиталистическихъ началахъ, и производство соотвѣтствуетъ особымъ потребностямъ внутренняго рынка, находящагося въ его распоряженіи.

Размѣры и положеніе области, занятой государствомъ, перестаютъ интересовать исключительно правящаго дома изъ военной касты; ими начинаютъ интересоваться также и производительные классы; государство династическое становится національнымъ государствомъ.

*) Основаніе монархіи Гогенцоллерновъ, какъ извѣстно, было положено такою именно залоговою сдѣлкой.

Для жителей деревенской или городской общины конца среднихъ вѣковъ было въ достаточной степени безразлично, распространяется ли власть ихъ господина на большее или меньшее число другихъ общинъ точно такъ же, какъ и для современныхъ работниковъ какого-нибудь помѣщичьяго хозяйства безразлично, обладаетъ ли ихъ хозяинъ еще и другими помѣстьями или нѣтъ; для жителей современнаго государства каждое сокращеніе государственныхъ владѣній влечетъ за собой нарушеніе ихъ интересовъ, тогда какъ расширеніе этихъ владѣній означаетъ и расширеніе внутренняго рынка и—въ будущемъ—улучшеніе положенія на міровомъ рынкѣ.

Чѣмъ болѣе сплоченной и сильной является новая организація государства, тѣмъ болѣе безсильными, неимѣющими значенія, становятся всѣ пережитки политическихъ и соціальныхъ организацій внутри государства. Это послѣднее перенимаетъ у нихъ ихъ функціи, и въ концѣ концовъ они являются ничѣмъ инымъ, какъ руинами, преграждающими пути, которыя необходимо уничтожить. Общество «атомизируется», различныя корпораціи перестаютъ быть посредниками во взаимныхъ отношеніяхъ людей.

Рука объ руку съ «атомизированіемъ», т. е. разложеніемъ старыхъ организацій внутри государства, идетъ централизація государства и общества.

Торговля издавна имѣла тенденцію къ централизаціи, требуя, чтобы товары, точно такъ же, какъ покупатели и продавцы, стекались въ одинъ опредѣленный пунктъ, особенно благопріятный въ географическомъ или политическомъ отношеніи. При капиталистическомъ производствѣ, превратившемъ все производство въ товарное, зависимое отъ торговли—централизація торговли приводитъ къ централизаціи всей экономической жизни. Вся страна дѣлается въ большей или меньшей степени прямо или косвенно экономически зависимой отъ главнаго города точно такъ же, какъ и отъ класса капиталистовъ. Главный городъ, центръ торговли, становится мѣстомъ средоточія прибавочной сто-

имости, избытковъ страны. Роскошь порождаетъ искусства и науки.

Экономической централизаціи соотвѣтствуетъ и политическая, и центральный пунктъ торговли становится также и центромъ управленія.

Мы уже указывали, что вновь появившіеся классы, живущіе товарнымъ производствомъ и торговлей, нуждались въ сильной государственной власти, которая бы защищала ихъ интересы, какъ внутри государства, такъ и внѣ его.

Король, потомокъ древняго родоначальника, въ средніе вѣка былъ не чѣмъ инымъ, какъ вождемъ: военныхъ— какъ глава военной касты, и высшимъ судьей—какъ глава духовной касты. Даже, когда его власть стала наслѣдственною,—что имѣло мѣсто не вездѣ—онъ все же оставался зависимымъ отъ доброй воли своихъ самостоятельныхъ, упрямыхъ вассаловъ такъ же, какъ и отъ самостоятельной и упрямой духовной іерархіи. Возникновеніе городовъ, какъ мы видѣли, не улучшило его положенія, сдѣлавъ его зависимымъ уже не отъ двухъ, а отъ трехъ сословій.

Развитіе міровой торговли и капиталистическаго производства измѣнило положеніе въ пользу владѣтельнаго князя, короля; создало массу неимущихъ, изъ которыхъ, покуда промышленность еще не была достаточно развита, лишь небольшая часть была наемными пролетаріями; большинство же составлялъ «босяцкій» пролетаріатъ, отчасти являвшійся такой же опорой деспотизма, какъ и «босяцкій» пролетаріатъ Рима, съ той лишь разницей, что теперь онъ продавалъ деспотамъ не свой избирательный голосъ, а свои кулаки. Наемныя войска на службѣ у князей все болѣе увеличивались числомъ*).

---

*) Наемныя войска въ XIV вѣкѣ имѣли совершенно иной характеръ, чѣмъ въ XVII в. Первыя—состояли изъ имущихъ крестьянъ, которые смотрѣли на военную службу, какъ на случайный побочный промыселъ, такъ какъ улучшеніе земледѣлія и ростъ населенія уже иногда порождали излишекъ

Одновременно съ этимъ исчезали рыцарскія войска, которыя были почти совершенно независимы отъ государя. Источники феодальнаго богатства изсякли, или точнѣе, потеряли свое значеніе. Сила общества заключалась не въ крестьянской барщинѣ, не въ натуральныхъ податяхъ а въ деньгахъ. Но сколько бы не драли шкуръ съ крестьянина, у него нельзя было достать много денегъ, и владѣтельные князья, дворяне и духовенство для того, чтобы получить деньги, должны были поэтому торговать тѣми своими функціями, въ которыхъ они усовершенствовались. Духовенство продавало свое исцѣленіе душъ, своихъ святыхъ, отпущеніе грѣховъ и реликвій; дворянство продавало свои военныя услуги всякому, кто давалъ за это соотвѣтствующую цѣну. Изъ экономически независимыхъ вассаловъ оно обратилось въ зависимыхъ наемниковъ, королевскихъ офицеровъ, т. е. вождей босяцкаго сброда, собраннаго подъ знамена владѣтельнаго князя

Торговля духовенства святыми стала въ концѣ концовъ настолько гнусной, что народъ повсюду возставалъ противъ нея. Какъ и дворянство, духовенство было не въ состояніи сохранить свою самостоятельность; всѣмъ своимъ имуществомъ и доходами оно, какъ въ католическихъ, такъ и въ протестантскихъ странахъ, было обязано милости князей, которымъ оно за это и служило.

Но дворянство и духовенство не только утрачивали рабочихъ рукъ. Многіе крестьянскіе сыновья, поэтому, дѣлались чужими въ семьѣ и уходили на чужбину, имѣя, однако, въ виду снова вернуться на родину, принять участіе въ семейномъ хозяйствѣ. Военныя способности, которыя пріобрѣли толпы этихъ крестьянъ на службѣ у чужихъ господъ, помогали имъ освобождаться отъ собственнаго господина. На этой почвѣ возникла свобода швейцарцевъ и Богемскихъ гуситовъ. Наемникъ XVII столѣтія былъ нѣмущій, военное искусство являлось его единственнымъ промысломъ. Ему не нужно было защищать никакой свободы, кромѣ, развѣ, свободы грабежа; его существованіе зависѣло только отъ его жалованья, онъ былъ княжескимъ холопомъ и опора деспотизма также и у себя на родинѣ.

свою самостоятельность и отчасти свои богатства, но и сами становились все болѣе ненужными. Новая форма производства, новое государство предъявляли къ суду и общественному управленію требованія, которыя не въ состояніи были удовлетворить старыя феодальныя организаціи, гдѣ дворянство и духовенство играли столь важную роль. Въ судѣ преобладали теперь исключительно ученые юристы (исключая Англіи,—повсюду Римской школы), назначаемые и оплачиваемые владѣтельнымъ княземъ, стало быть, всецѣло отъ него зависимые. И финансовое хозяйство теперь все болѣе и болѣе переходило въ руки княжеской бюрократіи. Въ средніе вѣка помѣщики и свободные города уплачивали свои повинности своему королю. Какъ помѣщикъ собиралъ полати съ крестьянъ, городъ—со своихъ граждан и другихъ жителей, этимъ раньше государственная власть не интересовалась. Теперь же помѣщики и городскіе магистраты были лишены права взимать податі: право это перешло въ руки податныхъ откупщиковъ и ихъ же податныхъ чиновниковъ.

Дворянство и духовенство, какъ таковыя, потеряли всякое значеніе въ государственномъ управленіи, въ судѣ и военной службѣ. Оба сословія все болѣе становились изнѣженными трутнями, обязанными своими привилегіями и богатствами отнынѣ уже не своимъ общественнымъ функціямъ, а милостямъ двора. Ихъ задача сводилась теперь только къ прославленію королевской власти.

Съ паденіемъ независимости дворянства и духовенства исчезли двѣ важныя опоры [illegible].

Въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ и третья опора колебалась все болѣе. Правда, развитіе капиталистическаго производства сопровождалось громаднымъ ростомъ городского населенія,—буржуазіи и пролетаріата,—сосредоточившихся въ нѣсколькихъ крупныхъ городахъ, которыхъ въ свою очередь превосходила величиною, [illegible] и богатствомъ и столица. Большинство городовъ либо останавливалось въ своемъ развитіи, либо даже падало, опускалось до [illegible]

мѣстечекъ» (rotten boroughs), какъ ихъ назвали въ Англіи.

Эти сельскіе городки не могли противостоять могуществу развивающагося абсолютизма.

Не удивительно поэтому, что, начиная съ XVI столѣтія, столица становится крупнымъ факторомъ въ политической жизни современныхъ государствъ. Генрихъ IV уже понялъ, что Парижъ «заслуживаетъ мессы», т. е. того, чтобы король, подчиняясь волѣ столицы, принялъ католичество. А что значилъ Лондонъ въ государственной жизни Англіи, долженъ былъ испытать на самомъ себѣ Карлъ I*).

Однако, для большинства населенія столицы не представляло никакого значенія сохраненіе власти сословныхъ собраній, такъ какъ это было равносильно сохраненію господства дворянства и мелкобуржуазныхъ филистеровъ. Что же могла ожидать столица отъ этихъ сословій? Прежде всего отклоненія новыхъ податей, стремленія къ большей экономіи; это же, обыкновенно, противорѣчило интересамъ столичнаго населенія того времени. Для значительной части населенія столицы источникомъ существованія являлось удовлетвореніе потребностей двора, и чѣмъ больше тратилъ этотъ послѣдній, тѣмъ «прибыльнѣй» было для столицы. То обстоятельство, что придворные не создавали сами своихъ богатствъ, что они могли только проматывать въ столицѣ то, что, какъ помѣщики или черезъ посредство государства, они выжимали изъ массы населенія,—это мало безпокоило торговцевъ и фабрикантовъ предметовъ роскоши, ростовщиковъ и сводниковъ, придворныхъ поэтовъ и философовъ; и понынѣ еще существуетъ достаточно писателей, которые проповѣдуютъ рабскую мудрость, а мотовство считаютъ соціальною обязанностью придворныхъ, и ѣющихъ цѣлью «пустить деньги въ народъ».

---

*) „Безъ преувеличенія можно сказать, что, не будь враждебнаго настроенія Сити, никогда не былъ бы побѣжденъ Карлъ I, и что безъ помощи Сити никогда не получилъ бы трона Карлъ II“. Маколей, Исторія Англіи, т. I.

Элементы, получившіе теперь вліяніе на королевскую власть, а черезъ ея посредство и на государство, были уже не тѣ, которые имѣли преобладательство въ сословныхъ собраніяхъ. Это были новые элементы, имѣвшіе личное вліяніе на короля. Прежде всего это были придворное дворянство, придворное духовенство, да еще чиновники и фаворитки,—орудіемъ ихъ вліянія были интриги; далѣе слѣдовало населеніе столицы, которое путемъ демонстрацій и даже возстаній заставляло часто считаться съ собой, наконецъ, купцы, капиталисты, кредитъ которыхъ составлялъ главную основу новаго государства.

Дѣйствительно, безъ помощи капиталистовъ королевская власть не могла бы стать абсолютной. Чтобы имѣть возможность вести борьбу, уничтожить или купить своихъ противниковъ, чтобы заплатить своимъ сторонникамъ и защитникамъ, чтобы исполнить задачи, ставшія теперь удѣломъ государства, задачи, исполненіе которыхъ раньше было возложено на отдѣльныя общины, корпораціи или ихъ феодальныхъ владѣльцевъ, или же задачи вновь возникшія, какъ-то: организація полиціи, путей сообщенія, проведеніе дорогъ, каналовъ, устройство крѣпостей, военныхъ складовъ—для выполненія всѣхъ этихъ задачъ владѣтельные князья нуждались въ деньгахъ, и обыкновенно въ большихъ деньгахъ, чѣмъ они могли получить въ видѣ податей или пошлинъ, выжимавшихся ими изъ своихъ подданныхъ. Они вынуждены были все болѣе и болѣе обращаться къ займамъ у богатыхъ купцовъ и т. п. за соотвѣтствующее вознагражденіе. Начиная съ этого времени, кредитъ и до нашихъ дней остался главной опорой государства. Повышеніе и паденіе биржевого курса въ послѣднія два столѣтія рѣшало судьбу не одного правительства.

Таковы вліятельные факторы, опредѣлившіе политику европейскихъ монархій вплоть до французской революціи, и даже позже, отчасти до нашихъ дней. Ихъ вліяніе было громадно, но оно не было сколько-нибудь постояннымъ, опредѣленно; фактически правилъ не владѣтельный князь, а

отдѣльныя лица, отдѣльныя группы лицъ, связанныхъ общностью интересовъ, но править они могли только черезъ посредство монарха. Власть монарха была абсолютная; отдѣльный фаворитъ или клика могли склонить ее въ ту или иную сторону, но никто въ государствѣ не могъ противостоять ей.

Сословныя же собранія все болѣе утрачивали свое значеніе. Въ нѣкоторыхъ странахъ они совсѣмъ уснули, въ другихъ играли приблизительно ту же роль, что и современные рабочіе совѣты на фабрикѣ. Они стали тѣми говорящими машинами, которымъ разрѣшалось въ нѣкоторыхъ незначительныхъ дѣлахъ оказывать содѣйствіе всемогущей государственной полиціи.

Таковъ былъ общій ходъ развитія Европы въ XVII и XVIII столѣтіяхъ.

Встрѣчались, однако, и исключенія. Были страны, въ которыхъ королевской власти не удалось уничтожить сословныя собранія, ставшія, наоборотъ, господами государственной власти. Самый выдающійся примѣръ этого отклоненія отъ общей тенденціи къ монархическому абсолютизму являетъ собою Англія.

Много было причинъ, благодаря которымъ Англія явилась исключеніемъ въ этомъ отношеніи, самыми же важными кажутся намъ слѣдующія. Какъ разъ въ началѣ XVII столѣтія, когда абсолютизмъ въ Англіи велъ послѣднюю рѣшительную борьбу, королевская власть перешла къ королю Шотландіи, экономически отсталой страны, въ которой еще сохранилась даже родовая организація, и государи находились всецѣло въ зависимости отъ сословій. Впродолженіе всего XVII столѣтія Шотландія являлась источникомъ слабости королей дома Стюартовъ, стремившихся въ Англіи къ абсолютизму, подобно тому, какъ до послѣдняго времени абсолютистскія стремленія Габсбурговъ всегда встрѣчали себѣ противодѣйствіе въ Венгріи.

Еще болѣе значенія имѣло островное положеніе Англіи: ея могущество, обезпеченность покоились не на сухо-

путныхъ войскахъ, а на флотѣ. Для производящей товары и торгующей ими буржуазіи, такимъ образомъ, не было никакого основанія поддерживать стремленіе монарховъ создать сильную постоянную армію. Это самое вѣрное орудіе деспотизма отсутствовало въ Англіи какъ разъ во время рѣшительной борьбы абсолютизма.

Островное положеніе Англіи еще большее значеніе имѣло потому, что оно, начиная съ XVI столѣтія, особенно благопріятствовало развитію современной капиталистической буржуазіи съ тѣхъ поръ, какъ открытіе морского пути въ Остъ-Индію и открытіе Америки перенесло центръ тяжести европейской міровой торговли съ Средиземнаго моря на берега Атлантическаго океана. Сначала участіе Англіи въ расцвѣтающей міровой торговлѣ Португаліи, Испаніи и Нидерландіи выражалось въ пиратствѣ, особенно вредившемъ испанскому флоту. Это пиратство скоро развилось настолько, что могло придать своимъ набѣгамъ легальный характеръ, благодаря завоеванію колоній и развитію заокеанской торговли, не только той торговли, которая теперь считается законной, но, преимущественно, контрабанды и торговли рабами. Лондонъ сдѣлался центромъ міровой торговли, превзойдя Лиссабонъ и Антверпенъ и имѣя къ концу XVII столѣтія только одного соперника въ смыслѣ экономическаго значенія—Амстердамъ. По численности народонаселенія Лондонъ уже тогда стоялъ во главѣ европейскихъ столицъ; онъ насчитывалъ полмилліона жителей и могъ выставить значительную городскую милицію. При этомъ онъ былъ въ меньшей степени городомъ роскоши, чѣмъ Парижъ; его процвѣтаніе въ меньшей степени зависѣло отъ мотовства двора и придворныхъ, и въ значительно большей—отъ процвѣтанія торговли. Онъ требовалъ правительство могучее для внѣшнихъ враговъ, а не для народа. Стюарты же всѣ свои силы посвятили попыткамъ созданія абсолютнаго правленія, оставивъ въ пренебреженіи внѣшнюю политику, способную защитить и расширить міровую торговлю Англіи.

Буржуазія Англіи и въ особенности Лондона была такъ сильна, такъ смѣла и самоувѣренна, что еще до средины XVII столѣтія, вынужденная обстоятельствами, отважилась въ союзѣ съ частью дворянства, съ мелкой буржуазіей и остатками крестьянства—объявить войну королевской власти, опиравшейся на другую часть дворянства и придворное духовенство. Буржуазія побѣдила въ этой борьбѣ, но при этомъ диктатура перешла къ массѣ мѣщанъ и крестьянъ. Тогда совершилось то же, что въ аналогичномъ случаѣ повторилось во время французской революціи и революціи 48-го года на континентѣ. Напуганная и притѣсняемая диктатурой рабочихъ классовъ, буржуазія бросилась снова въ объятія королевской власти и преданнаго ей дворянства. Она заключила съ земельной аристократіей союзъ, пережившій времена французской революціи и существовавшій безъ перерывовъ до перваго десятилѣтія XIX столѣтія.

То обстоятельство, что крупная буржуазія и крупные землевладѣльцы такъ долго шли рука объ руку, надо приписать тому своеобразному характеру, который земельное владѣніе пріобрѣло въ Англіи.. Тридцатилѣтняя война Бѣлой и Алой Розы почти совершенно истребила высшее дворянство. Новая аристократія крупныхъ землевладѣльцевъ возникла на руинахъ старой. Созданная Генрихомъ VII, покончившимъ съ гражданской войной, она была умножена и обогащена Генрихомъ VIII и его сыномъ Эдуардомъ VI на счетъ конфискованныхъ имуществъ церкви, гильдій и богадѣленъ.

Второе обновленіе крупнаго землевладѣнія было слѣдствіемъ гражданской войны между Карломъ I и парламентомъ. Многіе дворяне потеряли тогда свои имѣнія частью благодаря конфискаціи, частью вслѣдствіе своего разоренія. Ихъ имущества перешли къ обогатившейся буржуазіи. Реставрація Стюартовъ ни въ коемъ случаѣ не возвратила всѣмъ разореннымъ гражданской войной дворянамъ ихъ имѣній

Ничего удивительнаго нѣтъ въ томъ, что англійское землевладѣніе имѣетъ совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ континентальное, напр., французское. Это послѣднее сохранило традиціи феодальнаго времени настолько, что смотрѣло съ пренебреженіемъ на промышленные и торговые классы. Зарабатывать деньги оно считало позоромъ. Доходы, которые оно получало со своихъ имѣній, все сокращались, но чрезвычайное честолюбіе мѣшало ему заботиться о раціональномъ хозяйствѣ; оно, однако, не препятствовало ему покрывать свои дефициты милостыней (у короля), воровствомъ (изъ государственныхъ кассъ), займами (у капиталистовъ). Французскій дворянинъ въ теченіе XVIII столѣтія сталъ банкротомъ.

Большинство англійскихъ крупныхъ землевладѣльцевъ были случайные люди, уже воспріявшіе духъ капитализма. Они заботились о капиталистической эксплуатаціи своихъ имѣній арендаторами, обладающими капиталами; они не считали ниже своего достоинства принимать участіе въ торговыхъ дѣлахъ, они умѣли достойно цѣнить буржуа, если онъ былъ богатъ; они обогащались особенно путемъ участія въ колоніальной политикѣ и пользовались своими богатствами для улучшенія и расширенія своихъ помѣстій. Въ томъ же столѣтіи, когда французское дворянство находилось въ финансовомъ упадкѣ, англійское—пріобрѣло финансовое могущество.

Подобно буржуазіи своего времени энергичные и предпріимчивые дворяне Англіи принимали самое живое участіе не только въ своихъ частныхъ дѣлахъ, но и въ государственныхъ. Гдѣ только было возможно, аристократія принимала участіе въ управленіи страны, и государственная бюрократія въ Англіи развилась въ меньшей степени, чѣмъ въ какой либо изъ другихъ европейскихъ монархій, и при своемъ управленіи дворянство умѣло отстаивать интересы крупной буржуазіи, которые были такъ близки ему.

Благодаря своему возрожденію въ XV и XVII столѣ-

тіяхъ, англійская землевладѣльческая аристократія дольше сохранила свою свѣжесть, чѣмъ какая-либо другая въ Европѣ, при этомъ и капиталистическая буржуазія Англіи развилась особенно рано.

Благодаря своему союзу при благопріятныхъ условіяхъ, какія представляла Англія, эти два класса непреоборимы, и королевская власть должна была капитулировать передъ ними и ихъ представительствомъ—парламентомъ.

Полную противоположность развитію крайняго Запада представлялъ собой Востокъ Европы—Польша. Тамъ также аристократія одолѣла королевскую власть; этой послѣдней также не удалось стать повелителемъ сословнаго собранія, но соціальныя основы польскаго сейма были другія, нежели англійскаго парламента Въ Польшѣ землевладѣльческая аристократія достигла всевластія путемъ задержанія экономическаго развитія. Измѣненіе торговыхъ путей, вслѣдствіе нашествія турокъ и открытія морского пути въ Остъ-Индію, повредило Польшѣ больше, чѣмъ Германіи. Польская буржуазія совершенно была уничтожена; она была не въ состояніи преодолѣть могучую аристократію, и послѣдняя помѣха феодальной анархіи исчезла. Король сталъ безсильнымъ противъ сейма; этотъ послѣдній—безсильнымъ противъ отдѣльныхъ аристократовъ, каждый изъ которыхъ держалъ себя какъ самостоятельный самодержецъ. Характеръ сословій страны, какъ простыхъ соединенныхъ собраній, постановляющихъ не большинствомъ голосовъ, а единогласно, нигдѣ не былъ такъ ярко выраженъ, какъ въ польскомъ сеймѣ, гдѣ возраженіе хотя бы одного дворянина было достаточнымъ, чтобы сдѣлать постановленіе недѣйствительнымъ.

Совершенно иначе сложились государственныя сословія въ Англіи, гдѣ перевѣсъ аристократіи надъ королевской властью покоился на томъ, что крупное землевладѣніе, приспособившееся къ требованіямъ капиталистическаго производства, вступило въ союзъ съ классомъ капиталистовъ. Атомизирующія и централизирующія тенденціи давали себя

такъ же чувствовать въ Англіи, какъ и въ другихъ монархическихъ государствахъ. Такъ же, какъ и во Франціи они привели въ Англіи къ господству централизованной власти, которая не терпѣла никакого противодѣйствія, не выносила никакой критики. Разница между Франціей и Англіей заключалась лишь въ томъ, что тамъ эта абсолютная централизованная властью была власть короля а здѣсь властью парламента *).

По мѣрѣ того ,какъ борьба между короной и парламентомъ приводила къ увеличенію могущества послѣдняго, и отдѣльныя графства и города слились въ націю—измѣнялся и характеръ парламента. Отдѣльный депутатъ пересталъ чувствовать себя представителемъ особой территоріи или корпораціи, пересталъ приписывать свое вліяніе могуществу и значенію этихъ отдѣльныхъ территорій или корпорацій. Парламентъ пересталъ быть собраніемъ мелкихъ самодержцевъ (или представителей суверенныхъ организацій); онъ сталъ единымъ цѣлымъ и въ этомъ цѣломъ онъ являлся суверенным самодержцемъ, источникомъ всего могущества государства. Но господство парламента являлось ничѣмъ инымъ, какъ господствомъ парламентскаго большинства. Съ исчезновеніемъ экономической независимости отдѣльныхъ территорій и корпорацій отъ государства исчезла и самостоятельность отдѣльныхъ депутатовъ въ парламентѣ. Меньшинство такъ же должно было подчиняться большинству, какъ страна—парламенту. Воля парламентскаго большинства стала высшимъ закономъ; какъ и Людовикъ XIV, оно могло сказать: государство—это я. Короли и министры стали его рабами.

Подобно другимъ рабамъ, и эти послѣдніе имѣли иногда возможность воздѣйствовать, преимущественно путемъ крайне грязныхъ средствъ, на своего господина и побудить

---

*) Всемогущество парламента удачно характеризуется англійской остротой: парламентъ можетъ все сдѣлать, не можетъ лишь превратить мужчину въ женщину.

его къ дѣяніямъ, для нихъ выгоднымъ; но подкупъ господина рабами ни въ коемъ случаѣ не обозначаетъ уничтоженія ихъ зависимаго положенія.

Большинство и меньшинство въ парламентѣ XVII столѣтія стали замкнутыми партіями виговъ и тори. Сплоченныя партіи въ государствѣ едва ли могли существовать въ старыхъ сословныхъ собраніяхъ. Принимая во вниманіе преимущественное главенство мѣстныхъ и корпоративныхъ обособленныхъ интересовъ, не только структура государства, но даже и структура партій должна была быть крайне шаткой и измѣнчивой. Прежде должны были современный способъ производства и современныя государства уничтожить партикуляризмъ сословій, цеховъ, общинъ и т. д. для того, чтобы классъ всей страны достигъ пониманія общихъ классовыхъ интересовъ, для того, чтобы создались классовыя организаціи, обнимающія всю націю, и на почвѣ этихъ классовъ и классовыхъ интересовъ—долговѣчныя рѣзко опредѣленныя партіи.

Но чѣмъ внушительнѣе становился характеръ и могущество парламента, чѣмъ больше онъ подчинялъ себѣ государственную власть, тѣмъ значительнѣе становился выигрышъ въ борьбѣ, увлекавшій партіи парламента на борьбу за пріобрѣтеніе большинства. Отсюда и происходятъ тѣ стремленія политиковъ сплотить въ замкнутыя партіи всѣхъ, кто стремится къ одной главной цѣли, хотя бы по второстепеннымъ вопросамъ у нихъ и существовали разногласія. Отсюда и стремленіе подавить различіе воззрѣній на второстепенные вопросы, возникновеніе партійной дисциплины, партійной «тиранніи». Наряду съ абсолютизмомъ парламентскаго большинства даетъ себя чувствовать и абсолютизмъ партійнаго большинства. Этотъ «деспотизмъ» и «терроризмъ» являются, однако, специфическою особенностью парламентарзима. Они существуютъ повсюду, гдѣ значительныя массы борются за важное пріобрѣтеніе, гдѣ побѣда можетъ быть достигнута только при самой строгой сплоченности, при энергичномъ взаимодѣйствіи всѣхъ чле-

новъ партій въ одномъ направленіи. Ничего нѣтъ комичнѣе либеральныхъ политиковъ, вздыхающихъ подъ тяжестью фракціонной и партійной дисциплины и мечущихъ громы противъ терроризма профессіональныхъ рабочихъ союзовъ. Столь же комично и то, что анархисты возмущаются «деспотизмомъ», порождаемымъ парламентаризмомъ, и превозносятъ профессіональные союзы, которые являются убѣжищемъ «свободы», т. е. анархистской разсѣянности.

Свобода въ смыслѣ анархистовъ и либераловъ не существуетъ ни въ профессіональныхъ союзахъ, ни въ парламентскихъ партіяхъ.

VI.

Современная демократія.

Восемнадцатое столѣтіе явилось высшею ступенью развитія абсолютизма, но это же столѣтіе создало и тѣ силы, которыя должны были положить конецъ абсолютизму.

Государство XVIII вѣка являлось въ Англіи, какъ и въ остальной Европѣ, учрежденіемъ для тепличнаго нарожденія торговыхъ и промышленныхъ капиталистовъ, а вмѣстѣ съ ними и пролетаріевъ. Съ другой стороны, оно являлось грандіозной машиной для ограбленія народа въ пользу части дворянства, въ Англіи—принимавшаго участіе въ политическихъ дѣлахъ, въ остальной Европѣ—придворнаго дворянства и финансовой аристократіи (haute finance).

Объ эти стороны государства въ теченіи XVIII столѣтія пробуждали все болѣе сильное возмущеніе въ массахъ населенія. Торговля и промышленность развились до такихъ размѣровъ, что опекунская защита тяжеловѣсной государственной бюрократіи все болѣе являлась препятствіемъ для дальнѣйшаго развитія формъ производства, начинавшихъ нарушать всякую правильность, всякіе обычаи въ хозяйственной жизни; конкуренція же благопріятствовала тѣмъ отраслямъ, которыя наилучше могли использовать быстро возникающія и такъ же быстро исчезающія конъюнктуры,

скорѣе другихъ пользовались всякими открытіями и изобрѣтеніями и приспособлялись ко всѣмъ настроеніямъ и измѣненіямъ рынка.

Не государственная охрана, а *свобода* стала лозунгомъ капиталистовъ.

Но буржуазія требовала не только экономической свободы, но и политической. Она чувствовала себя настолько сильной численно своимъ умственнымъ развитіемъ и еще больше экономическимъ могуществомъ, что нашла возможнымъ во Франціи и въ Англіи привести въ исполненіе то, что она въ Англіи пыталась совершить еще въ серединѣ XVII столѣтія—сбросить съ себя иго аристократіи и связанной съ ней королевской власти.

Она имѣла тѣмъ больше поводовъ къ этому, чѣмъ безстыднѣй эти власти грабили народныя массы. Въ XVI, XVII и даже первой половинѣ XVIII столѣтія крупная торговля и капиталистическая промышленность были главнымъ образомъ заняты производствомъ и продажей предметовъ роскоши.

Благодаря недостаточности средствъ сообщенія, перевозка товаровъ на большія разстоянія была выгодна только въ томъ случаѣ, если товары были сравнительно дорогими. Заокеанская торговля доставляла Европѣ наряду съ золотыми и серебряными украшеніями цѣнныя коренья, роскошныя матеріи, и т. п. Капиталистическая, т. е. производящая для мірового рынка, промышленность Европы производила шелковыя матеріи, гобелены, фарфоръ и т. п. Тогда капитализмъ получалъ свой доходъ изъ доходовъ аристократіи и отъ ея мотовства.

Но постепенно, вслѣдствіе улучшенія путей сообщенія и развитія формъ производства, промышленность для массоваго потребленія все болѣе стала опережать производство предметовъ роскоши. Если для процвѣтанія этого послѣдняго необходимо было существованіе богатаго, расточительнаго класса, процвѣтанія, тѣмъ болѣе пышнаго, чѣмъ больше дворъ и аристократія эксплуатировали народъ, то, наобо-

ротъ, производство для массъ населенія должно было процвѣтать тѣмъ больше, чѣмъ болѣе платежоспособной была масса населенія, чѣмъ меньше, стало быть, она эксплуатировалась паразитствующими классами. По мѣрѣ развитія производства для массъ—для буржуазіи становилась все невыносимѣе аристократическая система хищенія.

Съ развитіемъ производства для массъ росъ въ странѣ и спросъ на жизненные припасы (для наемныхъ рабочихъ въ промышленности) и сырые матеріалы. Мѣстное производство все менѣе оказывалось въ состояніи удовлетворять этотъ возрастающій спросъ. Ввозъ дешевыхъ жизненныхъ продуктовъ и сырыхъ матеріаловъ пріобрѣталъ все большее значеніе для промышленныхъ классовъ, но это противорѣчило интересамъ землевладѣльцевъ.

Эти обстоятельства въ нѣкоторыхъ странахъ во всей ихъ совокупности, въ другихъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ, прежде всего въ Англіи, во Франціи, а позже и въ другихъ странахъ Европы—порождали все растущее недовольство буржуазіи аристократическимъ режимомъ, безразлично былъ ли это парламентарскій режимъ или абсолютная монархія.

Наряду съ буржуазіей началось броженіе и въ низшихъ классахъ, крестьянствѣ и мелкой буржуазіи, къ которымъ присоединился и промышленный пролетаріатъ, не игравшій самостоятельной роли, но шедшій рука объ руку съ революціоннымъ слоемъ—мелкой буржуазіей. На эти классы государство давило всѣми своими тягостями; изъ нихъ оно тянуло преимущественно всѣ средства для покрытія издержекъ бюрократіи, милитаризма, государственныхъ долговъ и содержаніе двора со всѣми его безчисленными паразитами. Крестьяне, мелкіе буржуа и пролетаріи, посколько вообще можно было говорить о пролетаріяхъ въ прошлое столѣтіе—съ самаго начала были враждебно настроены противъ формировавшейся абсолютной государственной власти и государственной эксплуатаціи черезъ посредство аристократіи. И когда они пытались возстать, возстанія ихъ

обыкновенно появлялись, благодаря ихъ партикуляризму, недостаточной связи между отдѣльными общинами, и ихъ областями, и это подавленіе возстаній не стоило большого труда централизованной государственной власти.

Съ теченіемъ времени, однако, государственное единство и капитализмъ, торговля, подати, военная служба и т. д. оказали свое вліяніе на низшіе классы. Локальная ограниченность политика своего прихода—постепенно исчезали, въ однѣхъ мѣстностяхъ ранѣе, въ другихъ позже, въ особенности среди мелкихъ буржуа и пролетаріевъ, которые также въ небольшихъ городахъ все болѣе вступали въ тѣсную связь со своими товарищами крупныхъ городовъ. Они послужили примѣромъ и для трудящихся классовъ всей страны. Капиталистическая промышленность собирала теперь въ крупныхъ центрахъ массы пролетаріевъ, а съ ними вмѣстѣ и мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ, жившихъ не отъ придворнаго великолѣпія. Они все острѣе чувствовали и понимали, что это великолѣпіе приноситъ имъ только нужду; оно скопляло въ нихъ всю ненависть, все озлобленіе бѣдствующихъ массъ противъ двора и его прихвостней.

Благодаря трудящимся классамъ городскихъ центровъ, мелкіе буржуа и пролетаріи всей страны, а мѣстами также и крестьяне, начинали понимать, что наряду съ ихъ локальными интересами у нихъ есть и общіе, государственные интересы. Ихъ сила и ихъ значеніе росли по мѣрѣ того, какъ исчезала ихъ локальная ограниченность, и вмѣсто нея возникали національныя стремленія, касающіяся всей націи.

Наряду съ капиталистами и трудящимися классами у аристократическаго режима явился и третій противникъ —буржуазная интеллигенція, адвокаты, профессора, врачи, писатели, художники и т. д.

Въ XVI и XVII столѣтіяхъ эти классы прямо или косвенно были зависимы отъ придворной аристократіи. Въ средніе вѣка церковь являлась убѣжищемъ науки и искус-

ства и съ тѣхъ поръ, какъ она перестала быть таковымъ, со времени реформаціи каждый поэтъ, каждый художникъ, который не былъ экономически независимъ, могъ предаваться своей наукѣ или искусству только при помощи высокаго властелина, который принималъ его въ число своихъ лакеевъ. Но поскольку усиливалась буржуазія, поскольку росло ея богатство, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивался и досугъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой части членовъ ея—развивались ихъ потребности, и образованные люди становились необходимыми; возникалъ, такъ сказать, рынокъ для адвокатовъ, инженеровъ, учителей и т. д. По мѣрѣ же того наконецъ, какъ низшіе классы, въ особенности въ большихъ городахъ, начали принимать участіе въ политической и духовной жизни націи, интеллигенція становилась независимой отъ двора и аристократіи. Теперь наука и искусство могли придерживаться тенденцій, направленныхъ противъ этихъ властей, и вскорѣ эти тенденціи стали главенствующими въ наукѣ и искусствѣ, потому что логика вещей говорила противъ аристократическаго режима и потому, что интеллигенція въ большинствѣ случаевъ вышла изъ буржуазіи и ближе всего стояла къ ней по соціальному положенію и интересамъ.

Но интеллигенція смотрѣла гораздо дальше остальныхъ слоевъ буржуазіи и обыкновенно она мало касалась ея интересовъ дня. Такимъ образомъ, буржуазная интеллигенція была въ состояніи стать передовымъ борцомъ буржуазіи, изслѣдовательницей и представительницей ея постоянныхъ интересовъ. Но то, что нужно было буржуазіи, соотвѣтствовало интересамъ всего общественнаго развитія, также интересамъ низшихъ сословій, имѣвшихъ съ высшими сословіями одного общаго врага, противъ котораго они боролись—аристократическій режимъ, эксплуатація народа государствомъ въ пользу аристократіи. Гнетъ этого режима былъ такъ великъ, эта эксплуатація такъ безгранична, что всѣ противорѣчія, господствовавшія между отдѣльными классами населенія, должны были отойти на задній планъ;—

должны были отойти на задній планъ противорѣчія города и деревни, рабочаго и капиталиста, ремесла, крупной промышленности и торговли и т. д.

Различные слои буржуазныхъ, мелко-буржуазныхъ крестьянскихъ классовъ вмѣстѣ съ пролетаріатомъ соединились для сверженія абсолютной государственной власти, сверженія дворянина, и классомъ, который больше всего работалъ для созданія этого союза который явился самой прочной связью его была буржуазная интеллигенція. Она меньше всего подвергалась вліянію тѣхъ моментовъ, которые разобщали классы, и лучше всѣхъ чувствовала и понимала моменты, благопріятствовавшіе объединенію. Демократическое движеніе—плодъ этого союза,—возникшее въ послѣднее десятилѣтіе прошлаго столѣтія, получило характеръ своихъ руководителей и передовыхъ борцовъ отъ буржуазной интеллигенціи.

Задачи демократіи были двухъ родовъ. Съ одной стороны, она должна была, насколько возможно, ослабить всемогущество государственной централизованной власти, будь то монархъ или парламентъ, надъ народомъ, что было возможно лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ, такъ какъ для процвѣтанія капиталистическаго общества необходима была также сильная централизованная власть, поэтому передъ демократіей наряду съ этой стояла вторая задача: превратить центральную власть изъ орудія аристократіи въ орудіе народа. Для выполненія первой задачи необходима была возможно свободная критика государственной власти и ея органовъ, публичность засѣданій парламента, неограниченная свобода печати и слова; необходима была передача нѣкоторыхъ функцій принудительныхъ средствъ изъ рукъ государственной власти и ея чиновниковъ въ руки общинъ и провинцій, которымъ должно было быть предоставлено свободное самоуправленіе. Это самоуправленіе, однако, не обозначало возстановленія средневѣковаго партикуляризма; община не должна была снова стать самостоятельнымъ цѣлымъ, какъ она была раньше, она оставалась частью боль-

шого цѣлаго—націи и жила въ его рамкахъ и интересахъ. Права и обязанности отдѣльныхъ общинъ по отношенію къ государству не были болѣе устанавливаемы особыми договорами, а являлись продуктомъ одного равнаго для всѣхъ законодательства центральной государственной власти, опредѣляясь не интересами отдѣльныхъ общинъ, а интересами всего государства.

При этомъ демократія должна была требовать, чтобы самая крупная сила въ рукахъ государства—постоянное войско было бы распущено и замѣнено народнымъ войскомъ—милиціей.

Наконецъ, она должна была требовать, чтобы насильственное «атомизированіе» націи, посколько оно является не продуктомъ экономическаго развитія, а было порожденіемъ преобладанія полицейскаго государства, было бы уничтожено. Полной изолированности отдѣльныхъ гражданъ долженъ былъ быть положенъ конецъ, имъ должно было быть предоставлено право соединяться въ союзы для защиты общихъ интересовъ и такимъ путемъ пріобрѣсти большее значеніе въ государствѣ и обществѣ. Отсюда требованіе свободы собраній, союзовъ и коалиціи.

Вторая задача демократіи заключалась въ томъ, чтобы государственная власть служила народу. Характернымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи явилась Англія. Тамъ существовалъ король, совершенно безсильный противъ парламента, и представительное собраніе съ полномочіями англійскаго парламента въ противовѣсъ коронѣ казалось не только самымъ дѣйствительнымъ, но даже единственно возможнымъ средствомъ для контроля той безграничной власти, которой обладало правительство со временъ централизованнаго государства, и для того, чтобы заставить ее служить народной массѣ, которой должно было быть предоставлено право выбирать депутатовъ въ представительное собраніе.

Борьба за парламентскія учрежденія стала поэтому неразрывно связанной съ пробужденіемъ политической жиз-

ни въ европейскихъ государствахъ; и повсюду, какъ извѣстно, она привела къ введенію этихъ институтовъ, причемъ, конечно, правительства сдѣлали все возможное; чтобы одной рукой отнять то, что они дали другой чтобы сдѣлать парламенты, елико возможно, безсильными. Совершенно безъ парламентской формы правленія могло обойтись въ Европѣ только одно государство, такъ какъ даже въ Турціи во время послѣдней русско-турецкой войны существовалъ своего рода парламентъ. Но и въ этой единственной странѣ дарованіе конституціи является лишь вопросомъ времени.

Если Англія показала, какъ можетъ быть вреденъ парламентъ для абсолютнаго королевства, то она показала также, что парламентъ не является ни въ коемъ случаѣ непремѣнно народнымъ представительствомъ.

Столь же важной, какъ и борьба за парламентскіе институты, явилась и борьба за избирательное право. Отъ характера этого права зависитъ, явится ли парламентъ орудіемъ классоваго господства аристократіи, или буржуазіи, или же онъ будетъ полемъ брани буржуазіи съ пролетаріатомъ. Борьба за избирательное право является болѣе ожесточенной и продолжительной, чѣмъ борьба за «конституціонное правительство»; она продолжается во многихъ странахъ Европы еще до сихъ поръ.

Всеобщее, прямое и равное избирательное право—самое важное, но не единственное средство для того, чтобы парламентъ служилъ интересамъ массы населенія былъ бы отраженіемъ господствующихъ стремленій. Для этой цѣли служитъ еще цѣлый рядъ менѣе дѣйствительныхъ, но ни въ коемъ случаѣ не незначительныхъ требованій, напр., сокращеніе парламентскаго періода, тайное голосованіе, перенесеніе дня выборовъ на воскресенье, пропорціональная система выборовъ и т. д. За всѣ требованія этого рода партіи до сихъ поръ ведутъ ожесточенную борьбу.

Въ ряду этихъ требованій есть требованія *референдума* и *инціативы*, пріобрѣтшіе въ Швейцаріи нѣкоторое

значеніе. Референдумъ есть право народа при извѣстныхъ условіяхъ голосовать законопроекты, предложенные въ народномъ представительствѣ. Иниціатива есть право народа голосовать законопроекты или предложенія, сдѣланные изъ его же среды.

Согласно § 89 Швейцарской союзной конституціи 1874 года, всѣ законы союза такъ же, какъ и всѣ обязательныя постановленія его, должны быть предложены на голосованіе народу для принятія или отклоненія ихъ, если этого потребуютъ 30000 швейцарскихъ гражданъ, имѣющихъ право голоса, или 8 кантоновъ.

Параграфъ 123 этой конституціи дѣлаетъ народное голосованіе обязательнымъ при ревизіи конституціи (по союзному постановленію 8 апрѣля 1891 года также и при частичной ревизіи).

Право народной иниціативы для обыкновенныхъ законовъ не существуетъ въ союзной конституціи. Но союзное собраніе обязано считаться съ волей народа, если 50000 швейцарскихъ гражданъ, имѣющихъ право голоса, потребуютъ полнаго или частичнаго пересмотра конституціи (параграфы 120 и 121 союзной конституціи).

Еще дальше простирается право населенія надъ представительными собраніями въ нѣкоторыхъ кантональныхъ конституціяхъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ референдумъ обязателенъ, а не факультативенъ, какъ въ союзной конституціи. Новые законы и постановленія, особенно финансоваго характера, должны быть подвергнуты народному голосованію въ Цюрихѣ, Бернѣ, Швицѣ, Золотурнѣ, Граубюнденѣ, Аргау, Тургау, Валлисѣ и сельскомъ Базелѣ. Въ большинствѣ другихъ кантоновъ и референдумъ и иниціатива факультативны. Фрейбергъ, единственный швейцарскій кантонъ, въ которомъ нѣтъ слѣда ни референдума, ни иниціативы. Женева, Водъ и Невшатель ввели только факультативный референдумъ.

Нигдѣ, однако, ни референдумъ, ни иниціатива не высказываютъ тенденціи упраздненія представительнаго собра-

нія. Наоборотъ, оно необходимо для нихъ, и созданіе законовъ почти всюду принадлежитъ этимъ собраніямъ. Референдумъ предоставляетъ народу только право голосовать законы, о которыхъ высказался кантональный совѣтъ или союзное собраніе. Иниціатива же ясно предоставляетъ право населенію только предлагать или поставить на очередь вопросъ объ изданіи опредѣленныхъ законовъ, выработка текста которыхъ предоставляется собранію.

Референдумъ и иниціатива не имѣютъ цѣлью отмѣнить центральную законодательную власть парламента, а только увеличить вліяніе на него народа, сдѣлать его зависимымъ отъ народа. Оба эти института являются крайними условіями современной демократіи.

Какъ нѣмцы добыли себѣ свободу.

И-706

Въ началѣ этого столѣтія Германія была страной бѣдной. Капитализмъ началъ въ ней развиваться гораздо позже, чѣмъ въ Англіи и Франціи. Отсталость Германіи объясняется ея исторической судьбой: въ 17-мъ вѣкѣ, отъ 1618—1648 гг., ей пришлось пережить тридцатилѣтнюю войну, разорившую всѣ существовавшіе въ ней цвѣтущіе города. Въ 18-мъ в.—двѣ новыя войны: 1741—48 и 1756—63 гг., потомъ наполеоновскія войны до 1815 г., все это мѣшало развитію промышленности страны. Такимъ образомъ, въ началѣ нашего столѣтія крупное производство въ Германіи почти не было развито; преобладали ремесленный и кустарный способы производства.

Рабочій классъ тогдашней Германіи состоялъ, главнымъ образомъ, изъ ремесленниковъ—мастеровъ и подмастерьевъ. Подмастерьевъ было такъ мало, что каждый изъ нихъ смотрѣлъ на свое подчиненное положеніе, какъ на временное, разсчитывая черезъ нѣсколько лѣтъ стать мастеромъ. Въ большинствѣ случаевъ эти надежды оправдывались. Вотъ данныя, показывающія, сколько подма-

стерьевъ приходилось на сто мастеровъ въ Пруссіи (части Германіи).

въ 1800 г. — 20 подмаст. на 100 мастеровъ
въ 1822 г. — 55 » » 100 »
въ 1846 г. — 83 » » 100 »

Такимъ образомъ, въ 1800 г. въ среднемъ только у одного изъ пяти мастеровъ былъ одинъ подмастерье. Конечно, это вовсе не значитъ, что у нѣкоторыхъ мастеровъ не было 2, 3, 5 и болѣе подмастерьевъ; конечно, такіе мастера были, но ихъ было немного. Въ общемъ же, всякій подмастерье могъ разсчитывать непремѣнно стать мастеромъ. Но съ теченіемъ времени положеніе дѣлъ мѣняется,—производство расширяется, и уже въ 1822 г. на 100 мастеровъ приходится 55 подмастерьевъ,—возможность стать мастеромъ уменьшается. Еще болѣе ухудшается положеніе въ 1846 г.: на 100 мастеровъ приходится уже 83 подмастерья,—очевидно, у многихъ подмастерьевъ не стало никакой надежды сдѣлаться мастеромъ. Это измѣненіе въ положеніи подмастерьевъ неизбѣжно влечетъ за собою измѣненіе въ отношеніяхъ между мастеромъ и подмастерьями. Раньше мастеръ видѣлъ въ подмастерьѣ будущаго мастера,—равнаго себѣ; подмастерье жилъ обыкновенно въ семьѣ мастера, ѣлъ съ нимъ за однимъ столомъ, работалъ столько же, сколько хозяинъ, и часто женился даже на дочери хозяина. Съ ростомъ числа подмастерьевъ, эти патріархальныя отношенія измѣнились: подмастерье, потерявъ надежду стать мастеромъ, пересталъ быть равнымъ хозяину; хозяинъ, предоставляя исполненіе работъ нѣсколькимъ подмастерьямъ, мало-по-малу переставалъ быть такимъ же работникомъ въ мастерской и все болѣе и болѣе ограничивался надсмотромъ за исполненіемъ работъ. Такъ начала рости рознь между подмастерьями и мастерами; послѣдніе все болѣе и болѣе превращались въ нанимателей рабочей силы, первые—въ простыхъ наемныхъ рабочихъ.

Рядомъ съ этимъ ростомъ числа подмастерьевъ, въ

ремеслахъ происходило и другое измѣненіе. Раньше мастеру не нуженъ былъ капиталъ: онъ зналъ кругъ своихъ покупателей и готовилъ товаровъ ровно столько, сколько могли у него купить. Покупатель приносилъ обыкновенно матеріалъ, желѣзо, сукно, кожу и проч.—изъ котораго мастеръ долженъ былъ приготовить нужный заказчику предметъ. Словомъ, мастеръ исполнялъ, главнымъ образомъ, заказы. Ему не нужно было имѣть свой капиталъ для покупки сырого матеріала. И это измѣнилось съ теченіемъ времени. По мѣрѣ того, какъ росло число подмастерьевъ у одного мастера, слѣдовательно, съ увеличеніемъ размѣровъ мастерскихъ мастеръ принужденъ былъ все болѣе и болѣе товаровъ готовить про запасъ, для будущаго покупателя. Покупатель пересталъ дѣлать заказы, а предпочиталъ покупать готовые товары. При этомъ покупателю нуженъ былъ большой выборъ. Чѣмъ больше у какого-либо мастера былъ выборъ товаровъ, тѣмъ легче онъ побивалъ своихъ конкурентовъ. По мѣрѣ расширенія мастерскихъ и рынка, капиталъ пріобрѣталъ все большее значеніе. Если въ 1800 году мастеромъ могъ сдѣлаться всякій подмастерье, накопившій достаточно денегъ для покупки инструментовъ, то въ 1846 году подмастерье долженъ былъ имѣть деньги не только для покупки инструментовъ, но и значительный капиталъ для покупки достаточнаго количества сырыхъ матеріаловъ. Мастеръ-ремесленникъ началъ все болѣе и болѣе уступать мѣсто мастеру-купцу, владѣльцу значительнаго капитала, вложеннаго въ матеріалы и товары.

Таковъ путь, которымъ шла капитализація городскихъ ремеслъ: съ одной стороны, увеличивалось число подмастерьевъ, съ другой,—мастеръ все больше и больше превращался въ купца. Въ началѣ этого развитія, если и была противоположность между интересами мастера и подмастерьевъ, то только временная,—каждый подмастерье самъ разсчитывалъ стать мастеромъ. Съ теченіемъ времени развивается постоянная противоположность ихъ инте-

ресовъ,—классъ хозяевъ все болѣе глубокою пропастью отдѣляется отъ класса наемныхъ рабочихъ. Съ ростомъ этой противоположности, растетъ и борьба рабочихъ противъ хозяевъ. Но въ 1848 г. эта капитализація не подвинулась еще настолько, чтобы возможна была организація рабочихъ противъ хозяевъ. Первыя кассы борьбы возникли только десять лѣтъ спустя, послѣ 1857 г.,—у типографщиковъ. Широкое распространеніе онѣ получили только съ 1868 г.

Фабрично-заводская промышленность также слабо была развита. Такихъ фабрикъ и заводовъ, какіе мы видимъ теперь въ Германіи, тогда совершенно не существовало. Въ 1848 г. въ Пруссіи насчитывалось болѣе 78.000 фабрикъ и заводовъ съ 550.000 рабочими, такъ что въ среднемъ на одну фабрику приходилось всего 7 рабочихъ. Цифра эта показываетъ, что мы имѣемъ дѣло лишь съ первыми зачатками капиталистическаго производства.

Масса фабрично-заводскихъ рабочихъ, въ первое время возникновенія крупной промышленности, вербуется, какъ извѣстно, по деревнямъ, среди обнищавшихъ крестьянъ. Переселяясь на фабрику, они приносятъ съ собою тотъ низкій уровень потребностей, которымъ наградила ихъ деревня; въ 1863 г. Лассаль жаловался, что нѣмецкимъ рабочимъ не только нужно указывать пути для улучшенія ихъ положенія, но и доказывать, что положеніе ихъ скверно,—виною тому, какъ замѣтилъ Лассаль, «проклятое отсутствіе потребностей». Вмѣстѣ съ узкимъ уровнемъ потребностей крестьянинъ несетъ съ собою на фабрику необразованность, тупость, всегда отличавшую деревню отъ города. Недаромъ такихъ сѣрыхъ фабричныхъ у насъ зовутъ «сысойками». Сысойки не способны защищать интересы пролетаріата; напротивъ, они склонны считать капиталистовъ отцами-благодѣтелями, потому что, какъ ни ничтоженъ ихъ заработокъ на фабрикѣ, онъ всегда выше ихъ заработка въ деревнѣ.

И среди этого фабрично-заводского пролетаріата, какъ

и среди городскихъ подмастерьевъ, не было еще планомѣрной борьбы за свои интересы; было нѣсколько стачекъ, но и тѣ носили характеръ фабричныхъ безпорядковъ, такъ какъ всегда сопровождались буйствами, насиліями; такіе безпорядки были въ 1826 г. въ Золингенѣ, въ 1828 г.—въ Крефельдѣ, въ 1830 г.—въ Аахенѣ и Эйпенѣ. Затѣмъ эти безпорядки начинаются вновь въ 1844 г. и до 1848 г. повторяются въ значительномъ количествѣ промышленныхъ округовъ.

Несмотря на неразвитость и отсутствіе организацій среди нѣмецкихъ рабочихъ до 1848 г., въ то время между ними уже было сравнительно много союзовъ, хотя и не съ боевыми цѣлями. Среди городскихъ ремесленниковъ давно уже существовали классы взаимопомощи, особенно размножившіяся въ періодъ 1840-48 г.г. Эти кассы требовали общенія ремесленниковъ,—какъ мастеровъ, такъ и подмастерьевъ—между собою; на собраніяхъ постоянно обсуждалось положеніе рабочихъ и средства къ его улучшенію. Кассы эти выдавали пособіе больнымъ, на погребеніе своихъ членовъ и дорожныя деньги странствующимъ подмастерьямъ.

Съ 1844 г. въ Германіи стали возникать общества самообразованія. Эти общества самообразованія устраивали курсы иностранныхъ языковъ, физики, химіи, зоологіи, географіи, исторіи, политической экономіи, философіи. При обществѣ устраивалась обыкновенно библіотека и залъ для чтенія.

Съ середины 30-хъ годовъ во Франціи и Швейцаріи, потомъ въ Бельгіи и Англіи, нѣмецкіе ремесленники устраиваютъ множество тайныхъ соціалистическихъ обществъ. У нѣмцевъ существовалъ обычай, согласно которому молодой подмастерье, кончившій ученіе, долженъ былъ нѣсколько лѣтъ странствовать, прежде чѣмъ получалъ званіе мастера. Эти странствующіе подмастерья въ значительномъ количествѣ заходили въ Швейцарію и Францію. Здѣсь они наталкивались на невиданное на ихъ родинѣ явленіе: ра-

бочіе этихъ странъ горячо обсуждали планы справедливаго устройства общества. Конечно, нѣмецкіе подмастерья также заинтересовывались этимъ вопросомъ, и такимъ образомъ возникали соціалистическіе кружки. Занимались въ такихъ кружкахъ, главнымъ образомъ, самообразованіемъ и вопросомъ о будущемъ справедливомъ общественномъ строѣ. Конечно, этотъ послѣдній вопросъ разрѣшался далеко не такъ, какъ онъ разрѣшается въ настоящее время: тогда рабочіе болѣе мечтали объ устройствѣ разныхъ товариществъ,—производительныхъ, кредитныхъ и проч., и о спасеніи самостоятельныхъ ремесленниковъ отъ капитализма, чѣмъ о переустройствѣ самого капиталистическаго общества, путемъ классовой борьбы, въ такое общество, въ которомъ не будетъ частнаго производства, частной собственности, а производство будетъ общественнымъ.

Такой идеалъ былъ лишь у самыхъ развитыхъ рабочихъ того времени. Подмастерья, члены этихъ кружковъ, по возвращеніи на родину, занимались пропагандой соціализма. Какъ люди болѣе развитые и образованные, они пріобрѣтали обыкновенно большое вліяніе на своихъ товарищей и руководили обществами самообразованія, возникшими среди нѣмецкихъ рабочихъ послѣ 1844 г. Ихъ дѣятельности сильно помогала спеціальная литература, разросшаяся въ то время въ Германіи: въ ней издавалось нѣсколько спеціальныхъ журналовъ и много книгъ. Не смотря на то, что въ Германіи существовала тогда строгая цензура, не смотря на всѣ ея придирки, соціалистамъ удавалось проводить свои взгляды въ печати.

Таковъ былъ характеръ рабочаго класса въ Германіи наканунѣ революціи. По своему соціальному положенію, тогдашнимъ рабочимъ не приходилось думать о томъ, чтобы овладѣть производствомъ и сдѣлать его общественнымъ: напротивъ, они стремились избѣжать нашествія капитализма, стремились сохранить хозяйственную самостоятельность или пріобрѣсти недавно утраченную. Организацій среди нихъ не было, кромѣ кассъ взаимопомощи, въ которыхъ

на ряду съ подмастерьями, участвовали также мастера. Что же касается ихъ умственнаго развитія, то, въ общемъ, оно было очень низко, но общество самообразованія и литература, особенно съ 1844 года, сдѣлали очень много, и въ крупныхъ городахъ и главныхъ центрахъ промышленности создался для тогдашняго времени довольно густой слой развитыхъ и образованныхъ рабочихъ.

Какозо же было положеніе другихъ слоевъ общества передъ мартовской революціей?

Господствующимъ классомъ въ Германіи было тогда дворянство. Оно владѣло еще крестьянами, слѣдовательно, было богато: оброкъ и барщина позволяли дворянину, ни о чемъ не заботясь, жить припѣваючи. Офицеры и высшіе чиновники были изъ дворянъ. Короли и князья (передъ революціей Германія была раздѣлена на 38 небольшихъ государствъ и княжествъ) были окружены дворянами и находились подъ ихъ вліяніемъ. Одни изъ этихъ государей или князей управляли страной самодержавно: издавали и отмѣняли законы по своему усмотрѣнію, по совѣту своихъ министровъ или придворныхъ; не только рабочіе, но и богатые классы не участвовали въ управленіи государственными дѣлами. Но были и такія государства въ Германіи, въ которыхъ власть государя ограничена была парламентомъ, законодательнымъ собраніемъ изъ представителей отъ народа. Но и въ конституціонныхъ нѣмецкихъ государствахъ министры не были отвѣтственны передъ законодательными собраніями, они были отвѣтственны только передъ государемъ, который назначалъ и смѣнялъ ихъ по собственному усмотрѣнію, не сообразуясь съ мнѣніемъ законодательнаго собранія. Представители городовъ и крестьянъ оказывали вліяніе на законы государства, но не на управленіе (администрацію). Этимъ сильно ослабляется значеніе парламента.

Неудивительно, поэтому, что послѣ 1832 года воспрещены были политическія общества и въ конституціонныхъ государствахъ, и цензура старалась не пропускать книгъ

и газетъ «вреднаго», по ея мнѣнію, направленія; свободы слова и собраній не существовало. Во всемъ этомъ дворяне не нуждались, такъ какъ они добивались всего, что имъ было нужно, благодаря своему положенію при княжескихъ дворахъ и въ высшей администраціи. Но все это нужно было другимъ классамъ общества, которые также стремились пріобрѣсти вліяніе на правительство. Прежде всего, политическія права нужны были купечеству. Стремясь пріобрѣсти вліяніе на правительство, оно неизбѣжно приходило въ столкновен е съ дворянствомъ, въ рукахъ котораго сосредоточивалась власть.

Въ Пруссіи, самомъ большомъ изъ государствъ Германіи, король управлялъ государствомъ самодержавно. Здѣсь движеніе среди купечества началось въ 1840 г.— за восемь лѣтъ до революціи. Въ виду конкуренціи Англіи, вытѣснявшей нѣмецкіе товары съ иностранныхъ и даже съ нѣмецкихъ рынковъ, необходимо было предпринять цѣлый рядъ мѣръ для спасенія нѣмецкой промышленности: улучшить пути сообщенія, окончательно освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, создать внутренній рынокъ, оградить его отъ ввоза иностранныхъ товаровъ, создать внѣшніе рынки для нѣмецкихъ товаровъ, обезпечить промышленникамъ и купцамъ свободу въ веденіи ихъ торгово-промышленныхъ дѣлъ. Эти стремленія купечества нашли поддержку среди тѣхъ дворянъ-помѣщиковъ, которые начали уже производить хлѣбъ и ленъ для рынка на продажу.

Объ эти группы, со своими стремленіями измѣнить старый порядокъ, составляли либеральную партію въ тогдашней Германіи. Дворяне-помѣщики, не желавшіе освободить крестьянъ и покровительствовать развитію промышленности, составляли консервативную партію, т. е. стремились сохранить старый порядокъ, удовлетворявшій ихъ интересамъ.

Таково было положеніе дѣлъ въ Германіи наканунѣ 1848 г.: наверху—два класса, дворяне-помѣщики и буржуазія, боролись между собою изъ-за вліянія на государ-

ственную власть: внизу—рабочіе и крестьяне, доведенные промышленнымъ кризисомъ и неурожаями до голода и отчаянія, искали выхода изъ своего ужаснаго положенія. Уже съ 1843 года народныя массы начали сильно терпѣть отъ экономическаго кризиса. И обостряясь все болѣе и болѣе, онъ вызвалъ въ нѣмецкомъ народѣ недовольство, разрѣшившееся революціей 1848 г.

II.

Первоначально этотъ кризисъ отразился, главнымъ образомъ, на силезскихъ ткачахъ. Ткацкая промышленность существуетъ въ Силезіи уже нѣсколько вѣковъ. Въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія въ Силезію были привезены первыя прядильныя машины. Ручная пряжа, конечно, не могла выдержать конкуренціи съ машиной: одинъ прядильщикъ, работавшій съ помощью машины, вырабатывалъ въ десять разъ болѣе пряжи, чѣмъ ручной прядильщикъ. Такимъ образомъ, фабрика съ новыми прядильными машинами, въ которой работало 1000 чел., лишало хлѣба 10.000 рабочихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, англійская пряжа все болѣе и болѣе вытѣсняла нѣмецкую съ иностранныхъ рынковъ. Фабриканты, чтобы выдержать конкуренцію англійской пряжи,—въ Англіи машины были болѣе усовершенствованы и пряжа работалась дешевле, не смотря на болѣе высокую заработную плату англійскихъ рабочихъ,—начали понижать заработную плату силезскихъ прядильщиковъ и ткачей. О сопротивленіи этому понижению нечего было и думать, когда сотни рабочихъ выбрасывались на улицу и лишались куска хлѣба. Фабриканты не хотѣли сократить свои барыши, и когда англійская конкуренція заставила ихъ понизить цѣну на полотна на 10—20%, они понизили заработную плату на 30%. Такимъ образомъ, фабриканты не оставались въ убыткѣ, ткачи и прядильщики дошли до состоянія крайней нищеты. Къ тому же фабриканты ввели способъ выдачи заработка не деньгами, а жизненными припасами, необходимыми ра-

бочимъ, конечно, по повышенной цѣнѣ и часто плохого качества. Этими мѣрами фабриканты сумѣли себя вполнѣ оградить отъ вредныхъ послѣдствій англійской конкуренціи: они продолжали богатѣть. Вся же тяжесть угнетеннаго положенія рынка падала на рабочихъ.

Рядомъ съ фабрикантами рабочихъ эксплуатировали также и помѣщики. Въ ту пору крѣпостное право только-что отмѣнялось еще въ Германіи. Крестьянамъ,—а силезскіе прядильщики и ткачи были крестьянами,—предоставлено было право откупаться отъ барщины и оброка и выкупить землю, которою они изстари владѣли. Конечно, помѣщики сумѣли повести дѣло такъ, что крестьянамъ остались только пустыри; вся же хорошая земля досталась помѣщикамъ. За пустыри и крѣпостныя повинности—барщину и оброкъ—былъ назначенъ огромный выкупъ. Чтобы не лишиться своей избы и клочка уцѣлѣвшей земли, крестьяне должны были вносить ежегодно большой выкупной платежъ. Платежъ этотъ очень тяжело ложился на прядильщиковъ и ткачей, обобранныхъ уже фабрикантами.

Это обираніе народа, съ одной стороны, фабрикантами, съ другой, помѣщиками, шло настолько успѣшно, что въ 1843 году начался среди ткачей и прядильщиковъ голодный тифъ. Цѣлыя семьи вымирали съ голоду, не получая ни откуда помощи. Между тѣмъ, народъ еще хорошо помнилъ то время, когда эти фабриканты были лишь мелкими скупщиками. Конечно, такое положеніе не могло тянуться долго. Рабочіе возстали. Особенно грозные размѣры приняло возстаніе въ двухъ деревняхъ—Петерсвальдау и Лангебилау. Оно описано нѣмецкимъ поэтомъ Гауптманомъ въ драмѣ «Ткачи». Первоначально толпа ткачей собралась передъ домомъ фабриканта въ Петерсвальдау и начала распѣвать пѣсню, въ которой бѣдность ткачей сравнивалась съ богатствомъ фабрикантовъ. Ткачи въ пѣснѣ называли фабрикантовъ своими мучителями, у которыхъ нѣтъ ни жалости, ни чувства состраданія къ сво-

имъ жертвамъ. Полиція хотѣла арестовать запѣвалъ, ткачи воспротивились, завязалась драка, кончившаяся разгромомъ фабрики, поломкой машинъ и уничтоженіемъ конторскихъ книгъ. Возстаніе быстро распространилось и на другія фабрики, пока войска своимъ вмѣшательствомъ не положили ему конца. Всего въ возстаніи участвовало 5000 человѣкъ.

Кромѣ безпорядковъ среди силезскихъ ткачей, въ 1844—45 г.г. происходили также безпорядки въ Саксоніи, Берлинѣ, Магдебургѣ, Ингольштадтѣ и пр. Положеніе стало столь серьезнымъ, что въ Берлинѣ состоятельные люди основали «Общество для блага рабочаго класса», носившее благотворительный характеръ; съ другой стороны, литература начала горячо обсуждать положеніе рабочаго класса; сами же рабочіе основывали общества самообразованія и внимательно слѣдили за литературой.

Въ 1846 г. въ Германіи былъ неурожай; наступилъ голодъ. Въ 1847 г. неурожай повторился, промышленный кризисъ принялъ угрожающіе размѣры. Заработная плата все падала, цѣна съѣстныхъ припасовъ отъ неурожаевъ поднималась, положеніе рабочихъ становилось все болѣе и болѣе ужаснымъ. Въ 1846-47 г.г. происходитъ цѣлый рядъ безпорядковъ въ промышленныхъ центрахъ и крупныхъ городахъ—Бранденбургѣ, Эльбингѣ, Бреславлѣ, Мюнстерѣ, Кельнѣ и др. Особенно характерны для всѣхъ этихъ безпорядковъ волненія, происшедшія въ Берлинѣ въ 1847 г., такъ-называемый «картофельный бунтъ». Цѣны на жизненные припасы достигли тогда въ Берлинѣ небывалой высоты, особенно на хлѣбъ и картофель. Жены рабочихъ со слезами на глазахъ возвращались съ рынка съ пустыми

нами: картофель былъ такъ дорогъ, что онѣ не могли купить его. Доведенныя до отчаянія, онѣ напали на торговцевъ картофелемъ, наживавшихся съ ихъ нищеты, и сильно избили ихъ. Предмѣстья Берлина, гдѣ живетъ рабочій народъ, были охвачены настоящимъ возстаніемъ. На третій день злоба народа обратилась на торговцевъ

бакалейными товарами, а также на мясниковъ и булочниковъ. У булочниковъ народъ повѣрялъ вѣсъ хлѣбовъ. Если хлѣбъ вѣсилъ законные три фунта, народъ пожималъ руку булочнику, кричалъ въ честь его «ура» и оставлялъ булочную въ покоѣ. Если же обнаруживался обманъ, и хлѣбъ вѣсилъ менѣе трехъ фунтовъ, народъ забиралъ весь хлѣбъ и громилъ лавку. Такъ тянулось это возстаніе голоднаго народа четыре дня; послѣ вмѣшалось правительство, на улицахъ появились военные патрули, и «бунтовщики» были арестованы.

Такое большое количество возстаній и безпорядковъ на протяженіи 4 лѣтъ—отъ 1844 до 1847 г.—показываетъ, съ одной стороны, насколько невыносимо было положеніе рабочаго класса, съ другой, насколько широко распространилось въ массахъ революціонное настроеніе.

Но не одни рабочіе были настроены революціонно. Недовольство среди крестьянъ также было очень велико. Въ то время крѣпостное право только начало отмѣняться, но вполнѣ уничтожено не было. Особенно страдали крестьяне отъ права помѣщика охотиться на ихъ земляхъ, на поляхъ, отъ своей подсудности помѣщику и отъ тяжелой барщины. Неурожаи послѣднихъ лѣтъ сдѣлали положеніе ихъ отчаяннымъ.

Такимъ образомъ, и въ городахъ, и въ деревняхъ накопилось достаточно недовольства несправедливостями существующаго общественнаго строя. Нуженъ былъ только внѣшній толчекъ, чтобы оно разразилось революціонной грозой. Такимъ толчкомъ послужила февральская революція 1848 г. въ Парижѣ и мартовская въ Вѣнѣ того же года.

III.

Извѣстія о революціи въ Парижѣ отозвались и въ Германіи. Положеніе германскихъ рабочихъ было очень скверно: работы нѣтъ, заработки плохи, все вздорожало; быть можетъ, если правительство позаботится о рабочихъ, —вѣдь оно такъ могущественно!—ему удастся улучшить

ихъ положеніе. Вотъ въ Парижѣ народъ объявилъ республику; правительство въ рукахъ народа; навѣрное теперь французамъ удастся улучшить свою горькую участь. И вотъ, немедленно послѣ французской революціи, 24 го февраля 1848 г. началась революція въ мелкихъ государствахъ Германіи; первая произошла въ Баденѣ 27-го февраля. Наконецъ, 13-го и 14-го марта произошла революція и въ Вѣнѣ, столицѣ Австріи, самаго отсталаго изъ всѣхъ нѣмецкихъ государствъ. 18-го марта дошла очередь до Берлина, столицы Пруссіи. Повсюду народъ выставлялъ одни и тѣ же требованія: свободу печати, право собраній и союзовъ, всеобщее избирательное право, гласный судъ, судъ присяжныхъ и проч. Рабочіе всюду стояли за эти требованія и энергически поддерживали тѣхъ, кто ихъ выставлялъ и отстаивалъ. Извѣстная часть германскихъ рабочихъ тогда уже пришла къ сознанію необходимости общей, дружной борьбы всего ихъ класса за улучшеніе своего положенія. А для этого необходимо имѣть возможность открыто сговариваться и обсуждать, противъ чего именно и какими средствами бороться; нужны свобода слова, право собраній и союзовъ, свобода печати, чтобы писать о своихъ нуждахъ, о своихъ врагахъ и друзьяхъ. Тогда быстро росло бы ихъ сознаніе; то, что знаютъ одни рабочіе, изъ книгъ и газетъ узнавали бы другіе.

Революціи въ мелкихъ германскихъ государствахъ прошли почти безкровно; перепуганные парижской революціей короли и князья немедленно уступали требованіямъ народа. Болѣе серьезный характеръ носила революція въ Берлинѣ. Первое народное собраніе произошло здѣсь 6-го марта. Произошло оно въ городскомъ саду, въ той его части, гдѣ стоятъ столики для посѣтителей, желающихъ выпить кружку пива. Эта часть отгорожена отъ остального сада рѣшеткой. Пиво разносятъ изъ будокъ. Тутъ же устроены крытыя возвышенія, на которыхъ играетъ по воскресеньямъ музыка. Нѣмцы по праздникамъ огромными толпами приходили сюда пить пиво; такимъ образомъ,

получалось народное собраніе, слушавшее музыку и обсуждавшее городскія и общественныя новости. Собраніе 6-го марта хотѣло опредѣлить требованія народа, но не могло столковаться. Наконецъ, 7 го марта вечеромъ составили петицію къ королю съ перечисленіемъ народныхъ требованій. Когда выборные отъ народа собрались нести петицію къ королю, полиція остановила ихъ и сказала, что король не желаетъ принимать выборныхъ и приказалъ послать петицію по почтѣ. 9-го марта произошло народное собраніе въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, и на немъ было постановлено обратиться въ Городскую Думу и просить ее подать петицію королю. 11-го Городская Дума рѣшила отклонить отъ себя подачу королю народной петиціи, а вмѣсто этого составила отъ себя свою скромную петицію, которая просила устройства коммиссіи для обсужденія вопроса о положеніи рабочихъ. Тогда выборные отъ народа обратились къ одному придворному чиновнику съ той же просьбой: передать лично королю народную петицію; чиновникъ посмѣялся надъ ними и отказался. Дѣлать нечего, —петицію отослали по почтѣ. Эта исторія съ петиціей должна была показать народу, что онъ можетъ разсчитывать только на самого себя. 13-го распространился слухъ, что правительство готовитъ войска на случай борьбы съ народомъ. Всѣ главныя улицы Берлина были, поэтому, запружены толпой. Дворецъ и цехгаузъ, расположенный недалеко отъ дворца, были заняты пѣхотой; подлѣ расположились артиллеристы съ пушками. Многочисленные отряды кавалеріи были отправлены къ мѣсту народныхъ собраній. Въ это время обсуждалась новая петиція королю, въ которой народъ жаловался ему на угнетенія со стороны капиталистовъ и ростовщиковъ. Вечеромъ, на бульварѣ «Подъ липами», произошло столкновеніе кавалеристовъ, ѣхавшихъ отъ дворца, съ толпой народа, двигавшейся ко дворцу. Началось сильное смятеніе, около дворца солдаты со штыками бросились на народъ. Народъ разбѣжался съ громкими криками. Одна оружейная лавка была разграб-

лена. Народу нужно оружіе, и онъ беретъ его, гдѣ можетъ. Была сдѣлана попытка построить баррикаду.

13-марта, однако, не произошло ничего серьезнаго. 15-го вновь начались волненія и столкновенія между войсками и народомъ. Вечеромъ площадь передъ дворцомъ была запружена толпой. Когда стража начала запирать дворцовыя ворота, изъ толпы раздались крики и свистъ. Тогда отрядъ пѣхоты штыками и прикладами разогналъ толпу. Разогнанные начали разбирать въ сосѣднихъ улицахъ мостовую, съ цѣлью построить баррикады; въ толпѣ встрѣчались вооруженные люди, и солдаты должны были сдѣлать нѣсколько залповъ, чтобы разогнать народъ. Нѣсколько человѣкъ было ранено и убито. Тогда пытавшіеся сопротивляться разбѣжались въ разныя стороны. 16 марта около замка, на Оперной площади, стояла толпа народа; вечеромъ отрядъ пѣхоты выступилъ на площадь; трижды былъ поданъ сигналъ, и послѣ третьяго барабаннаго боя былъ данъ по толпѣ, совершенно не понимавшей въ чемъ дѣло, залпъ; нѣсколько человѣкъ было убито, многіе—ранены. Толпа съ ужасомъ бросилась бѣжать. Говорили, что всего за эти два дня было убито чел. 15 18; въ одномъ госпиталѣ лежало 80 чел. раненыхъ, въ частныхъ домахъ, вѣроятно, столько же. Среди солдатъ было много раненыхъ каменьями мостовой.

17-го марта все было спокойно. Озлобленное настроеніе все болѣе и болѣе овладѣвало рабочими. Въ самомъ дѣлѣ, первоначально у нихъ не было никакихъ злыхъ умысловъ: ихъ миролюбивыя петиціи къ королю указывали только на невыносимо-тяжелое положеніе рабочихъ, но отнюдь не заключали никакихъ угрозъ. О революціи, о насиліи никто и не думалъ. Скорѣе ожидали, что король добровольно дастъ имъ все нужное, позаботится о своихъ подданныхъ. Рабочіе хотѣли лишь выразить королю свои желанія. Сначала, въ самой безобидной формѣ, въ формѣ петиціи. Ея подача встрѣтила сопротивленіе. Тогда народъ сталъ волноваться, собираться около

дворца. Въ него начали стрѣлять. Очевидно,—приходилось взяться за оружіе. Горячія головы изъ толпы этому вооруженному насилію противопоставили вооруженную же защиту. Первыя попытки къ такой защитѣ не привели ни къ чему, онѣ дали народу новое только пораженіе. Народъ негодовалъ на кровавые подвиги солдатъ и офицеровъ. Съ своей стороны, правительство, чувствуя и видя это крайнее раздраженіе народа, готово было пойти на уступки: 18-го марта утромъ король благосклонно принялъ депутацію изъ Рейнской провинціи, въ которой возбужденіе народа было еще сильнѣе, чѣмъ въ Берлинѣ. На высказанныя депутаціей требованія народа король отвѣтилъ что требованія эти совпадаютъ съ его собственными желаніями, и въ часъ дня появилось въ правительственной газетѣ два королевскихъ приказа. Одинъ уничтожалъ цензуру книгъ и газетъ, другой—обѣщалъ скорый созывъ представителей народа въ законодательное собраніе, сдѣлавшееся, по словамъ короля, необходимымъ. Этими приказами требованія либеральной партіи, представительницы купечества и молодой промышленной буржуазіи, были удовлетворены. Рабочіе однако были недовольны: въ этихъ приказахъ не было сказано ни слова о нуждахъ рабочихъ. Недовольство народа выразилось въ крикахъ: «Долой военныхъ! Королю не нужны болѣе военные, онъ долженъ отдать себя подъ защиту гражданъ!» На площади передъ дворцомъ снова собралась огромная толпа народа. Въ два часа ко дворцу неожиданно прискакалъ эскадронъ драгунъ и бросился съ саблями наголо на толпу. Изъ воротъ дворца вышла рота гренадеръ; изъ ихъ среды раздались два выстрѣла, послѣ которыхъ началась ужасная свалка. Толпа, тѣснимая, съ одной стороны, драгунами, съ другой, гренадерами, бросилась въ разсыпную съ криками: «Измѣна! Измѣна! Къ оружію!» Мгновенно всѣ центральныя улицы Берлина покрылись вооруженными людьми и баррикадами. Нѣкоторыя изъ баррикадъ достигали крышъ; передъ домами были вырыты рвы и канавы, чтобы помѣ-

шать движенію кавалеріи. Оружейныя лавки всѣ были разграблены. Народъ вооружался, чѣмъ могъ; многіе пришли съ топорами, старыми саблями, пиками.

Между 3-4 часами пополудни началась атака войска. Первыя баррикады были взяты легко. Войска состояли изъ 12.000 пѣхоты, трехъ полковъ кавалеріи и многочисленной артиллеріи. Артиллерія особенно нужна была въ тѣхъ случаяхъ, когда баррикада была высока и крѣпка. Если атака пѣхоты не приводила ни къ чему, привозились пушки, и нѣсколькихъ выстрѣловъ было достаточно, чтобы разрушить самую сильную баррикаду. Кавалерія почти не принимала участія въ бою: рвы, вырытые передъ баррикадами, затрудняли ея движеніе. Народъ, въ свою очередь, защищался, чѣмъ могъ; на атакующія войска съ крышъ сыпался дождь изъ черепицъ, камней и тяжелыхъ плитъ, съ большимъ трудомъ поднятыхъ съ тротуаровъ наверхъ. Въ домахъ скрывались отдѣльные стрѣлки, наносившіе страшный уронъ войскамъ. Разсвирѣпѣвшіе солдаты атаковали не только баррикады: они безжалостно убивали всѣхъ, кого находили съ оружіемъ въ рукахъ. Одна баррикада выдержала трехчасовой бой, и сдалась только потому, что войска обошли ее съ тылу. Другая держалась всю ночь, да такъ и не была взята. Когда наступилъ разсвѣтъ, войска были совершенно истощены; вооруженные рабочіе, стоявшіе за баррикадами, напротивъ, были полны силъ. Объясняется это различіе тѣмъ, что солдаты съ утра 18-го марта стояли подъ ружьемъ; рабочіе же лишь постепенно стекались на баррикады, и утомленные бойцы постоянно смѣнялись новыми. Къ тому же, защитникамъ баррикадъ приходилось тяжело въ то время, когда войска атаковывали ихъ баррикаду; когда же дрались на другихъ баррикадахъ, они отдыхали. Изъ трактировъ имъ приносили для подкрѣпленія пиво, колбасу, и за баррикадой начиналась пирушка съ шутками, остротами, ухаживаніями за трактирщицами. Но какъ только приближался отрядъ войска,—всѣ были на мѣстахъ и оказывали упорнѣйшее

сопротивленіе.

Въ семъ часовъ утра 19-го появилась прокламація короля: «Къ моимъ дорогимъ берлинцамъ». Въ ней король говорилъ, что онъ отзоветъ войска, если берлинцы уничтожатъ баррикады. Между тѣмъ, состояніе войскъ было таково, что нельзя было разсчитывать на продолженіе борьбы. Еще до полудня войскамъ былъ отданъ приказъ отступить. Рабочіе побѣдили. Если солдаты легко могли взять каждую отдѣльную баррикаду, то они не могли справиться со всѣми баррикадами: послѣ 16-часового боя на улицахъ силы ихъ были совершенно истощены, а на смѣну защитникамъ баррикадъ безъ конца приходили все новыя, новыя, свѣжія силы.

Какъ только войска отступили, рабочіе, точно движимые какою то общей идеей, положили тѣла всѣхъ убитыхъ на носилки и принесли ихъ во дворъ королевскаго дворца. Убитые были убраны цвѣтами, вѣнки украшали жертвы борьбы. Когда носилки съ тѣлами павшихъ борцевъ были установлены во дворѣ, раздался крикъ: «короля!» Король долго не выходилъ; наконецъ, показался на балконѣ, подъ руку съ королевой, лица ихъ были разстроены и блѣдны. «Шляпу долой!» закричала толпа; король снялъ шляпу... Народъ пропѣлъ вѣчную память убіеннымъ...

Всего убитыхъ было 230 человѣкъ; девять десятыхъ изъ нихъ принадлежало къ рабочему классу.

* * *

Такова была мартовская революція въ Берлинѣ. Въ этой революціи побѣдили рабочіе. Но имъ не удалось воспользоваться побѣдою: ею воспользовалась либеральная партія, т. е. купечество, буржуазія. Доля рабочихъ не стала лучше послѣ революціи 1848 г. Это объясняется тѣми обстоятельствами, которыя были изложены нами въ началѣ статьи; нѣмецкіе рабочіе не были организованы; большинство крайне смутно понимало свои классовые интересы. Революція принесла имъ свободу слова и печати, свободу союзовъ, всеобщее избирательное право. Этими правами рабочіе

воспользовались насколько могли; но широко воспользоваться ими, какъ, напр., пользуются ими теперь нѣмецкіе рабочіе, они не сумѣли: слишкомъ они разрознены были, слишкомъ неясно понимали свои интересы. Уже въ 1849 году буржуазія сумѣла отнять у нихъ равное избирательное право и замѣнить его неравнымъ—трехклассной системой. Не въ укоръ людямъ 1848 г. говоримъ мы это; мы слишкомъ хорошо знаемъ, что не они виноваты въ этомъ: слишкомъ недостаточно было развитіе экономическихъ отношеній, слишкомъ неясны были формы борьбы, которыя обезпечили бы рабочимъ побѣду не временную, а прочную, неотъемлемую. Люди 1848 года сдѣлали, что могли.

Дозв. ценз. 4 октября 1905 г. Екатеринославъ.

Типографія „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ н-Д.

С. Русова.

Біографія
Дж. Гарибальди,
освободителя Италіи.

м-707

Изд. Н. Парамонова
„Донская Рѣчь"
въ Ростовѣ на Дону.

Дозволено цензурою 3 апрѣля 1905 года. Ростовъ на Дону.

Ростовъ на Дону.
Электропечатня М. І. Турцевичъ
1905.

Джузеппо Гарибальди,

освободитель Италіи.

Путешествуя по Италіи, въ каждомъ большомъ городѣ—въ Генуѣ, Миланѣ, Венеціи и др., вездѣ вы увидите памятникъ одному и тому же человѣку—Джузеппо Гарибальди. На памятникахъ почти всегда написано, что ихъ поставила «благодарная Италія», или «единая Италія». Если же вы заговорите съ итальянцами о Гарибальди—лица у всѣхъ ихъ проясняются, голосъ звучитъ лаской и восторженной любовью. Уже 20 лѣтъ прошло со дня смерти Гарибальди, а памятники его все такъ-же заботливо украшены вѣнками, живые цвѣты смѣняются круглый годъ, и вы чувствуете, что память его дорога каждому итальянцу. Гарибальди— это народный герой Италіи. Вся его жизнь была одной героической борьбой за освобожденіе родины. Онъ любилъ Италію всей душой, и самъ онъ былъ настоящимъ итальянцемъ по характеру, по душѣ. Бываютъ такія минуты въ жизни народовъ, когда притѣсненія сосѣдей, гнетъ чужихъ властителей становятся невыносимыми, и всѣ силы народныя стремятся къ освобожденію. Тогда народу нуженъ только вождь, предводитель, одушевленный тѣмъ же народнымъ чувствомъ, и побѣда вѣнчаетъ дружныя усилія народа и даетъ безсмертную славу герою, понявшему народное желаніе и сумѣвшему довести его дѣло до желаннаго конца.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ Италія стонала въ рукахъ чужихъ господъ, хозяйничавшихъ въ ней ради одной своей собственной выгоды. Австрійскіе нѣмцы, французы подѣлили между собой Италію и разбили ее на отдѣльныя герцогства и королевства. Нѣмцы владѣли всей Ломбардіей, средней Италіей и Венеціей, французы захватили себѣ Неаполь и Сицилію, и тамъ царствовали короли изъ фамиліи Бурбоновъ. Бѣдность, безправіе, полный произволъ чиновниковъ разоряли прекрасную страну. Прогнать этихъ чужеземцевъ, освободиться отъ непрошенныхъ властителей, объединиться всѣмъ въ одно свободное, цѣльное государство—вотъ о чемъ только и мечтали итальянцы въ продолженіе всего недавно окончившагося XIX столѣтія; свободная единая Италія—вотъ какою хотѣла быть прекрасная, измученная долгимъ гнетомъ страна. Стать такою—помогъ ей именно Джузеппо Гарибальди, и память о его благородствѣ, храбрости и добротѣ долго будетъ жить въ сердцахъ благодарныхъ ему итальянцевъ.

I.

Въ одно прекрасное лѣтнее утро, на берегу Средиземнаго моря, около живописнаго города Ниццы, собралась толпа итальянскихъ мальчугановъ. Они сбѣжались сюда, на отлогій берегъ, чтобы покупаться въ прохладныхъ морскихъ волнахъ. Солнце такъ жарко припекало, а блестящія золотисто-синія волны такъ и манили въ свои прохладныя объятія, въ свой безграничный просторъ. Весело бросались загорѣлые маленькіе голыши въ теплыя волны, какъ рыбы ныряли, плавали, перегоняли другъ друга, взлѣзали на лодки рыбаковъ, съ нихъ бросались головой внизъ.

— А кто, ребята, доплыветъ вонъ до того большого парохода, что стоитъ на якорѣ, съ французскимъ флагомъ?—выкрикнулъ одинъ изъ мальчугановъ, самый ловкій, самый смѣлый, по имени Джузеппо. Но чуть онъ поплылъ къ намѣченной цѣли, разсѣкая волны сильными руками, какъ неожиданный крикъ, крикъ отчаянія, раздался съ далекаго мола, гдѣ прачки полоскали бѣлье: одна изъ нихъ поскользнулась на мокрыхъ камняхъ и упала въ воду. Засуетились люди на пристани и отвязываютъ лодки, бросаютъ женщинѣ спасательные круги, она безпомощно барахтается въ водѣ и видимо теряетъ силы. Но вотъ неожиданный маленькій спаситель подхватываетъ утопающую, она цѣпляется за него руками и оба держатся на водѣ, пока до нихъ доплываетъ лодка и обоихъ, обезсиленныхъ, но живыхъ, забираетъ изъ морскихъ волнъ. Со слезами благодарности цѣлуетъ прачка своего маленькаго избавителя. Толпа на берегу кричитъ: «молодецъ Джузеппо, ай, да мальчикъ!» Десятки рукъ протягиваются къ лодкѣ и вынимаютъ поблѣднѣвшаго, мокраго, но весело улыбающагося мальчика и передаютъ его въ объятія матери. Вся набережная полна народу; матросы, рыбаки—всѣ одобри-

тельно киваютъ маленькому Джузеппо, его всѣ знаютъ, всѣ любятъ, а ему кажется, что никогда солнце еще не сіяло такъ ярко надъ великолѣпнымъ моремъ, никогда темные кипарисы не выступали такъ красиво среди бѣлыхъ стѣнъ родного города. Это былъ счастливый день въ дѣтствѣ Гарибальди. Такихъ много было въ его безпокойной жизни: вездѣ, всегда онъ шелъ смѣло навстрѣчу опасности, всегда протягивая руку помощи каждому, нуждающемуся въ ней. Его доброе сердце было съ дѣтства полно нѣжной ласки ко всему страдающему.

II.

Гарибальди былъ сынъ морского капитана. Отецъ его рѣдко бывалъ дома; онъ плавалъ по морю на купеческихъ корабляхъ, Джузеппо съ братомъ жили съ матерью, въ небольшомъ домикѣ въ Ниццѣ, недалеко отъ берега моря. Когда море тихо плещется о берега и ясное небо не предвѣщаетъ бури, тогда мать Джузеппо весела и спокойна. Но чуть зашумятъ, заговорятъ сердито пѣнистыя волны, нелетая на берегъ и разбиваясь о него, чуть тучи заволокутъ небо, страхъ и тревога терзаютъ душу бѣдной жены моряка, дрожитъ она за любимаго мужа. Сколько разъ бывало ночью проснется Джузеппо отъ рева волнъ, отъ страшнаго шума вѣтра и прибоевъ и видитъ онъ, какъ передъ образомъ Божьей Матери стоитъ на колѣняхъ его мать: красивое лицо поблѣднѣло отъ тревоги, въ прекрасныхъ черныхъ глазахъ стоятъ слезы. Какая мольба въ этихъ глазахъ, какая молитва горячая несется къ Богу изъ добраго вѣрующаго сердца итальянки! Джузеппо смотритъ на нее и не можетъ заснуть. Онъ слушаетъ грохотъ прибоя и кажется ему, что его мать стоитъ тутъ на холодномъ каменномъ полу, чтобы молиться объ всѣхъ несчастныхъ, закинутыхъ въ море въ эту страшную темную ночь. Какъ часто потомъ, когда ему самому приходилось переносить на морѣ самыя ужасныя бури, онъ вспоминалъ свою мать, молящуюся за моряковъ, и его мужественное сердце

крѣпко вѣрило въ эту минуту и смѣло глядѣлъ онъ въ бѣшеныя волны, и спокойно правилъ кораблемъ... Наѣзжая время отъ времени домой, отецъ Гарибальди слѣдилъ за воспитаніемъ своихъ сыновей. Несмотря на маленькія денежныя средства, онъ старался дать имъ хорошее образованіе. Онъ пригласилъ въ учителя Джузеппо священника и офицера. Особенно сильное вліяніе имѣлъ на Джузеппо именно этотъ офицеръ. Онъ училъ его итальянскому языку и исторіи родного края. Въ его урокахъ передъ впечатлительнымъ мальчикомъ проходило все славное прошлое Италіи и рисовалось ея печальное тогдашнее положеніе. Жадно изучалъ Джузеппо древнюю исторію, когда Италія съ главнымъ своимъ городомъ Римомъ владѣла почти всѣмъ извѣстнымъ тогда міромъ; онъ вслушивался въ разсказы учителя о томъ, какъ, на смѣну воинственнаго языческаго періода, Римъ пережилъ начало христіанства, сталъ самъ во главѣ всего христіанскаго міра, какъ затѣмъ понемногу начали портиться нравы римскаго духовенства, какъ между ними развивалась мало по малу жадность, распущенность; какъ римскій первосвященникъ, глава Церкви, захватилъ свѣтскую власть въ свои руки и сталъ управлять цѣлой Папской областью. Разсказывалъ онъ, какъ въ XIV и XV в. Италія обогатилась, благодаря своей торговлѣ со странами всего міра, и какъ процвѣтали въ ней города: Флоренція, Миланъ, Венеція, Парма, Генуя—блистали богатствомъ, вели вольную, независимую жизнь. Живопись и скульптура создавались итальянскими мастерами: Рафаэль, Леонардо да-Винчи, Микель Анджело украшали своими картинами и статуями роскошные дворцы и общими силами сооружали чудные храмы, привлекавшіе толпы богомольцевъ. Вся наука, всѣ искусства среднихъ вѣковъ создались въ Италіи. А теперь! Бѣдная, разоренная, разорванная чужестранцами на куски—прекрасная Италія изнывала въ безпомощныхъ страданіяхъ: ея поэты молчали, ея художники не находили вдохновенія, вся жизнь способнаго живого народа какъ бы замерла, надъ всѣмъ стоялъ кулакъ

австрійца, угроза папы, сабля французовъ. Сердце юноши пылало негодованіемъ при этомъ сопоставленіи славнаго прошлаго Италіи и позорнаго ея настоящаго.

Отецъ Гарибальди мечталъ, что изъ умнаго живого Джузеппо выйдетъ или докторъ, или адвокатъ, или священникъ. Но Гарибальди не любилъ сухихъ, молчаливыхъ книгъ. Его манило безбрежное море, онъ любилъ причудливые голоса его капризныхъ волнъ, его влекъ къ себѣ чудный просторъ и опасности морскихъ плаваній. Однажды, еще будучи мальчикомъ, онъ собралъ товарищей, они снарядили себѣ сами небольшое судно и, не говоря никому ни слова, отправились одни въ сосѣдній итальянскій городъ Геную. Они уже уплыли довольно далеко, когда ихъ догналъ встревоженный отецъ Гарибальди и вернулъ мальчиковъ домой. Но Джузеппо не долго оставался дома и скоро нанялся на купеческій пароходъ, ходившій изъ Ниццы въ Одессу. Въ тѣ годы эти поѣздки были далеко не такъ безопасны, какъ теперь: на Средиземномъ морѣ еще разбойничали морскіе пираты (разбойники), они нападали на торговыя суда, грабили и убивали купцовъ. Гарибальди тоже не разъ приходилось вступать съ ними въ бой, но эти опасности только нравились смѣлому юношѣ, а еще больше нравилось ему узнавать новыя страны, новые города, встрѣчаться съ самыми разнообразными людьми. Въ одну изъ этихъ поѣздокъ Гарибальди удалось побывать въ Римѣ; какъ сильно билось его сердце, когда онъ увидалъ, наконецъ, этотъ городъ, дорогой и святой для каждаго итальянца. Прежде всего онъ пошелъ къ развалинамъ древняго языческаго Рима: когда-то этотъ Римъ владѣлъ всѣмъ міромъ; его императоры повелѣвали милліонами разноплеменныхъ народовъ; на площадяхъ римскихъ возвышались храмы всевозможнымъ богамъ. Вотъ знаменитый Форумъ, площадь передъ прежнимъ сенатомъ, гдѣ когда-то раздавались рѣчи народныхъ защитниковъ; какъ красиво поднимаются изъ груды камней и мусора прелестныя колонны храма, когда-то посвященнаго богамъ Кастору и Поллуксу;

Развалины Коллизея

въ другомъ мѣстѣ величественная колонна Траяна возноситъ гордо свой высокій капитель съ изображеніями всѣхъ подвластныхъ тогдашнему Риму народовъ: тутъ можно видѣть и толстогубаго нубійца, и худощаваго парфенійца, красиваго грека и чубатаго славянина съ береговъ Чернаго моря, изъ скифскихъ степей. А вотъ и страшный громадный Коллизей, гдѣ рѣками лилась кровь христіанскихъ мучениковъ для забавы римлянъ; лазурное небо кротко смотритъ въ пустыя окна развалинъ высокаго, круглаго театра, трава и цвѣточки робко пробиваются по этимъ стѣнамъ, обагреннымъ святою кровью первыхъ христіанскихъ мучениковъ. Рѣка Тибръ пересѣкаетъ своими мутными волнами городъ на двѣ части. По ту сторону ея блеститъ золотой куполъ великолѣпнаго храма Св. Петра. Отъ церкви расходится по обѣ стороны величественная мраморная колонада, охватывая съ двухъ сторонъ большую площадь. Сюда, къ этому храму—самому богатому во всемъ католическомъ мірѣ—сходились въ средніе вѣка толпы христіанскихъ богомольцевъ. Гарибальди пошелъ на мессу (обѣдню), видѣлъ главу католической церкви—папу, въ бѣломъ богатомъ одѣяніи. Кардиналы въ красныхъ роскошныхъ одеждахъ окружали его. Сколько богатства было въ этой церкви и на одеждѣ всего этого духовенства, а на широкой лѣстницѣ ободранные нищіе, голодные, изнуренные, протягивали за подаяніемъ костлявыя руки. Вся Италія была полна нищаго, голоднаго люду, и никто не думалъ о томъ, чтобы уменьшить эту бѣдность, дать работу этимъ праздным рукамъ. Вотъ по улицѣ, надменно гремя саблями, прошла группа французскихъ офицеровъ, ихъ громкая французская рѣчь, ихъ самоувѣренныя манеры ясно показываютъ, что они считаютъ себя полновластными хозяевами въ этомъ красивомъ міровомъ городѣ. Сердце Джузеппо Гарибальди сжималось отъ боли: его родина въ рукахъ чужестранцевъ, бѣдная, униженная. «О, моя Италія! мой край родной! Когда же ты поднимешь вою голову и станешь единою и независимою? Долго ли

Соборъ и площадь Св. Петра въ Римѣ.

ты будешь кормить своими богатыми дарами этихъ жадныхъ кардиналовъ, австрійцевъ, французовъ, между тѣмъ какъ твои родныя дѣти погибаютъ въ нищетѣ и неволѣ. Святой, прекрасный городъ! ты мнѣ дороже всего въ жизни. Чтобъ возвратить тебѣ и Италіи свободу и независимость я радъ отдать всю мою жизнь!

Такъ говорилъ себѣ молодой юноша съ кроткими голубыми глазами, сидя на римскомъ холмѣ Іеникуль, и съ любовью вглядывался въ древній городъ, расположенный передъ нимъ на 7 отдѣльныхъ холмахъ, соединенныхъ между собою тѣсно застроенными и густо населенными улицами.

III.

Разъѣзжая на своихъ купеческихъ корабляхъ, Гарибальди встрѣчался и знакомился съ самыми разнообразными людьми. Однажды судно его стояло у пристани нашего русскаго города Таганрога и тутъ, въ одномъ небольшомъ трактирчикѣ, гдѣ собирались матросы, Гарибальди въ первый разъ встрѣтился съ членами общества «Молодая Италія». Это было тайное общество друзей народа; они собирались, обсуждали положеніе Италіи и обдумывали, какими способами лучше измѣнить горестное ея состояніе, какъ объединить ея отдѣльныя части, захваченныя чужестранцами, какъ дать ей свободу. «Во имя Бога и народа»—было лозунгомъ этого общества. Богу, правдѣ и добру и своему родному народу посвящали свою жизнь члены этого общества. Ихъ преслѣдовала австрійская полиція, тайные шпіоны подслушивали ихъ, предавали ихъ австрійцамъ, многіе изъ нихъ томились въ итальянскихъ тюрьмахъ, многіе въ изгнаніи тосковали о своей прекрасной родинѣ. Но, преданные великому дѣлу освобожденія отечества, члены «Молодой Италіи» ничего не боялись, и число ихъ все увеличивалось. Во главѣ общества стоялъ горячій патріотъ Мадзини. Онъ уже былъ изгнанъ изъ Италіи за свои смѣлыя обличенія притѣснителей народа. Теперь онъ

поселился въ ближайшемъ къ Италіи французскомъ городѣ Марселѣ и тамъ издавалъ газету на итальянскомъ языкѣ: его пламенныя статьи призывали къ освобожденію и къ объединенію. Восторгъ охватилъ душу молодого Гарибальди, когда онъ узналъ объ этомъ обществѣ: значитъ, онъ не одинъ, значитъ, есть съ кѣмъ работать для освобожденія дорогой родины. Руки его дрожали отъ волненія, когда онъ въ первый разъ взялъ газету Мадзини.

Джузеппо читалъ его пламенныя воззванія къ освобожденію родины, и Мадзини казался ему, такъ же какъ и многимъ итальянцамъ — святымъ учителемъ правды. По слову Мадзини люди шли на борьбу, не боясь ни смерти, ни тюрьмы. Гарибальди отдался всей душой освобожденію родины и поступилъ въ члены «Молодой Италіи».

Мадзини считалъ, что свобода самый дорогой и святой даръ, какой только человѣкъ получилъ отъ Бога. Стремиться къ ней, бороться за нее—нравственный долгъ человѣка. Ни одинъ народъ не долженъ угнетать другой народъ. Каждый народъ, по понятію Мадзини, долженъ жить своимъ государствомъ. Италія должна прежде всего прогнать чужихъ притѣснителей, стать единой на всемъ своемъ полуостровѣ и тогда она сможетъ сама устроить свою жизнь, какъ можно лучше.

Мадзини написалъ письмо королю Пьемонта *) Карлу Альберту, прося его взять въ свои руки дѣло объединенія Италіи и изгнанія изъ страны австрійцевъ. Король отказался отъ всякой борьбы: австрійцы казались ему слишкомъ сильными. Тогда Мадзини задумалъ поднять въ сѣверной Италіи народное возстаніе и послалъ туда вооруженный отрядъ добровольцевъ. Но все это предпріятіе кончилось полной неудачей, Мадзини и его друзья были

*) Пьемонтъ—область Сѣверной Италіи. Вмѣстѣ съ Сардиніей онъ составлялъ независимое Итальянское королевство—королевство Сардинское.

заочно присуждены къ смертной казни и должны были бѣжать изъ Италіи. Бѣжали они, конечно, не изъ трусости, а спасая дорогое для нихъ дѣло. За границей Италіи они продолжали служить ему, ожидая перваго благопріятнаго случая для новаго возстанія. Гарибальди принималъ тоже участіе въ этомъ движеніи 1834 г. и тоже долженъ былъ бѣжать. Простая лавочница фруктъ въ г. Генуѣ дала ему крестьянскую одежду, въ которой ему удобнѣе было скрыться неузнаннымъ. Пробираясь боковыми тропинками, больше ночью, чѣмъ днемъ, Гарибальди на десятый день добрался благополучно до Ниццы. Боясь своимъ видомъ бѣглеца напугать нѣжно любимую мать, онъ зашелъ сначала къ своей теткѣ. Только когда тетка предупредила его мать, онъ пришелъ домой и отдохнулъ подъ родной кровлей; но оставаться въ Ниццѣ, гдѣ всѣ его знали, было невозможно и въ слѣдующую же ночь Гарибальди съ двумя товарищами ушелъ надолго изъ родного города, чтобы переждать во Франціи лютое время. Италію отдѣляетъ отъ Франціи пограничная рѣка Вааръ. Отъ сильныхъ дождей вода въ этой горной рѣкѣ высоко поднялась и неслась бѣшенымъ потокомъ. Никакого моста не было по близости; лодку опасно было искать, чтобъ не натолкнуться на итальянскую пограничную стражу. Товарищи въ нерѣшительности колебались, не остаться ли имъ до утра на итальянскомъ берегу. Гарибальди, простившись съ ними, смѣло бросился въ страшный потокъ и вплавь перебрался на французскій берегъ. Здѣсь онъ уже считалъ себя въ совершенной безопасности. Онъ прямо подошелъ къ французу—пограничному стражу, назвалъ себя по имени и объяснилъ, что заставило его бѣжать. Но солдатъ не зналъ, какъ поступить ему съ итальянскимъ мятежникомъ и рѣшилъ на всякій случай арестовать его и отвести къ начальству. Гарибальди привели въ пограничное село и заперли въ комнатѣ второго этажа. Гарибальди подошелъ къ открытому окну и, прежде чѣмъ стороживщій его солдатъ успѣлъ оглянуться, арестантъ выпрыгнулъ въ окно и

скрылся въ горы. Онъ спѣшилъ добраться до Марселя, гдѣ было много его друзей. Не зная дороги, онъ, какъ опытный морякъ, направлялся по звѣздамъ и солнцу. Голодъ мучилъ его, онъ рѣшился зайти въ какую то лежавшую на пути деревеньку, и прямо пошелъ въ трактиръ. Хозяева предложили ему пообѣдать. Но когда Гарибальди началъ разсказывать имъ про свой счастливый побѣгъ, хозяинъ испугался и хотѣлъ тотчасъ же арестовать незнакомца. «Не спѣшите такъ, спокойно остановилъ его Гарибальди: дайте мнѣ пообѣдать, я очень голоденъ». Между тѣмъ въ трактиръ стали мало-по-малу собираться обычные вечерніе посѣтители. Гости начали пить вино и пѣть пѣсни. Гарибальди взялъ свой стаканъ вина и, подоійдя къ нимъ, весело сказалъ: «теперь моя очередь пѣть!» Своимъ пріятнымъ, мягкимъ голосомъ онъ запѣлъ одну изъ любимыхъ французскихъ пѣсенъ. Всѣ слушатели пришли въ восторгъ. Крики: да здравствуетъ Италія! смѣшались съ криками: да здравствуетъ Франція! Гости наперерывъ угощали Гарибальди, и объ арестѣ его никто не думалъ. На разсвѣтѣ вся компанія проводила итальянскаго изгнанника прямо на дорогу въ Марсель.

Въ Марселѣ—большомъ приморскомъ городѣ, Гарибальди легко получилъ мѣсто матроса на купеческомъ кораблѣ и снова побывалъ въ Черномъ морѣ и въ Одессѣ. Черезъ 2 года въ Марселѣ появилась холера и свирѣпствовала съ ужасной силой. Джузеппо бросилъ свои плаванія и немедленно поступилъ въ братья милосердія въ одну больницу. До самаго конца страшной эпидеміи, онъ, какъ всегда, забывая собственную опасность, заботливо ухаживалъ за больными.

Кончилась холера, а Гарибальди все еще не видѣлъ никакой возможности вернуться на родину. Тогда его охватило страстное желаніе повидать новыя земли, новыя моря. Онъ записался матросомъ на первое судно, уходившее въ Америку, и надолго простившись съ родиной, въ 1835 г. уѣхалъ въ Южную Америку.

IV.

Въ Америкѣ Гарибальди скоро нашелъ себѣ дѣло по душѣ. Въ то время въ разныхъ областяхъ Южной Америки шла борьба между республиканцами и монархистами. Республиканцы хотѣли установить въ странѣ народное управленіе, монархисты, наоборотъ, хотѣли, чтобы власть принадлежала одному императору. Гарибальди сталъ во главѣ республиканскихъ отрядовъ. Его отчаянная храбрость и умѣнье вести войну всегда помогали ему побѣждать врага, даже если врагъ былъ гораздо многочисленнѣе. Но часто случалось ему терпѣть и пораженія. Одинъ разъ Гарибальди только что расположился на берегу рѣки Комакуа отдыхать со своимъ отрядомъ. Суда были вытащены на берегъ, ружья сложены въ сараї. Хозяинъ помѣстья былъ самъ республиканецъ и готовился угостить прекраснымъ обѣдомъ знаменитаго въ то время вождя Гарибальди. Никто не подозрѣвалъ, что въ сосѣднемъ лѣсу спрятались непріятельскія воїска. Вдругъ Гарибальди услыхалъ выстрѣлъ и увидѣлъ изъ лѣса несшуюся на него кавалерію. Поздно было думать о какой-либо военноі защитѣ. Гарибальди успѣлъ только вскочить въ сарай, съ нимъ вмѣстѣ поваръ его отряда. Поваръ подавалъ и заряжалъ одно ружье за другимъ, а Гарибальди, стоя въ дверяхъ, отстрѣливался отъ непріятеля такъ ловко, что полковникъ воображалъ, что въ сараѣ заперся весь отрядъ Гарибальди. Пять часовъ враги приступомъ брали сарай, взлѣзали на крышу, но пули двухъ осажденныхъ заставляли ихъ падать въ тѣ отверстія, какія они сами продѣлывали въ крышѣ. Обозленный полковникъ самъ получилъ рану въ руку и отступилъ. Еслибъ онъ зналъ, что его отрядъ отступилъ передъ двумя скрывшимися въ сараѣ противниками, его злость была бы еще сильнѣе!

Въ другой разъ буря налетѣла въ Атлантическомъ океанѣ на судно, которымъ командовалъ Гарибальди. Они шли подъ самымъ берегомъ, но почти никто не смогъ спастись. Самъ Гарибальди страшной волной былъ сбро-

шенъ сверху главной мачты. Какъ прекрасный пловецъ, онъ, не заботясь о собственномъ спасеніи, сталъ собирать всякія доски, бревна и другіе пловучіе предметы и подавать ихъ товарищамъ; увидя, что на одномъ изъ нихъ надѣта толстая суконная куртка, которая мѣшала ему плыть, Гарибальди выхватилъ изъ кармана ножъ и разрѣзалъ ее на спинѣ, чтобъ легче было стащить ее съ несчастнаго. Но налетѣла волна—и поглотила навсегда любимаго товарища Гарибальди. Онъ бросился на помощь къ другому своему другу, но на глазахъ Гарибальди волна унесла и его въ глубину. Въ совершенномъ отчаяніи поплылъ Гарибальди къ берегу. Выйдя на берегъ, онъ упалъ въ горѣ на землю: весь міръ казался ему пустыней, а самъ онъ—совершенно одинокимъ. Но ему недолго пришлось чувствовать себя однимъ: на берегу стонало нѣсколько выброшенныхъ волнами матросовъ. Гарибальди бросился имъ помогать: чужое страданіе заставило его забыть свое горе!

Чувство одиночества навело Гарибальди на мысль о женитьбѣ, онъ хотѣлъ найти въ женѣ близкаго человѣка, друга. Но одной фермѣ ему приглянулась одна изъ дочерей хозяина. Онъ сказалъ ей: пойдешь ли ты за мной?—Да, сказала Анита и ушла за итальянцемъ изъ родительскаго дома. Анита по характеру своему вполнѣ подходила къ Гарибальди; смѣлая, мужественная, любящая, она всю жизнь была самымъ вѣрнымъ его другомъ. Во время сраженіи она всегда была около мужа: помогала ему, заряжала ружья, ободряла уставшихъ, стыдила трусовъ, ухаживала за ранеными. Однажды во время сраженія у Гарибальди перебиты были почти всѣ офицеры, и Анита сама въ маленькой лодочкѣ должна была подвозить ему съ берега на судно оружіе и боевые запасы. Двадцать разъ храбрая женщина подъ страшнымъ непріятельскимъ огнемъ проѣхала отъ берега къ судну и обратно; гордо стояла она на кормѣ лодки, не наклоняя головы, какъ бы близко ни жужжали около нея пули. Во время другого сраженія Анита подвозила одна ящики съ порохомъ къ отряду Га

рибальди; вдругъ ее окружило 20 человѣкъ непріятельскихъ кавалеристовъ. Она пришпорила лошадь и хотѣла прорваться сквозь нихъ, пуля пробила ей шляпу и вырвала клокъ ея волосъ; она сдалась только тогда, когда ея лошадь была подъ ней убита. Но и тутъ ее мучила только тревога о мужѣ; она такъ боялась, не убитъ ли въ этомъ сраженіи ея дорогой Джузеппо, что гордая плѣнница позволила себѣ обратиться къ непріятелю съ одной, единственной просьбой: дозволить ей осмотрѣть поле битвы. Не найдя Гарибальди ни среди раненыхъ, ни среди убитыхъ, Анита спокойно пошла въ плѣнъ. Но въ первую же ночь, когда солдаты грубо пировали, празднуя свою побѣду, Анитѣ удалось убѣжать изъ лагеря. Въ первомъ попавшемся ей по дорогѣ домѣ ей дали лошадь, и Анита, несмотря на страшную грозу, на темноту ночи, понеслась верхомъ догонять Гарибальди, переплыла на лошади горную рѣку и на противоположномъ берегу прямо натолкнулась на искавшаго ее мужа. Радостна была эта встрѣча.

Гарибальди высоко цѣнилъ смѣлую отвагу своей Аниты, но еще дороже было ему ея кроткое терпѣніе; ей приходилось такъ часто переносить и голодъ, и холодъ и скитаться безъ пріюта съ маленькимъ родившемся у нея ребенкомъ—никогда не слышалъ отъ нея никто ни жалобы, ни упрека. Она знала, что ея Джузеппо служитъ великому дѣлу свободы, она знала его безкорыстіе и сама не искала богатства. Гарибальди хотя и получалъ иногда генеральское жалованье, но дѣлился имъ со всѣми солдатами своего отряда и часто сидѣлъ безъ копейки. Однажды съ нимъ захотѣлъ познакомиться одинъ американскій адмиралъ. Онъ пришелъ вечеромъ. Въ первой комнатѣ было совершенно темно, и знатный гость споткнулся о стулъ: «Неужели надо шею сломать, чтобы увидѣть знаменитаго генерала Гарибальди!» воскликнулъ удивленный гость. Но когда Гарибальди вышелъ къ нему, то пояснилъ, что свѣчи слишкомъ большая роскошь для него: «Извините меня, весело говорилъ Гарибальди: мы посидимъ съ ва-

ми и въ потемкахъ. Вѣдь вы вѣрно пришли, чтобъ поговорить со мной, а не для того, чтобъ смотрѣть на меня».

Одинъ разъ Гарибальди встрѣтилъ солдата изъ своего отряда безъ рубахи. Онъ тотчасъ же отозвалъ его въ сторонку, снялъ съ себя рубашку и надѣлъ на солдатика. Вернувшись домой, онъ попросилъ у жены другую рубашку—«Ты знаешь, кротко сказала ему Анита, что у тебя всего одна рубашка, мнѣ нечего дать тебѣ сейчасъ». Въ такой бѣдности жилъ человѣкъ, котораго почти вся Южная Америка знала, какъ одного изъ самыхъ великихъ борцовъ за народную долю.

Прошло уже тринадцать лѣтъ, какъ Гарибальди оставилъ Италію. Насталъ 1846 г., и на папскомъ престолѣ явился новый папа Пій IX. Онъ началъ вводить въ Римской области новыя реформы; простилъ всѣхъ республиканцевъ въ Римѣ, которыхъ жестоко преслѣдовалъ его предшественникъ, многимъ изгнанникамъ позволилъ вернуться. Вѣсти эти дошли и до Гарибальди, онъ рѣшилъ тоже вернуться. Какъ и другіе итальянцы, Гарибальди думалъ, что Пій IX объединитъ вокругъ себя всѣ силы Италіи, чтобъ освободить ее отъ Австріи. Отправивъ Аниту съ дѣтьми въ Ниццу къ своей матери, самъ онъ съ трехцвѣтнымъ флагомъ на своемъ суднѣ отправился съ друзьями прямо въ Италію, къ королю. Въ то время возстаніе охватило почти всю Италію. На сѣверѣ король велъ открытую войну съ австрійцами, Сицилія готовилась прогнать правителей изъ французскаго дома Бурбоновъ. Въ Римѣ нерѣшительныя реформы папы Пія IX, его отказъ помогать королю Пьемонта въ борьбѣ съ Австріей раздражили населеніе. Вспыхнуло возстаніе, испуганный папа бѣжалъ изъ Рима, а власть перешла въ руки Мадзини. Онъ установилъ республиканское управленіе въРимѣ.Но за бѣжавшаго папу заступились французы, ихъ войска высадились въ ближайшей отъ Рима гавани, въЧивита Веккіи, и шли на Римъ.

Гарибальди сначала пробовалъ помочь Пьемонту *) въ

*) Область Сѣверной Италіи.

его войнѣ съ Австріей, Карлъ Альбертъ отмѣнилъ гро зившую ему когда то смертную казнь и принялъ его услуги. Но австрійцы уже вездѣ побѣдили королевскія войска, и Гарибальди увидѣлъ, что въ Пьемонтѣ дѣло опять было проиграно итальянцами; онъ поспѣшилъ на помощь осаждаемому французами Риму. Когда на улицахъ Рима появилась эта красивая фигура всадника въ бѣломъ плащѣ (пончо), накинутомъ на широкую красную рубашку, въ широкой черной шляпѣ съ развивающимся страусовымъ перомъ, съ разсыпающимися изъ-подъ шляпы прекрасными золотистыми кудрями --увлекающаяся римская толпа съ восторгомъ привѣтствовала его криками: «да здравствуетъ Гарибальди!» Высоко взлетали шляпы и платки, ими махали, привѣтствуя знаменитаго уже защитника свободы. Гарибальди дали отрядъ изъ самыхъ разнообразныхъ людей: тутъ были и студенты, никогда до этой минуты не носившіе оружія, и сорокъ человѣкъ испанцевъ, уже сражавшихся съ Гарибальди въ Южной Америкѣ, были и эмигранты итальянцы, были и настоящіе солдаты. Гарибальди сразу всѣхъ ихъ воодушевилъ своей любовью къ родинѣ, отвагой, знаніемъ военнаго дѣла. Французы были отброшены далеко за стѣны города. Потери ихъ были громадны. Римъ шумно и радостно праздновалъ побѣду. Гарибальди хотѣлъ пуститься вслѣдъ за французами, но Мадзини не позволилъ ему этого и согласился, противъ всѣхъ совѣтовъ Гарибальди, на перемиріе съ французскимъ генераломъ.

Это было несчастное соглашеніе. Французы воспользовались перемиріемъ, чтобы собраться съ силами. Не дождавшись конца перемирія, французскія войска ночью подошли къ воротамъ Рима, криками «да здравствуетъ Италія» они обманули часовыхъ, вошли въ городъ и заняли очень выгодное положеніе. Пушечные выстрѣлы разбудили Гарибальди, только что вернувшагося въ Римъ съ битвы при Велетри, гдѣ онъ подавалъ помощь неаполитанцамъ. Его отрядъ былъ измученъ, утомленъ, французы были гораздо многочисленнѣе, городъ не приготовленъ къ осадѣ.

Три дня Гарибальди отстаивалъ Римъ, пока правительство не приказало ему сдаться. Французскія войска вступили побѣдоносно внутрь города. Но Гарибальди не привыкъ сдаваться хотя бы и гораздо болѣе сильному непріятелю. Онъ собралъ вокругъ себя остатки своего отряда и сказалъ имъ: «Друзья мои! Васъ ждутъ усталость и опасности, зной и жажда днемъ, холодъ и голодъ ночью, у васъ не будетъ ни пріюта, ни наградъ. Но кто любитъ Италію—слѣдуйте за мной!»

Около 1000 добровольцевъ не захотѣли сложить оружіе и послѣдовали за Гарибальди. Онъ надѣялся пробраться до Венеціи и отбить ее отъ австрійцевъ. Анита слѣдовала за мужемъ. Онъ помѣстилъ ее посерединѣ отряда. Это былъ мучительный переходъ. Австрійцы и французы вездѣ преслѣдовали ихъ. Отрядъ уменьшался съ каждымъ днемъ. До Адріатическаго моря Гарибальди добрался только съ 250 самыхъ вѣрныхъ друзей и добровольцевъ. Онъ размѣстилъ ихъ на 13 рыбацкихъ лодкахъ и ночью поплылъ къ Венеціи. Уже виднѣлись башни и церкви этого города, расположеннаго на островахъ, когда вдругъ съ двухъ большихъ австрійскихъ судовъ ихъ замѣтили и дали по нимъ нѣсколько выстрѣловъ. Скоро наши храбрецы замѣтили, что австрійцы догоняютъ ихъ на своихъ военныхъ шлюпкахъ. Лодки итальянцевъ разсѣялись, стараясь скрыться въ темнотѣ ночи, нѣкоторыя пристали къ берегу, но всѣ скоро попались въ руки австрійцевъ. Гарибальди тоже присталъ къ берегу и успѣлъ скрыться въ сосѣднемъ лѣсу. Трудности всего этого перехода, волненія послѣднихъ дней и ночей отняли всѣ силы у больной Аниты. Она изнемогла отъ усталости, но ни единой жалобы не вырвалось изъ ея устъ. Гарибальди два дня несъ на рукахъ умирающую жену. Крестьяне вездѣ старались помочь ему; въ одной фермѣ, среди большого лѣса, пріютили Аниту, дали бѣднымъ скитальцамъ поѣсть, уложили больную кое-какъ на кровать. Гарибальди съ ужасомъ видѣлъ, какъ лицо Аниты покрывается смертельной блѣдностью. Обнявъ свою преданную

жену, сжимая ея руки въ своихъ, сидѣлъ славный итальянскій предводитель надъ умирающей женщиной. Слезы отчаянія текли изъ его глазъ, рыданія оглашали маленькую комнату. Но понемногу усталость свалила измученнаго отъ ходьбы, голода и огорченій Гарибальди: онъ заснулъ глубокимъ, тяжелымъ сномъ...

Когда онъ проснулся, въ его объятіяхъ уже застылъ холодный трупъ Аниты. Некогда было оплакивать умершую подругу: каждую минуту къ избушкѣ могли явиться австрійцы, повсюду искавшіе ненавистнаго для нихъ генерала. Гарибальди попросилъ у хозяевъ фермы заступъ, взялъ на руки въ послѣдній разъ такъ горячо любившую его Аниту, отнесъ ее въ глухое мѣсто въ лѣсъ и наскоро закопалъ ея тѣло подъ кустомъ цвѣтущаго жасмина. Затѣмъ онъ внимательно оглянулся кругомъ *), чтобы хорошенько запомнить это священное для него мѣсто, и быстро пошелъ по направленію къ ближайшему городу. Когда на другое утро австрійскіе солдаты пришли въ лѣсную избушку, никто имъ не указалъ мѣста, гдѣ похоронена была Анита, а Гарибальди былъ уже далеко.

Въ Италіи дѣло освобожденія опять не удалось; а король тяготился даже присутствіемъ Гарибальди въ его владѣніяхъ, такъ какъ австрійцы требовали или выдачи или заключенія великаго народнаго вождя въ тюрьму. Пришлось Гарибальди вторично покинуть родину. На этотъ разъ онъ поѣхалъ въ Сѣв. Америку и въ главномъ городѣ ея—Ньюіоркѣ зарабатывалъ себѣ пропитаніе, дѣлая свѣчи на одной фабрикѣ. Странно было видѣть знаменитаго генерала съ засученными рукавами у котла съ растопленнымъ саломъ; но Гарибальди всегда удивительно добродушно переносилъ всѣ перемѣны въ жизни.

Этотъ разъ Гарибальди недолго оставался въ Америкѣ и черезъ 2—3 года онъ уже ѣздилъ на торговомъ ко-

*) Потомъ, когда война совершенно закончилась, Гарибальди вернулся на это мѣсто и перевезъ останки жены своей въ родной городъ Ниццу.

раблѣ изъ Европы въ Китай и обратно. А въ 1855 г. на собранныя имъ трудовыя деньги онъ купилъ часть живописнаго, дикаго острова Капрера и устроилъ себѣ тамъ небольшую усадьбу. Капрера недалеко отъ Неаполя, и Гарибальди изъ своего уединеннаго уголка могъ внимательно слѣдить за всѣми событіями на его дорогой родинѣ.

V.

Неудачи 1849 года не остановили итальянцевъ. Королемъ Пьемонта теперь былъ молодой рѣшительный Викторъ Эммануилъ II. Война съ Австріей закончилась мирнымъ договоромъ. Король долженъ былъ уплатить австрійцамъ большую сумму денегъ. Ихъ надо было собрать съ разоренной уже страны. Но Викторъ Эммануилъ не унывалъ. Среди министровъ у него былъ умный помощникъ—Кавуръ, горячо преданный своей родинѣ. Онъ направилъ всѣ усилія, чтобы поднять торговлю, земледѣліе и промышленность Италіи, чтобы увеличить богатства страны. Кромѣ того онъ старался принимать участіе во всѣхъ дѣлахъ европейскихъ государствъ: онъ хотѣлъ, чтобъ Италія держала себя среди нихъ независимо и гордо. Вмѣстѣ съ этимъ Кавуръ устанавливалъ дружескія сношенія съ Наполеономъ, императоромъ Франціи: онъ хотѣлъ быть увѣреннымъ въ его помощи въ борьбѣ Италіи съ Австріей. Къ этой борьбѣ готовилась вся Италія. Австрійское правительство держало наготовѣ сильное войско въ срединѣ своихъ итальянскихъ владѣній, въ Ломбардіи. Несмотря на это, разсчитывая на помощь Франціи, Пьемонтъ объявилъ войну своему врагу—Австріи 30 апрѣля 1859 г. и черезъ нѣсколько дней французскія войска уже высадились въ Генуѣ, спѣша на помощь пьемонтскому войску. Съ своей стороны Гарибальди былъ вызванъ Викторомъ Эммануиломъ и сталъ во главѣ такъ называемаго отряда «альпійскихъ охотниковъ»; этотъ отрядъ состоялъ почти весь изъ добровольцевъ, но Гарибальди умѣлъ одерживать побѣды съ самыми неподготовленными силами. Противъ него былъ высланъ австрійскій ге-

нералъ Урбанъ съ огромнымъ войскомъ. Гарибальди разбилъ его въ двухъ сраженіяхъ и занялъ безъ единаго выстрѣла городъ Комо, изъ котораго австрійскія войска сами удалились. Въ Комо Гарибальди нашелъ для своего отряда не только большіе запасы пищи, но, главное, много оружія и пороха, котораго у нихъ было очень мало. Между тѣмъ французы тоже одержали блистательную побѣду надъ австрійцами при Сольферино. Вся Италія съ трепетомъ и надеждой слѣдила за этой войной, готовая встать на помощь пьемонтскимъ войскамъ. Всѣмъ казалось, что часъ освобожденія уже близокъ, когда вдругъ разнесся невѣроятный слухъ: Наполеонъ безъ всякаго соглашенія съ Викторомъ Эммануиломъ заключилъ миръ съ Австріей на самыхъ унизительныхъ для Италіи условіяхъ: хотя Ломбардію, политую кровью этой послѣдней войны, австрійцы уступали королю Сардиніи и Пьемонта, но въ ихъ рукахъ оставалась красавица Венеція, а Наполеонъ потребовалъ себѣ одинъ изъ прекраснѣйшихъ уголковъ Италіи—Ниццу и Савойю. Гарибальди ничего не зналъ объ этомъ постыдномъ договорѣ, который былъ заключенъ въ Виллафранко: онъ былъ въ это время въ Средней Италіи и поднималъ населеніе въ пользу войны за освобожденіе. Вездѣ его встрѣчали, какъ настоящаго друга и защитника народной свободы. Въ городахъ въ его честь устраивали народныя празднества, его засыпали цвѣтами, окружали толпой, гдѣ бы онъ ни показался, и неистовые крики: «Да здравствуетъ Гарибальди!» всегда соединялись съ такими же единодушными: «Да здравствуетъ Италія!»

Гарибальди, нечестолюбивый и скромный, всегда очень уставалъ отъ такихъ торжествъ. Озабоченный дѣломъ освобожденія родины, онъ только радовался доброму настроенію населенія и усиленно занимался устройствомъ новой арміи, чтобъ продолжать войну за освобожденіе Италіи. И вдругъ—миръ, никѣмъ не желанный, миръ позорный, отнявшій у него его родину! Когда Гарибальди узналъ, что Кавуръ отдалъ Ниццу Франціи, онъ былъ въ отчаяніи: это

было величайшимъ горемъ его жизни. Полный негодованія, онъ удалился на свой одинокій скалистый островъ.

Дикія скалы молчаливо поднимаются тамъ прямо изъ синихъ волнъ Средиземнаго моря, кое-какія мирты да мастиковыя деревья веселятъ своею зеленью унылый сѣрый видъ камней. Здѣсь Джузеппо Гарибальди построилъ себѣ небольшой домикъ изъ камня, въ 2 этажа, съ плоской крышей и маленькой башней. Изъ этой башенки открывался великолѣпный видъ на море и разбросанные на немъ острова, а также и на туманные берега Италіи. Издали дымились проходящіе по морю пароходы, къ каменистымъ же берегамъ Капреры только разъ въ недѣлю подходилъ почтовый пароходъ, принося Гарибальди вѣсти съ дорогой родины. Въ обыкновенное же время только бѣлые паруса рыбацкихъ лодокъ красиво выдѣлялись на синихъ водахъ Средиземнаго моря, да искатели коралловъ подплывали подъ самыя скалы Капреры. Здѣсь то, въ полномъ одиночествѣ, отдыхалъ великій полководецъ и лѣчилъ свои раны, на которыя мало обращалъ вниманія въ разгаръ сраженій. Около дома онъ устроилъ огородъ и садъ и копался тамъ цѣлые дни. Съ большимъ трудомъ удалось ему развести на каменистой почвѣ прекрасныя яблони, груши, миндальныя, каштановыя деревья и самыя разносбразныя овощи, а на солнечномъ припекѣ росъ даже сахарный тростникъ—воспоминаніе Южной Америки—и вился виноградъ. Гарибальди собственноручно перетащилъ съ берега большіе камни для стѣны, чтобы обнести ею со всѣхъ сторонъ свое дѣтище—садъ и огородъ. Эта стѣна была необходима, такъ какъ на островѣ водились одичалые быки и ослы. Охотиться за ними, а также и на какихъ-либо птицъ генералъ не позволялъ: онъ никогда не стрѣлялъ въ беззащитныхъ, и охота казалась ему слишкомъ жестокимъ удовольствіемъ. Только изрѣдка позволялъ себѣ Гарибальди по американскому способу словить арканомъ какого-нибудь быка и продать его мяснику. Тогда въ скромномъ обѣдѣ Гарибальди, состоявшемъ всегда изъ однихъ овощей да рыбы, появлялось мясное блюдо.

Вообще, Гарибальди не баловалъ себя никакими удобствами жизни. Въ его домикѣ было всего двѣ комнатки и кухня. Въ одной изъ комнатъ жилъ самъ хозяинъ: въ ней стояла кровать съ жесткимъ тюфякомъ, столъ, по стѣнамъ полки съ книгами, старое кресло и сундучекъ, гдѣ хранились бумаги; надъ кроватью портретъ «дорогой старушки-матери»—вотъ и все убранство комнаты человѣка, котораго уважала вся Европа, и обожала вся Италія. Вторая комната служила для гостей: друзья Гарибальди и почитатели изъ всѣхъ странъ Европы, и изъ Америки часто навѣщали его. Здѣсь стояли всегда наготовѣ три желѣзныя кровати, стѣны были увѣшаны оружіемъ и знаменами. Около самаго дома была желѣзная пристройка—въ родѣ американскихъ переносныхъ домиковъ—здѣсь жилъ человѣкъ, всей душой преданный Гарибальди, Джіованно Бассо, его секретарь и казначей. Подальше стояла небольшая хижина, гдѣ ютился Гарибальди, пока строился его домъ. Теперь въ ней жили овцы и коровы вмѣстѣ со своимъ пастушкомъ. Вдали возвышалась маленькая мельница—вотъ и все хозяйство великаго героя. Здѣсь онъ съ ласковымъ радушіемъ принималъ своихъ друзей, угощая ихъ кисленькимъ виномъ изъ собственныхъ лозъ: это вино, достававшееся Гарибальди съ немалымъ трудомъ, казалось ему безподобнымъ.

VI.

Недолго пришлось Гарибальди отдыхать. Вѣсти съ родины приходили все болѣе тревожныя: Италія знать не хотѣла мирнаго договора въ Виллафранко. Она поняла, что французы ей плохіе помощники и вѣроломные друзья, и рѣшилась одними своими силами добиться независимости и освободить всѣ области отъ самыхъ Альпъ до оконечности Сициліи отъ чужеземнаго владычества. Этотъ самый южный островъ первый поднялъ теперь кличъ къ возстанію. Вечеромъ 3-го апрѣля 1860 г. въ Палермо, столицѣ острова, разразилось возмущеніе противъ бурбонскаго пра-

вительства. Но солдаты разграбили городъ и сицилійцы должны были на время притихнуть. Для помощи имъ устроился въ Генуѣ особый комитетъ: члены его собирали деньги, оружіе, набирали отрядъ добровольцевъ. Этотъ комитетъ сейчасъ же обратился за помощью къ Гарибальди. Викторъ Эммануилъ боялся открыто помогать сицилійцамъ, боялся раздражить французовъ; онъ даже издалъ запрещеніе провозить оружіе и войско черезъ его города въ Пьемонтѣ. Но Гарибальди не могъ не итти на помощь, когда друзья звали его. Скрываться онъ не умѣлъ и открыто выступилъ вождемъ тѣхъ отрядовъ, которые составлялись въ Генуѣ. «Государь, писалъ онъ въ это время сардинскому королю: вопль сицилійцевъ—«помогите!»—тронулъ мое сердце и сердца нѣсколькихъ сотенъ моихъ прежнихъ солдатъ. Я не совѣтовалъ моимъ братьямъ въ Сициліи поднимать возстаніе, они сами возстали, они хотятъ, чтобы постыдная тираннія надъ ними чужестранцевъ прекратилась, они хотятъ, чтобы Вы ихъ объединили съ остальной уже независимой Италіей, и я не задумался стать во главѣ ихъ благороднаго, но рискованнаго дѣла. Если мы побѣдимъ, я буду счастливъ, что такая прекрасная жемчужина, какъ Сицилія, войдетъ въ составъ Италіанскаго государства и уже никогда не будетъ отдана въ руки чужестранцевъ, какъ была позорно отдана моя родная Ницца!»

Добровольцы стекались къ Гарибальди со всѣхъ сторонъ: къ нему шли и богатые, и бѣдные; мальчики 14 лѣтъ со слезами умоляли записать ихъ хоть въ барабанщики! Знатныя дамы вышивали знамена. Скоро вокругъ Гарибальди собралось 1070 человѣкъ. Вооружены они были плохо, одежда на нихъ была самая разнообразная: голубыя, малиновыя, бѣлыя блузы, красныя куртки съ зелеными нашивками, бѣлые плащи, всевозможныя шляпы, шапки и шапочки, фески и каски—все это придавало отряду пестрый видъ. Горячая любовь къ родинѣ, восторженное почитаніе Гарибальди воодушевляло маленькое войско и дѣлало его неутомимымъ и непобѣдимымъ. Одного взгляда Гари-

бальди было достаточно для нихъ, чтобъ всѣ ему слѣпо повиновались, одно появленіе его въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ сраженія ободряло солдатъ и рѣшало судьбу сраженія. Гарибальди было уже за 50 лѣтъ, но его лицо оставалось прекраснымъ, а чарующая улыбка неотразимо покоряла толпу. Онъ носилъ всегда красную блузу и сѣрые брюки, шелковый платокъ на шеѣ и калабрійскую широполую шляпу на головѣ. Съ большими предосторожностями противъ слѣдившей за ними полиціи Гарибальди ночью 5 мая размѣстилъ свою тысячу *) на двухъ пароходахъ и отплылъ къ Сициліи. Черезъ недѣлю въ первомъ же сраженіи пятитысячная армія бурбонскихъ солдатъ бѣжала передъ натискомъ гарибальдійцевъ. 26-го мая Гарибальди былъ уже подъ Палермо. «Завтра»,—сказалъ онъ своимъ добровольцамъ:—«мы будемъ въ Палермо или меня не будетъ въ живыхъ!» Отбросивъ стоявшихъ у городскихъ воротъ бурбонскихъ солдатъ, добровольцы заняли городъ, и радостные крики населенія: Да здравствуетъ Гарибальди! Да здравствуетъ Италія! огласили воздухъ. Безумная мечта исполнилась: тысяча храбрецовъ побѣдила многотысячныя правильныя войска; любовь къ родинѣ, благородная смѣлость скинула цѣпи съ прекраснаго края. Съ этой минуты весь дальнѣйшій походъ Гарибальди былъ однимъ торжествомъ. Вездѣ его принимали, какъ освободителя, отовсюду присылалась денежная помощь, прибывали добровольцы. Сицилія была вся очищена отъ бурбонскихъ войскъ и многіе солдаты-итальянцы прямо переходили къ Гарибальди. Оставалось взять столицу южной Италіи—Неаполь. Въ половинѣ августа Гарибальди переправился съ значительно увеличившимся войскомъ въ Калабрію. Король Францискъ Бурбонъ послалъ ему предложеніе мира, уступалъ ему Сицилію, обѣщалъ уплатить 12 мил. лиръ **). Гарибальди не удостоилъ

---

*) Этотъ отрядъ, состоявшій изъ тысячи добровольцевъ, получилъ названіе „великой тысячи“.

**) Лира равняется прилизительно 40 коп.

его отвѣта и шелъ прямо на Неаполь. Король бѣжалъ изъ столицы и заперся въ сосѣднемъ городкѣ Капуѣ. На встрѣчу Гарибальди шли изъ Неаполя депутаціи: его звали, его ждали тамъ съ нетерпѣніемъ. Хотя въ крѣпости Неаполя еще стояли бурбонскіе солдаты, Гарибальди въѣхалъ въ него одинъ съ нѣсколькими друзьями. Когда его коляска поровнялась съ однимъ изъ городскихъ укрѣпленій, солдаты хотѣли по приказу офицера залпомъ встрѣтить «мятежника». Но Гарибальди всталъ въ экипажѣ и съ чарующей улыбкой привѣтствовалъ солдатъ, какъ своихъ же братьевъ-земляковъ. И всѣ ружья опустились, всѣ солдаты отдали ему честь, признали въ немъ новаго правителя города. Коляска двигалась среди ликующей толпы, провожавшей своего героя до самаго дворца; впродолженіе десяти часовъ толпа не уходила и бурно выражала свой восторгъ до тѣхъ поръ, пока не узнала, что генералъ усталъ и легъ спать. Тогда настала гробовая тишина. «Спитъ, спитъ!» тихимъ шопотомъ передавали другъ другу, и толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ неслышно стала расходиться.

На слѣдующій день Гарибальди объявилъ Неаполь и Сицилію присоединенными къ королевству Пьемонтъ-Ломбардскому и предложилъ населенію высказаться, желаетъ ли оно имѣть своимъ королемъ Виктора Эммануила. Утвердительный отвѣтъ не заставилъ себя ждать. 6-го ноября Викторъ Эммануилъ, безъ всякаго усилія съ своей стороны, получилъ изъ рукъ Гарибальди всю южную Италію. Онъ торжественно въѣхалъ въ Неаполь. Но толпа встрѣчала его далеко холоднѣе, чѣмъ своего истиннаго освободителя. Король предлагалъ теперь Гарибальди всевозможныя награды. Онъ отъ всего отказался и скромно, съ однимъ мѣшкомъ фасоли и нѣсколькими серебряными монетами въ карманѣ, отправился отдыхать на свою Капреру, ѣсть выращенныя собственными руками овощи, пить свое кисленькое винцо. Прощаясь съ добровольцами, онъ сказалъ имъ: «Сегодня я долженъ удалиться, но я уйду отъ васъ не надолго. Мы вскорѣ сойдемся и пойдемъ вмѣстѣ освобождать

нашихъ братьевъ, еще находящихся подъ чужеземнымъ владычествомъ!»

И дѣйствительно, дорогое для Гарибальди дѣло не было еще окончено: оставалось присоединить къ объединенной Италіи Венецію и Римъ.

VII.

Римъ и Венеція не давали покою Гарибальди. Онъ постоянно напоминалъ Виктору Эммануилу, что его долгъ уничтожить свѣтскую власть папы и перенести въ Римъ столицу объединенной Италіи, Италія безъ Рима—не была цѣльною. Король просилъ его подождать. Когда же, потерявши терпѣніе, Гарибальди съ новымъ отрядомъ добровольцевъ рѣшилъ самъ итти на Римъ, Викторъ Эммануилъ, напуганный австрійскимъ императоромъ и разными монахами, выслалъ свое войско противъ того самаго Гарибальди, который своею кровью создалъ ему цѣлое королевство. Королевское войско встрѣтило добровольцевъ при Аспромонте. Съ обѣихъ сторонъ началась перестрѣлка... Гарибальди выѣхалъ прямо передъ войскомъ, чтобы приказать перестать стрѣлять; но чуть онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ упалъ раненый. Въ ту-же минуту къ нему бросились солдаты и офицеры изъ обѣихъ арміи. Всѣмъ казалось чѣмъ то ужаснымъ, невѣроятнымъ: Гарибальди раненъ итальянскими солдатами, Гарибальди взятъ въ плѣнъ, кѣмъ же? войскомъ того самаго Виктора Эммануила, которому онъ такъ помогалъ.

Раненый Гарибальди лежалъ въ крѣпости, къ нему не допускали никого изъ его друзей. Онъ сильно страдалъ отъ ранъ: ихъ было двѣ, одна въ лѣвомъ бедрѣ, другая въ щиколодкѣ правой ноги. Доктора уже хотѣли отрѣзать ногу, но нашъ знаменитый русскій хирургъ Пироговъ воспротивился этому и искусно вынулъ пулю изъ ноги. Какъ только Гарибальди поправился, ему позволено было вернуться домой, на Капреру. Но Италія не могла простить никогда своему королю ужасной раны при Аспромонте и

плѣна любимаго героя. Между тѣмъ впереди Гарибальди ожидали новыя несчастья.

Около этого времени Гарибальди задумалъ повидаться съ Мадзини. Великій итальянецъ все еще казался опаснымъ королю, ему запрещено было жить въ Италіи, и онъ нашелъ пріютъ въ Лондонѣ. Чуть узнали въ Лондонѣ, что Гарибальди хочетъ туда пріѣхать, какъ начали готовить ему самую торжественную встрѣчу. Важнѣйшіе сановники, рабочіе, горожане—всѣ изгнанники старались высказать ему свой восторгъ, окружить его царскими почестями. Холодные жители страны тумановъ и дождей, англичане привѣтствовали освободителя Италіи самыми горячими рѣчами, въ честь его устраивались обѣды, вечера, въ его распоряженіе отдавались дворцы лордовъ. Все это путешествіе Гарибальди было сплошнымъ праздникомъ и торжествомъ единенія и дружбы такихъ различныхъ народовъ, какъ итальянцы и англичане.

Въ 1866 г. Пруссія объявила войну Австріи. Италія рѣшила воспользоваться этой минутой и освободить Венецію отъ австрійскаго владычества. Гарибальди былъ немедленно позванъ королемъ принять начальство надъ арміей. Онъ занялъ уже весь Тироль, мечтая, такимъ образомъ, возвратить Италіи не только Венецію, но и все сѣверное побережье Адріатическаго моря, населенное итальянцами. Онъ, какъ всегда, одерживалъ надъ австрійскими войсками одну побѣду за другой. Но среди этихъ кровопролитныхъ битвъ онъ вдругъ получилъ приказъ уйти изъ Тироля, такъ какъ король подписалъ перемиріе съ австрійскимъ императоромъ. Гарибальди отъ досады даже сломалъ свою шпагу, но долженъ былъ повиноваться. Венеція, однако, была освобождена и присоединилась къ единой Италіи. Оставалось присоединить къ ней и древній вѣчный городъ—Римъ. Но король медлилъ и строго запрещалъ Гарибальди всякія попытки къ его захвату. Теперь за островомъ Капрерой постоянно наблюдалъ стоящій въ виду его военный корабль. Но Гарибальди не могъ успокоиться, пока не закончится

полное объединеніе дорогой его сердцу родины. Друзья собрали по всей Италіи добровольцевъ; когда ихъ отрядъ составился, Гарибальди съ опасностью жизни бѣжалъ съ своего острова. Онъ вышелъ изъ дому ночью, одинъ сѣлъ въ крошечную старую лодку. Лодка текла, онъ разложилъ на дно свой плащъ, легъ на дно и тихо, незамѣтно поплылъ къ одному островку, гдѣ жила знакомая ему англичанка. Никто его не замѣтилъ съ военнаго парохода. Онъ ночевалъ у англичанки и на другое утро съ помощью друзей уже плылъ къ берегамъ Италіи. Но его постигла неудача: французы явились на помощь папскимъ войскамъ, итальянское правительство требовало, чтобы Гарибальди отступилъ отъ Рима, и онъ вынужденъ былъ согласиться. И только что онъ вышелъ изъ Папской области на итальянскую землю, его арестовали по приказанію королевскаго правительства. Гарибальди не хотѣлъ вѣрить, что это дѣлается по приказанію Виктора Эммануила, и сталъ сопротивляться. Тогда совершилось нѣчто совершенно недостойное: старика Гарибальди, обожаемаго всѣмъ итальянскимъ народомъ, полицейскіе повалили на землю и силою, на рукахъ, отнесли въ вагонъ желѣзноі дороги, чтобъ отвезти въ крѣпость около города Спеціи. Арестовавшіе Гарибальди всячески старались, чтобъ въ Спеціи никто не зналъ, въ какомъ видѣ въѣзжаетъ въ городъ знаменитый освободитель Италіи. Но это имъ не удалось, жители уже знали обо всемъ еще до прихода поѣзда. Несмотря на ночное время, громадная толпа окружала вокзалъ; стража была отброшена, лошади изъ экипажа выпряжены, люди впряглись сами въ него и съ криками: да здравствуетъ Гарибальди! толпа повезла своего героя въ лучшую гостиницу города, гдѣ для подкрѣпленія страдальца былъ приготовленъ прекрасный ужинъ и постель. Гарибальди проспалъ до разсвѣта. На разсвѣтѣ же, пользуясь тѣмъ, что толпа народа разошлась, офицеры, сопровождавшіе Гарибальди, тайно увезли его въ крѣпость, гдѣ и продержали подъ арестомъ почти цѣлый мѣсяцъ. Вся Италія, вся Европа была

возмущена такой несправедливой грубостью съ человѣкомъ, всю жизнь служившемъ родинѣ.

Прямо изъ крѣпости Гарибальди вернулся на свой островъ. Въ его кроткой незлобивой душѣ никогда не поднималось чувство ожесточенія противъ людей, какъ бы они ни оскорбляли его. Но на душѣ его было иное горе: онъ не видѣлъ возможности закончить полное объединеніе родины, вся Папская область оставалась среди Италіи, какъ островъ, гдѣ царилъ произволъ папы. И не было силы избавить Романію отъ этого произвола и соединить ее съ остальной Италіей. Однако, ни горе, ни раны, ни старость не сдѣлали Гарибальди равнодушнымъ къ несчастію близкихъ: въ 1871 г. Пруссія объявила войну Франціи. Франція не смогла выдержать борьбу съ такимъ сильнымъ врагомъ, какъ вся Германія; у нея не было ни хорошихъ генераловъ, ни честныхъ управителей. Прусскія войска брали одну французскую крѣпость за другой, голодные плохо одѣтые французскіе солдаты съ отчаяніемъ отступали. Тогда французскій народъ рѣшился низложить императора и провозгласить республику (народное правленіе), чтобы общими силами спасти родную страну. Чуть Гарибальди узналъ о несчастномъ положеніи Франціи, онъ немедленно отправился въ ряды ея войска, помочь ей своими военными знаніями. Всѣ старыя обиды были забыты. Великодушный, добрый старикъ простилъ и свои раны, полученныя тогда по наущенью французскаго императора, простилъ и то, что французы отняли его родной городъ Ниццу. Теперь онъ первый протянулъ французамъ руку и оставался въ ихъ войскѣ, пока они не подписали мирнаго договора съ Германіей. Теперь мечта Гарибальди, наконецъ, осуществилась, Наполеона не было больше во главѣ французскаго управленія и король Викторъ Эммануилъ занялъ Римъ своими войсками. Свѣтская власть папы кончилась, онъ долженъ былъ уступить свой дворецъ королю единой Италіи. Съ этихъ поръ папа остался главою католической церкви, но въ дѣла управленія ни Италіи, ни Римской области вмѣ-

шиваться не можетъ. Велика была радость старика Гарибальди: исполнилась мечта всей его жизни: единая, независимая Италія имѣла свою столицу—древній Римъ.

Въ 1872 г. римляне выбрали Гарибальди депутатомъ (представителемъ) въ парламентъ. Толпа встрѣтила его на вокзалѣ и также какъ недавно въ Сициліи везла великаго арестанта, такъ теперь ввозила его какъ настоящаго героя въ тотъ самый городъ, за освобожденіе котораго онъ столько выстрадалъ.

VIII.

2 іюня 1882 г., почти черезъ 10 лѣтъ послѣ окончательнаго объединенія Италіи, Гарибальди умеръ. Печальное извѣстіе вмигъ облетѣло всю Италію. «Гарибальди умеръ! Гарибальди нѣтъ больше въ живыхъ!» со слезами передавали другъ другу и всѣ чувствовали себя осиротѣвшими: плакали крестьяне, плакали бывшіе его добровольцы, плакали знатныя женщины и самые бѣдные рыбаки. Защитникъ народной свободы, безкорыстный герой закрылъ навсегда глаза. Вокругъ острова Капреры собрался цѣлый лѣсъ мачтъ большихъ и малыхъ судовъ. Со всей Италіи, изъ разныхъ странъ Европы, изъ Америки спѣшили люди дать послѣдній поцѣлуй великому патріоту. Итальянскіе моряки почтеннымъ карауломъ стояли у дверей маленькаго домика. Вся комната, весь гробъ были усыпаны цвѣтами: ихъ такъ любилъ Гарибальди, никогда не позволявшій себѣ никакой роскоши. Весь обложенный великолѣпными вѣнками Гарибальди лежалъ на своей узкой жесткой постели, въ своей всегдашней красной блузѣ и бархатной шапочкѣ на головѣ. Прекрасное благородное лицо его было обращено къ морю, къ Италіи: всю жизнь онъ любилъ море, и родина была ему дороже всего на свѣтѣ. Похоронили Гарибальди на его любимомъ островѣ Капрерѣ. Въ день похоронъ вся Италія вывѣсила траурные флаги: это было настоящее народное горе.

Такіе люди, какъ Гарибальди, рѣдки, счастлива та страна, которая ихъ имѣетъ. Гарибальди любилъ и пони-

Памятникъ Гарибальди въ Римѣ.

малъ свой народъ, онъ любилъ его всѣмъ сердцемъ и служилъ ему всю жизнь. Надъ объединеніемъ и освобожденіемъ Италіи работали многіе друзья народа: Мадзини, Кавуръ и мн. др. Но Гарибальди стоялъ ближе всѣхъ ихъ къ самому народу и ему удалось скорѣе выполнить великое дѣло.

Сердце его было полно горячимъ чувствомъ любви къ родинѣ. Это великое чувство сдѣлало его героемъ, незабвеннымъ не только для одной Италіи.

Народъ помнитъ его и теперь. Часто въ самой глухой деревушкѣ можно увидѣть на стѣнахъ крестьянскихъ домовъ портретъ Гарибальди, рядомъ со статуеткой Божьей Матери. Старые рыбаки и прежніе добровольцы «великой тысячи» любятъ разсказывать о необыкновенной добротѣ и храбрости «дяди Пе», какъ зовутъ они съ любовью великаго Джузеппо Гарибальди.

Послѣ смерти Гарибальди настали новые порядки. Они не могли дать сразу Италіи то счастье, о какомъ мечталъ Гарибальди. Бѣдность итальянскаго народа въ настоящее время ужасна, она зависитъ прежде всего отъ скученности населенія. Въ Италіи еще очень много гористыхъ и болотистыхъ мѣстъ, негодныхъ для земледѣлія, лучшія земли большими участками находятся въ рукахъ крупныхъ владѣльцевъ. Налоги тяжелы для населенія, а правительство вынуждено дѣлать большіе расходы, ему приходится содержать большое войско, проводить желѣзныя дороги, начинать народное образованіе. Но пройдетъ нѣкоторое время и Италія оправится. Теперь она объединилась, управляетъ ею король и парламентъ. Избирательнымъ правомъ пользуется каждый итальянецъ 21 года, если онъ платитъ хотя бы и небольшую подать. Ласковый, привѣтливый и способный народъ, итальянцы сумѣютъ побѣдить свою бѣдность и стать такимъ свободнымъ и независимымъ народомъ, какимъ хотѣлъ видѣть ихъ самоотверженный, благородный другъ народа Джузеппо Гарибальди.

Крѣпостное право и крестьянская реформа въ произведеніяхъ

Мих. Евграф. Салтыкова (Щедрина) [1]

I.

М. Е. Салтыковъ въ своихъ произведеніяхъ не разъ возвращается къ годамъ молодости, къ тому времени, когда онъ вырабатывалъ основныя начала своего міросозерцанія, и при этомъ дѣлаетъ нѣсколько весьма интересныхъ автобіографическихъ признаній. Такъ, въ несомнѣнно автобіографическомъ очеркѣ „Имя рекъ“ авторъ говоритъ: „еще въ ранней молодости онъ былъ идеалистомъ; но это было скорѣе сонное мечтаніе, нежели сознательное служеніе идеаламъ. *Глядя на вожаковъ, онъ называлъ себя фурьеристомъ*, но, въ сущности, смѣшивалъ въ одну кучу и сенсимонизмъ, и икаризмъ, и фурьеризмъ и скорѣе всего примыкалъ къ сенсимонизму. Въ особенности его плѣняла Жоржъ-Зандъ въ своихъ первыхъ романахъ. Онъ зачитывался ими до упоенія, находилъ въ нихъ неисчерпаемый источникъ той анонимной восторженности, которая чаще всего лежитъ въ основаніи юношескихъ вѣрованій и стремленій“ [2]). Въ другомъ своемъ произведеніи Салтыковъ говоритъ, что, оставивъ школьную скамью въ 40-хъ годахъ, онъ, „воспитанный на статьяхъ Бѣлинскаго, естественно примкнулъ къ западникамъ. Но не къ большинству западниковъ (единственно авторитетному

---

[1]) Очеркъ этотъ былъ первоначально напечатанъ въ „Сборникѣ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній“. Спб., 1893 г., т. I. Въ настоящемъ изданіи онъ нѣсколько дополненъ.

[2]) „Мелочи Жизни“ въ VIII т. „Сочиненій“ изд. 1889 г. стр. 571—572.

ш-708

тогда въ литературѣ), которое занималось популяризированіемъ положеній нѣмецкой философіи, а къ тому *безвѣстному кружку*, который инстинктивно прилѣпился къ Франціи. Разумѣется не къ Франціи Луи-Филиппа и Гизо, а къ Франціи Сенъ-Симона, Кабэ, Фурье, Луи-Блана и въ особенности Жоржъ-Занда. Оттуда лилась на насъ вѣра въ человѣчество, оттуда возсіяла намъ увѣренность, что „золотой вѣкъ“, находится не позади, а впереди насъ... Словомъ сказать, все доброе, все желанное и любвеобильное—все шло оттуда“. („За рубежемъ“, Сочин. Салт. т. VI, 163 — 164). Уже изъ этихъ указаній автора не трудно отгадать, что это за „безвѣстный кружокъ“, къ которому, по его собственному признанію, „примкнулъ“ Салтыковъ; но есть и оффиціальныя указанія, не оставляющія никакихъ сомнѣній въ этомъ отношеніи. Въ запискѣ слѣдственной коммиссіи, учрежденной по дѣлу о кружкѣ М. В. Буташевича-Петрашевскаго, въ числѣ лицъ, „упоминаемыхъ обвиняемыми“, названъ между прочимъ и Салтыковъ. Хотя ни одно изъ показаній обвиняемыхъ, по оффиціальному свидѣтельству, не давало повода предполагать, чтобы онъ „принималъ какое-либо участіе въ злоумышленіи по настоящему дѣлу“, хотя агенты администраціи выслѣдили только одно посѣщеніе Салтыковымъ Петрашевскаго, его только потому не привлекли къ допросамъ по этому дѣлу, что онъ уже былъ въ то время сосланъ въ Вятку. Тѣмъ не менѣе, на основаніи высочайшаго повелѣнія 29 іюня 1849 года, слѣдственная коммиссія всѣ извѣстныя о немъ свѣдѣнія сообщила управляющему III Отдѣленіемъ собственной Его Величества Канцеляріи „для дальнѣйшаго распоряженія“. Самъ Салтыковъ впослѣдствіи разсказывалъ, что онъ былъ знакомъ съ Петрашевскимъ и бывалъ у него, но ничего не зналъ о планахъ и дѣлахъ кружка. Онъ съ нѣкоторыми молодыми людьми былъ принятъ, такъ сказать, „въ приготовительный классъ“, то-есть въ извѣстные дни ихъ собирали и читали имъ сочиненія Фурье, Кабэ и т. п. [1]). Такимъ образомъ, Салтыковъ хотя и считалъ

[1]) Докторъ Бѣлоголовый, со словъ Салтыкова, говоритъ, что это была группа въ 5—6 человѣкъ. „Воспоминанія“ изд. 4-е, Спб., 1901 г., стр. 199, 221—222.

себя принадлежащимъ къ кружку Петрашевскаго, но только къ извѣстной его категоріи, къ его младшей, а не старшей вѣтви.

Тѣмъ не менѣе все-таки несомнѣнно, что Салтыковъ примыкалъ къ кружку Петрашевцевъ до тѣхъ поръ, пока не былъ, по его выраженію, неожиданно „зачисленъ въ штатъ вятскаго губернскаго правленія“. Познакомиться съ Петрашевскимъ Салтыкову было очень легко. Петрашевскій воспитывался въ Александровскомъ лицеѣ, какъ и Салтыковъ, и хотя окончилъ курсъ нѣсколькими годами ранѣе послѣдняго, но не прерывалъ сношеній съ лицеемъ. Въ 1844 году (годъ окончанія курса Салтыковымъ) Петрашевскій просилъ даже объ опредѣленіи его наставникомъ въ лицей, но получилъ отказъ; тѣмъ не менѣе нѣкоторые лицеисты посѣщали его по праздникамъ, и слѣды его вліянія были замѣчены въ этомъ заведеніи [1]). Все это показываетъ, какъ легко было Салтыкову вступить въ сношенія съ Петрашевскимъ [2]), но, по словамъ Петрашевскаго, которыя намъ передавало одно изъ лицъ вмѣстѣ съ нимъ пострадавшихъ, Салтыковъ увлекся фурьеризмомъ еще ранѣе знакомства съ Петрашевскимъ, послѣ того, какъ онъ случайно купилъ у букиниста сочиненія Фурье [3]).

---

[1]) Даже въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ многіе лицеисты читали сочиненія Фурье, Сенъ-Симона и Луи-Блана. *Арсеньевъ* „Матер. для біогр. М. Е Салтыкова“ въ IX т. „Полн. Собр. Соч. Салтыкова, стр. 25.

[2]) Воспоминаніе о личномъ знакомствѣ съ Петрашевскимъ побудило Михаила Евграфовича осенью 1888 г. сдѣлать въ „Русской Старинѣ“ (№ 11) поправку относительно Буташевича-Петрашевскаго по поводу воспоминаній Яхонтова, напечатанныхъ въ томъ же журналѣ.

[3]) Вѣроятно сочувствіе соціалистическимъ теоріямъ сблизило Салтыкова и съ талантливымъ молодымъ писателемъ Влад. Ал. Милютинымъ, который въ 1847 г. началъ печатать въ лучшихъ журналахъ статьи по экономическимъ и философскимъ вопросамъ, а позднѣе, въ началѣ 50-хъ годовъ, былъ профессоромъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ (онъ покончилъ жизнь самоубійствомъ въ 1855 г.). Относясь критически къ нѣкоторымъ увлеченіямъ авторовъ новѣйшихъ соціалистическихъ теорій, В. Милютинъ однако сочувствовалъ соціализму въ его основныхъ началахъ. Въ одной изъ его статей (напечатанной въ „Современникѣ“ 1847 г., разборъ сочиненія Бутовскаго „Опытъ о народномъ богатствѣ“) онъ такъ же горячо защищалъ необходимость и плодотворность утопій, какъ и Салтыковъ во

Начиная съ зимы 1845—1846 гг. у Петрашевскаго стали собираться по пятницамъ его знакомые—педагоги, литераторы, студенты, молодые чиновники. Здѣсь обсуждались такіе вопросы, какъ необходимость улучшенія судопроизводства, уничтоженія крѣпостнаго права и т. п., которые нѣсколько лѣтъ позднѣе были подняты самимъ правительствомъ, но тогда считались совершенно неподлежащими обсужденію частныхъ лицъ. Съ осени 1848 г. на собраніяхъ у Петрашевскаго стали читать доклады о религіи и о реформахъ общественнаго быта въ соціалистическомъ направленіи.

Для большаго распространенія симпатичныхъ Петрашевскому идей была учреждена на общія деньги библіотека „соціальныхъ книгъ“, въ числѣ которыхъ находились сочиненія Луи-Блана, Кабэ, Ламменэ, книги о сенъ-симонизмѣ, соціалистахъ, объ освобожденіи рабовъ, о собственности и пр. Мы видимъ, такимъ образомъ, въ какой умственной атмосферѣ вращался молодой Салтыковъ. По его собственному признанію, въ его взглядахъ въ это время было много неопредѣленнаго, но ихъ общая соціалистическая окраска несомнѣнна. (Срав. „Сочиненія“, VIII, 549).

Чтобы яснѣе представить себѣ настроеніе того круга петербургскаго общества, среди котораго вращался Салтыковъ, мы остановимся нѣсколько подробнѣе на міросозерцаніи кружка Петрашевцевъ.

Мы видимъ прежде всего, что члены кружковъ, группировавшихся около Петрашевскаго и примыкавшихъ къ нему, изучаютъ соціализмъ и коммунизмъ или при помощи трактующихъ о нихъ сочиненій (Штейна, Бидермана), или изъ подлинныхъ сочиненій Сенъ-Симона, Фурье, Консидерана, Кабэ, Луи-Блана, читаютъ фурьеристскій журналъ „Фаланга“ и др. Все, что появлялось новаго по этому предмету во францу-

---

многихъ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ. Близость Михаила Евграфовича къ Вл. Милютину доказывается посвященіемъ послѣднему повѣсти Салтыкова „Противорѣчія“, напечатанной (подъ псевдонимомъ) въ 1847 г. въ „Отечественныхъ Запискахъ“, гдѣ сотрудничалъ также и Милютинъ. О послѣднемъ см. въ статьѣ А. М. Скабичевскаго „Сорокъ лѣтъ русской критики“. („Сочиненія А. Скабичевскаго“, Спб., 1890 г. т. I, стр. 482—490).

ской литературѣ, получалось, распространялось [1]) и обсуждалось на собраніяхъ лицъ, входившихъ въ составъ этихъ кружковъ. Толки о Нью-Ланаркѣ Роберта-Оуэна, объ Икаріи Кабэ и въ особенности о фаланстерѣ Фурье постоянно возобновлялись. Въ „Карманномъ словарѣ иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка“, изданномъ Кирилловымъ (въ 1845—1846 гг.), Петрашевскій, пытался провести свои взгляды и въ литературу. Во второмъ выпускѣ словаря прямо дѣлались ссылки на сочиненія Оуэна, Сенъ-Симона, Базара, Анфантена, Фурье, Кабэ, Прудона и проводились взгляды, заимствованные изъ ихъ сочиненій. Такъ, напр., въ статьѣ „Нормальное состояніе“ авторъ говоритъ, что „Нормально развитымъ или благоустроеннымъ обществомъ... будетъ то, *которое доставляетъ всякому изъ членовъ своихъ средства для удовлетворенія ихъ нуждъ пропорціонально потребностямъ* и поставляетъ всякаго человѣка въ такое положеніе или отношеніе къ цѣлому обществу, что онъ, предаваясь вполнѣ влеченію естественныхъ своихъ побужденій, нисколько не можетъ нарушать гармоніи общественныхъ отношеній, но будетъ дѣятелемъ не только полезнымъ самому себѣ, но и цѣлому обществу безъ самозакланія личности“. Въ статьѣ „Организація производства“ особенно рекомендуются сочиненія Фурье и указываются нѣкоторыя черты его ученія, болѣе подробное изложеніе котораго предполагалось сдѣлать подъ словомъ „фурьеризмъ“.

Любопытнымъ доказательствомъ того, до какого увлеченія фурьеризмомъ доходили нѣкоторые петрашевцы, служитъ обѣдъ въ память Фурье, устроенный въ день его рожденія 7 апрѣля 1849 г. Обѣдъ этотъ состоялся уже послѣ высылки Салтыкова изъ Петербурга, но онъ очень характеренъ для кружка петрашевцевъ, и потому мы сообщимъ о немъ нѣкоторыя свѣдѣнія. Участниками его были 10 человѣкъ, спеціально называвшихъ себя фурьеристами (два брата Дебу, Кашкинъ, Дм. Ахшару-

---

[1]). При обыскѣ у одного изъ книгопродавцевъ (Лури), было найдено на полкахъ магазина 2500 том. запрещенныхъ книгъ, а изъ документовъ магазина за 10 лѣтъ оказалось, что такія книги требовались и разсылались въ значительномъ количествѣ по всей Россіи.

мовъ, два брата Европеуса и др.). Одиннадцатымъ былъ приглашенъ Петрашевскій, „какъ извѣстный фурьеристъ“. На этомъ обѣдѣ, происходившемъ въ квартирѣ Европеуса, было предложено, для лучшаго распространенія ученія Фурье, перевести главнѣйшія его сочиненія на русскій языкъ, и всѣ присутствовавшіе согласились принять участіе въ переводѣ. На обѣдѣ было произнесено три рѣчи. Петрашевскій, назвавшій себя однимъ изъ старѣйшихъ пропагаторовъ соціализма, доказывалъ возможность примѣненія системы Фурье и въ заключеніе предложилъ тостъ за знаніе дѣйствительности.

Ханыковъ началъ свою рѣчь такъ:

„Я начинаю говорить съ тѣмъ увлеченіемъ, какое внушаютъ мнѣ и наше собраніе, и то событіе которое мы празднуемъ здѣсь (т.-е. день рожденія Фурье), событіе, влекущее за собою преобразованіе всей планеты и человѣчества, живущаго на ней“. Далѣе Ханыковъ говорилъ о законѣ побѣдителей и побѣжденныхъ, о борьбѣ сословій съ древности и до нашего времени и о томъ, что въ этой борьбѣ надо признать неудовлетворенность страстей и что нейтрализировать, уничтожить этотъ законъ можетъ только ученіе Фурье. Далѣе Ханыковъ перешелъ къ характеристикѣ печальнаго состоянія тогдашней Россіи и въ заключеніе сказалъ: „весь недостатокъ и все изумительное величіе нашей системы, господа, есть новый міръ, открытый нашимъ учителемъ и совершенно противоположный дѣйствительному порядку вещей. Намъ, нашей школѣ слѣдуетъ пополнить пробѣлъ въ системѣ. Какъ открытіе ни будь... истинно, благодѣтельно само по себѣ, но... по невѣжеству большинства, вытекающему изъ теперешней организаціи общества, оно не можетъ быть принято скоро и повсемѣстно, и всякая новая идея выдерживала и выдерживаетъ до сихъ поръ борьбу упорную, сильную. Но не намъ бояться этой борьбы, когда ее вызвали неопровержимые доводы нашей науки, нашъ тѣсный, дружный союзъ на всѣхъ концахъ земного шара, во имя ея начала и закона... Преображеніе близко!“

Другой участникъ обѣда, Д. Д. Ахшарумовъ, сказалъ слѣдующее:

„Жизнь, какъ она теперь, тяжела, гадка; мы всѣ несчастны, и можно ли быть счастливымъ въ этомъ об-

ществѣ, въ которомъ мы живемъ. И такъ какъ порядокъ установленный противорѣчитъ главному, основному назначенію нашей человѣческой жизни, какъ и всякой другой, то онъ непремѣнно рано или поздно прекратится и вмѣсто него будетъ новый, новый и новый. Когда?—вотъ это важный вопросъ, и мы можемъ только отвѣчать, что скоро. Уже тотъ фактъ, что мы сознаемъ недостатки, ошибки въ устройствѣ нашей жизни и уже представляется намъ въ общихъ чертахъ новая жизнь, этотъ самый фактъ доказываетъ, что началось время его разрушенія. И рухнетъ и развалится все это дряхлое, громадное вѣковое зданіе, и многихъ задавитъ оно при разрушеніи и изъ насъ, но жизнь оживетъ, и люди будутъ жить богато, раздольно и весело.—Мы живемъ въ столицѣ безобразной, громадной, въ чудовищномъ скопищѣ людей, томящихся въ однообразныхъ работахъ, испачканныхъ грязнымъ трудомъ, пораженныхъ болѣзнями, развратомъ, въ скопищѣ, разрозненномъ семействами, которыя, вредя другъ другу, теряютъ время и силу и обѣдняются въ безполезныхъ трудахъ. И тамъ, за столицею, ползутъ города; единственная цѣль, высочайшее счастіе для нихъ — сдѣлаться многолюднымъ, развратнымъ, больнымъ, чудовищнымъ, какъ столица!— Въ эти дни, въ этомъ самомъ обществѣ мы собрались сегодня не для жалобъ..., но, напротивъ, полны надеждой, торжествомъ... Мы даемъ обѣдъ... и празднуемъ грядущее искупленіе человѣчества,—сегодня, именно сегодня, въ день рожденія Фурье чтимъ его память, потому что онъ указалъ намъ путь, по которому идти, открылъ источникъ богатства, счастья. Сегодня—первый обѣдъ фурьеристовъ въ Россіи, и всѣ они здѣсь: десять человѣкъ, немногимъ болѣе [1]). Все начинается съ малаго и ростетъ до великаго.—Разрушить столицы, города и всѣ матеріалы ихъ употребить для другихъ зданій, и всю эту жизнь мученій, бѣдствій, нищеты, стыда, срама превратить въ жизнь роскошную, стройную, веселья, богатства, счастья, и всю землю нищую покрыть дворцами, плодами

[1]) Ораторъ очевидно не считалъ въ этомъ числѣ многихъ другихъ послѣдователей ученія Фурье, группировавшихся около Петрашевскаго (не слѣдуетъ впрочемъ думать, что всѣ петрашевцы были фурьеристами).

и разукрасить въ цвѣтахъ — вотъ цѣль наша [1]). Мы здѣсь, въ нашей странѣ, начнемъ преобразованіе, а кончитъ его вся земля. Скоро избавленъ будетъ родъ человѣческій отъ невыносимыхъ страданій". Такова была рѣчь Д. Д. Ахшарумова. Въ записной книжкѣ (1848 г.) то же лицо, описывая всю тягость жизни въ нашемъ обществѣ, происходящую отъ неполнаго удовлетворенія всѣхъ страстей человѣка, писало, что для уничтоженія современнаго общественнаго строя есть одно средство— фаланстеръ Фурье [2]). Юный фурьеристъ считалъ учрежденіе его до такой степени необходимымъ, что, какъ заявилъ онъ на слѣдствіи, онъ готовъ былъ бы для этого пожертвовать даже своею жизнью.

Многіе изъ петрашевцевъ не скрывали на слѣдствіи своихъ взглядовъ вообще и сочувствія ученію Фурье въ особенности. Буташевичъ-Петрашевскій при первомъ же вопросѣ заявилъ, что онъ фурьеристъ и желаетъ улучшенія общественнаго строя, что ученіе Фурье не утопія и что оно въ 5—6 лѣтъ можетъ осуществиться, какъ въ это вѣрилъ и самъ Фурье [3]). Въ письменномъ показаніи, данномъ черезъ нѣсколько дней, Петрашевскій, называя себя и товарищей по заключенію фурьеристами, утверждалъ, что они желали „только мирнаго развитія общественнаго быта" и заявлялъ, что для из-

[1]) Приведенныя слова были поняты судьями по дѣлу Петрашевскаго буквально, и они обвиняли этого молодого человѣка, между прочимъ, въ намѣреніи „разрушить города и храмы". Въ одной найденной его рукописи онъ выразилъ мнѣніе, что „государство должно погибнуть съ его министрами и царями, съ его войскомъ, съ его столицами, законами и храмами". См. мою вступительную статью къ „Воспоминаніямъ" Д. Д. Ахшарумова. Спб. 1905 г.

[2]) Фаланстеръ, по этому ученію, есть собственно помѣщеніе фаланги, т.-е. ассоціаціи, обрабатывающей извѣстный участокъ земли.

[3]) Вскорѣ послѣ того Петрашевскій предлагалъ въ числѣ другихъ мѣръ, по его мнѣнію полезныхъ для Россіи, дать для устройства образцоваго фаланстера подъ Парижемъ 2 мил. руб. ас. „изъ французскихъ фондовъ, у насъ имѣющихся, подъ соотвѣтственные проценты". Замѣтимъ, что, по мнѣнію самого Фурье, для основанія одной фаланги нужно было до 4-хъ мил. франковъ. Акціонерная компанія, основанная въ 30-хъ годахъ во Франціи, съ цѣлью осуществленія идей Фурье, располагала капиталомъ въ 1.200.000 франковъ, но ея попытка не была доведена до конца.—О попыткѣ Петрашевскаго устроить фаланстеръ изъ крестьянъ см. въ статьѣ Зотова „Петербургъ въ сороковыхъ годахъ" въ „Историч. Вѣстн". 1890 г. № 6, стр. 541—543.

слѣдованія возникшихъ противъ него обвиненій нужно было бы назначить не слѣдственную, а ученую коммиссію, которая могла бы разобрать ихъ съ научной точки зрѣнія и дать ему возможность доказать, что „мысль его—стать во главѣ разумнаго движенія въ народѣ русскомъ—не была подобіе попытки Икара, что нѣтъ солнца, которое могло бы опалить его крылья“. Далѣе Петрашевскій писалъ, что онъ вовсе не имѣлъ „умысла на бунтъ“, въ которомъ его обвиняютъ, но признаетъ, что онъ „желалъ полной и совершенной реформы быта общественнаго и фаланстеръ считалъ ключемъ, пробнымъ камнемъ таковой реформы. Онъ желалъ, чтобы и другіе раздѣляли его увѣренность, что будетъ время, когда все въ обществѣ и природѣ придетъ въ стройную гармонію, труда тяжкаго, удручительнаго не будетъ, всякій актъ жизни человѣческой будетъ актомъ наслажденія, и что эпоха всеобщаго наслажденія настанетъ“ [1]). Показанія другихъ лицъ подтверждали, что Петрашевскій, какъ это и соотвѣтствуетъ ученію Фурье, находилъ вообще нежелательнымъ бунтъ и возстаніе народа и утверждалъ, что всего можно достигнуть путемъ усовершенствованія законовъ. Въ позднѣйшемъ показаніи, подробно излагая свои взгляды на фурьеризмъ и соціализмъ, Петрашевскій, между прочимъ, писалъ, что соціализмъ „не есть изобрѣтеніе новѣйшаго времени“, что онъ „всегда былъ въ природѣ человѣка“ и будетъ въ ней до тѣхъ поръ, „пока человѣчество не лишится способности развиваться и совершенствоваться“. По мнѣнію Петрашевскаго, „XVIII-ымъ вѣкомъ данъ на разрѣшеніе послѣдующимъ вѣкамъ вопросъ, какъ поставить человѣка въ правильное отношеніе къ самому себѣ, къ обществу, къ цѣлому человѣчеству и къ природѣ... Соціализмъ и есть попытка его разрѣшить. Фаланстеръ

---

[1]) Указывая на то, что проповѣдуемыя имъ идеи не погибнутъ съ его осужденіемъ, Петрашевскій писалъ: „знайте, — развѣется ли прахъ мой на четыре конца свѣта, вылетитъ ли изъ груди моей слабый вздохъ среди тишины подземнаго заточенія, его услышитъ тотъ, кому услышать слѣдуетъ; упадетъ капля крови моей на землю—вырастетъ зорюшка..., мальчикъ сдѣлаетъ дудочку..., дудочка заиграетъ. придетъ дѣвушка, и повторится та-же исторія, только въ другомъ видѣ. Законъ судьбы или необходимости вѣченъ; но тогда вѣроятно. ни васъ, ни меня не будетъ“.

Фурье, т.-е. организація работъ въ общинѣ, вполнѣ разрѣшаетъ этотъ вопросъ. Соціализмъ вообще не есть прихотливая выдумка нѣсколькихъ причудливыхъ головъ, но результатъ развитія всего человѣчества. Это догматъ христіанской любви, ищущей своего практическаго осуществленія въ современной намъ дѣйствительности". Въ заключеніе Петрашевскій прибавилъ, что онъ „желалъ представить дѣло, какъ оно есть, въ истинномъ свѣтѣ, старался утвердить торжество истины надъ предразсудкомъ. Онъ занимался пропагандой въ этомъ смыслѣ... и считаетъ постыднымъ отречься отъ своего дѣла, отъ пропагаторства".

Познакомившись со взглядами самого Петрашевскаго, укажемъ на отношеніе къ фурьеризму нѣкоторыхъ лицъ, сочувствовавшихъ этому ученію. Тимковскій, пріѣхавъ изъ Ревеля осенью 1848 г., бывалъ у Петрашевскаго и произнесъ на собраніи у него рѣчь объ ученіи Фурье, въ которой доказывалъ возможность постепеннаго преобразованія государства по этой системѣ. Онъ совѣтовалъ начать съ того, чтобы самимъ изучить основательно всѣ системы соціалистовъ, сличить ихъ, выбрать изъ нихъ лучшую, т.-е. систему Фурье, и тогда распространять ее сознательно въ высшемъ кругу общества. Настроивъ, такимъ образомъ, общественное мнѣніе въ пользу этой системы, можно подать правительству просьбу объ ассигнованіи денежныхъ средствъ на учрежденіе перваго подобнаго общества. Въ случаѣ отказа, онъ предлагалъ составить компанію на акціяхъ. Если-бы и это не удалось, то слѣдовало устроить дружное товарищество, чтобы подвигать другъ друга на службѣ общими силами и, достигнувъ мѣстъ болѣе значительныхъ, содѣйствовать полученію отъ правительства желаемаго разрѣшенія. Онъ предлагалъ также устройство кружковъ для изученія системы Фурье. Возвратившись въ Ревель, Тимковскій занялся переводомъ, съ цѣлью пропаганды, соціалистическихъ сочиненій Кантагреля и Консидерана, пытался распространять ученіе Фурье и путемъ личнаго вліянія, но по его показанію, неудачно.

Одинъ изъ посѣтителей вечеровъ Петрашевскаго, Балосоглo, заявилъ на слѣдствіи, что считаетъ себя коммунистомъ, такъ какъ думаетъ, что „нѣкогда всякое образованное государство, не исключая и Россіи, будетъ

жить не случайными, несчастными аггрегаціями.., а полными, круглыми общинами, гдѣ все будетъ общее, какъ обща всѣмъ и каждому разумная цѣль ихъ соединенія". Онъ призналъ себя также и фурьеристомъ, такъ какъ полагаетъ, что „система общежитія, придуманная Фурье... должна рано или поздно примѣниться къ дѣлу". Ястржембскій заявилъ, что онъ держится системы Фурье и полагаетъ, что со временемъ отдѣльныя народности сольются во-едино, установится общій языкъ и пр. Въ рѣчахъ, произнесенныхъ имъ въ кружкѣ Петрашевскаго, онъ съ похвалою отзывался и о Прудонѣ, хотя не во всемъ былъ съ нимъ согласенъ. Данилевскій, извѣстный теоретикъ славянофильства, заявилъ себя приверженцемъ системы Фурье, въ которой онъ находилъ „всѣ признаки науки положительной, обѣщающей богатые результаты"; онъ сказалъ, что, убѣдившись въ исполнимости основныхъ началъ этой системы и въ возможности ея примѣненія на практикѣ, онъ сталъ содѣйствовать ея распространенію, между прочимъ и рѣчами на собраніяхъ у Петрашевскаго, съ которымъ познакомился еще въ 1844 г. [1]). На вечерѣ у одного изъ литераторовъ онъ соглашался составить вмѣстѣ съ другими и напечатать за границею общепонятное изложеніе системы Фурье на русскомъ языкѣ, что, впрочемъ, осталось неисполненнымъ. Въ заключеніе Данилевскій заявилъ на слѣдствіи, что и теперь не перестаетъ считать ученіе Фурье справедливымъ. Момбелли предлагалъ Петрашевскому и Спѣшневу составить для взаимной поддержки общество изъ соціалистовъ и вообще людей „передовыхъ мнѣній", одною изъ задачъ котораго должна быть пропаганда фурьеризма, но общество это не состоялось.—Цѣлью собраній у Кашкина было изученіе „системъ соціальныхъ и коммунистскихъ, по преимуществу системы Фурье, и примѣненіе ихъ къ быту Россіи" [2]).

---

[1]) Данилевскій былъ приглашенъ на обѣдъ 7 февраля 1849 г., но, какъ человѣкъ осторожный, не пошелъ на него.

[2]) Увлеченіе фурьеризмомъ было такъ велико, что одинъ изъ поклонниковъ этого ученія, Кайдановъ, жившій въ Ростовѣ, прося брата прислать ему сочиненія различныхъ соціалистовъ и фурьеристовъ, прибавляетъ: „деньгами не стѣсняйся,—я скорѣе откажусь отъ сано

Нужно замѣтить впрочемъ, что, мечтая объ осуществленіи системы Фурье, петрашевцы, обращаясь къ русской дѣйствительности, выставляли три главныхъ и самыхъ настоятельныхъ требованія: уничтоженіе крѣпостного права, введеніе гласнаго судопроизводства и дарованіе свободы слова [1]).

Какъ уже было указано, Салтыковъ также увлекался фурьеризмомъ. Вліяніе идей, наиболѣе симпатичныхъ тому кружку, въ которомъ онъ вращался, видно и въ его повѣсти „Запутанное дѣло“, послужившей поводомъ къ его ссылкѣ [2]). Авторъ не задѣваетъ въ этомъ произведеніи рѣзко и опредѣленно той или другой злобы дня, но въ ней ясно сказывается его горячее сочувствіе къ бѣдному, нуждающемуся люду, тяжелое положеніе котораго онъ мѣстами противопоставляетъ праздной жизни сытыхъ людей. „Россія“, говоритъ Салтыковъ, „государство обширное, обильное и богатое,—да человѣкъ-то глупъ, мретъ себѣ съ голоду въ обильномъ государствѣ!“. Въ описаніи горячешнаго бреда своего героя-неудачника авторъ изображаетъ пирамиду, составленную изъ огромнаго количества людей, въ самомъ низу которой находятся бѣдняки, подобные герою раз-

говъ, нежели отъ книгъ одного изъ апостоловъ Фурье“. Впрочемъ, Кайдановъ, совершенно убѣжденный въ истинѣ и исполнимости ученія Фурье, не считалъ себя обязаннымъ „вѣрить à toutes les extravagances de notre maître“. Подробнѣе о петрашевцахъ см. въ моей статьѣ „Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 1840-хъ годовъ“, первоначально напечатанной въ сборникѣ въ честь Н. К. Михайловскаго „На славномъ посту“. Спб. 1900 (перепечатана отдѣльною брошюрою съ дополненіями въ изд. „Донской Рѣчи“ въ 1905 г.). Объ ученіи Фурье вообще см. статью *Н. В. Водовозова* „Шарль Фурье“ въ „Историч. Обозр. Сбор. Истор. Общ. при С.-Петерб. Унив.“, т. X); кромѣ указанной въ ней литературы о Фурье, см. еще въ книгѣ *П. Бибикова* „Критическіе этюды“ (1865 г.) статью „Современные утописты. Изложеніе и критическій разборъ теоріи Фурье“ и ст. *М. Василевскаго* въ словарѣ Брокгауза и Ефрона.

[1]) Объ отношеніи петрашевцевъ къ вопросу объ уничтоженіи крѣпостного права см. мое сочиненіе: „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“, т. II. стр. 370—385.

[2]) Она была напечатана въ мартовской книгѣ „Отечественныхъ Записокъ“ 1848 г. съ иниціалами *М. С.* По свидѣтельству г-жи Головачевой-Панаевой въ ея воспоминаніяхъ, редакція „Современника“ не рѣшилась напечатать повѣсть Салтыкова. „Русскіе писатели и аргисты“ Спб. 1890 г., стр. 426—427.

сказа [1]). Напечатаніе этой повѣсти тяжело отозвалось на судьбѣ Салтыкова.

2 апрѣля 1848 г. подъ вліяніемъ опасеній, вызванныхъ февральскою революціею во Франціи, и главнымъ образомъ для преслѣдованія соціалистическихъ идей въ литературѣ, былъ учрежденъ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Бутурлина, какъ высшее цензурное учрежденіе, наблюдавшее не только надъ частными, но и надъ казенными изданіями и имѣвшее право дѣлать выговоры отъ Высочайшаго имени даже министрамъ [2]). Случилось такъ, что въ числѣ самыхъ первыхъ распоряженій Бутурлинскаго комитета (25 апрѣля 1848 г.), было сдѣлано строгое замѣчаніе военному министру, графу Чернышеву, за цензурныя неисправности въ „Рус-

---

[1]) Слѣды изученія системы Фурье видны во многихъ мѣстахъ позднѣйшихъ произведеній Салтыкова; онъ часто прикидываетъ извѣстныя черты этого ученія къ нашему прошлому и настоящему. Такъ напр. въ „Итогахъ“ онъ говоритъ: „То нравственное равновѣсіе, которое, по предположенію Фурье, достигается при посредствѣ *гармонической игры страстей*, давнымъ давно нами достигнуто и воплощено путемъ гораздо кратчайшимъ: путемъ крѣпостного права. Вступая *въ храмъ гармоніи* съ задняго крыльца, мы тѣмъ не менѣе имѣли полное право кичиться, что главная цѣль нами достигнута... Несчастіе человѣка, стоящаго между двумя *фаланстерами*, крѣпостнымъ и гармоническимъ“... и т. д. (Соч. Салтыкова, II, 495). Въ „За рубежемъ“ упоминается, что нѣкогда военный совѣтникъ Сдаточный написалъ проектъ „о необходимости устроенія фаланстеровъ изъ солдатъ съ припущеніемъ къ онымъ для приплода женскаго пола по пристойности“ (VI, 172). Правительственнымъ фурьеристомъ, насаждающемъ фаланстеры съ помощью шпицрутеновъ, оказывается и Аракчеевъ (VI, 279). Но если въ приведенныхъ мѣстахъ авторъ иронизируетъ, въ виду вопіющаго несоотвѣтствія между русскою дѣйствительностью и мечтами объ осуществленіи ученія Фурье, увлекавшими его въ молодости, то иногда онъ говоритъ на ту-же тему и совершенно серьезно. Такъ, указавъ въ одной изъ своихъ общественныхъ хроникъ, въ „Современникѣ“ 1864 г. (№ 2, стр. 223—224), на узость кругозора нашего крестьянина, вполнѣ объясняемую впрочемъ его печальнымъ матеріальнымъ положеніемъ, Салтыковъ продолжаетъ: „Я думаю даже, что съ нимъ было бы очень трудно сговориться и насчетъ *привлекательности труда*, несмотря на то, что теорія эта“ (т.-е. ученіе въ духѣ Фурьѣ) „*очевидно построена въ его пользахъ*“. Весьма сочувственно говоритъ Салтыковъ о Фурье въ „Мелочахъ жизни“, но объ этомъ мы упомянемъ ниже.

[2]) Онъ былъ учрежденъ вмѣсто временнаго комитета, образованнаго 27 февраля того же года подъ предсѣдательствомъ морского министра кн. Меншикова. См. о немъ въ книгѣ *М. К. Лемке* „Очерки по ист. рус. цензуры“ Спб. 1904 г., стр. 194 и слѣд.

скомъ Инвалидѣ“ [1]). Это вооружило графа Чернышева противъ литераторовъ, а кромѣ того Бутурлинъ, при встрѣчѣ съ военнымъ министромъ, кн. Чернышевымъ, обратилъ его вниманіе на то, что въ его канцеляріи находится, въ лицѣ Салтыкова, чиновникъ вольнаго образа мыслей. (По окончаніи лицея Салтыковъ поступилъ въ 1844 г. на службу въ канцелярію военнаго министерства). Какъ разъ около этого времени Салтыковъ захворалъ и подалъ кн. Чернышеву прошеніе объ увольненіи его въ отпускъ въ деревню для лѣченія. Спросивъ Салтыкова о томъ, пишетъ ли онъ въ журналахъ, и получивъ утвердительный отвѣтъ, гр. Чернышевъ потребовалъ отъ молодого писателя, чтобы онъ прислалъ ему свои сочиненія. Когда Салтыковъ представилъ министру беллетристическія произведенія, напечатанныя имъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ [2]), кн. Чернышевъ поручилъ написать о нихъ докладъ Н. Кукольнику. Военный министръ доложилъ о преступномъ образѣ мыслей своего подчиненнаго государю, а послѣдній положилъ резолюцію—выслать Салтыкова въ Вятку. Салтыковъ былъ призванъ къ министру, и ему было объявлено повелѣніе имп. Николая, по которому за то, что онъ „въ противность существующихъ узаконеній, безъ дозволенія и вѣдома начальства помѣщалъ въ періодическихъ изданіяхъ литературныя свои произведенія, обнаруживающія его вредный образъ мыслей и пагубное стремленіе къ распространенію идей, потрясшихъ уже всю Западную Европу и ниспровергшихъ власти и общественное спокойствіе“, его слѣдовало бы отдать въ солдаты, но, снисходя къ молодости лѣтъ (22 г.), государь повелѣлъ выслать его въ Вятку на службу, подъ непосредственное наблюденіе губернатора. По выслушаніи этого рѣшенія Салтыковъ прямо изъ министерства былъ отвезенъ на тѣмъ же чиномъ гауптвахту, а черезъ два дня отправленъ съ жандармами на мѣсто ссылки [3]).

[1]) См. этотъ документъ въ „Рус. Стар. 1872, т. V., стр. 784—786.
[2]) „Противорѣчія, повѣсть изъ повседневной жизни“, посвященная В. А. Милютину („Отеч. Зап.“ 1847 г. т. 55). подписанная псевдонимомъ *М. Непановъ* и „Запутанное дѣло“ (1848 г. т. 57) съ подписью *М. С.*
[3]) *Бѣлоголовый*. „Воспоминанія“ изд. 4, стр. 200. *Н. А. Озеровъ*. „М. Е. Салтыковъ въ Вяткѣ“. Вятка, 1903. (Книжка Озерова извѣстна

Въ одномъ изъ своихъ произведеній М. Е. Салтыковъ такъ иронизируетъ по поводу этого событія, случившагося 28 апрѣля 1848 г.: „Вслѣдъ за возникновеніемъ движенія во Франціи“ (1848 г.) „произошло соотвѣтствующее движеніе и у насъ: учрежденъ былъ негласный комитетъ для разсмотрѣнія злокозненностей русской литературы. Затѣмъ въ мартѣ я написалъ повѣсть, и въ маѣ уже былъ зачисленъ въ штатъ вятскаго губернскаго правленія. Все это, конечно, сдѣлалось не такъ быстро, какъ во Франціи, но за-то основательно и прочно, потому, что я вновь возвратился въ Петербургъ лишь черезъ семь съ половиной лѣтъ, когда не только французская республика сдѣлалась достояніемъ исторіи, но и у насъ мундирные фраки были замѣнены мундирными полукафтанами“. („За рубежемъ“. Сочин. VI, 90).

Въ Вяткѣ Салтыковъ оставался до ноября 1855 г. и, по его собственному свидѣтельству, „служилъ, но не писалъ“ [1]). Но это пребываніе въ провинціи дало ему

мнѣ лишь по рецензіи въ „Рус. Мысли“ 1904 г. № 3). Ср. статью А. М. Скабичевскаго о Салтыковѣ въ „Новостяхъ“ 1889 г. № 116. К. С. Веселовскій въ своихъ воспоминаніяхъ сообщаетъ („Рус. Стар.“ 1899, № 10, стр. 15), „что кажется П. И. Дегай“ (бывшій членомъ и Меньшиковскаго, и Бутурлинскаго комитетовъ) открылъ зловредную повѣсть Салтыкова „Запутанное дѣло“. Вредность статьи Салтыкова была заподозрѣна во второй половинѣ марта, а повѣсть Салтыкова была „найдена“ Дегаемъ чрезъ недѣлю или двѣ (Веселовскій оговаривается, что точно онъ не помнитъ, Ibid, стр. 14, 15). Въ VIII т. „Русской Библіотеки“ (1878 г.) въ краткой біографіи Салтыкова, данныя для которой сообщены самимъ сатирикомъ, инициаторомъ дѣла названъ „особый комитетъ“. Нужно замѣтить, что въ запискѣ слѣдственной комиссіи по дѣлу Буташевича-Петрашевскаго Салтыковъ названъ въ числѣ такихъ четырехъ лицъ, которыя *сосланы* въ отдаленныя губерніи за прежнія политическія преступленія. И. Михайловъ, авторъ статьи: „Щедринъ, какъ чиновникъ“, хорошо знакомый съ вятскимъ періодомъ жизни нашего сатирика, также говоритъ, что „онъ былъ *сосланъ* въ Вятку *подъ надзоръ полиціи*“ („Одесскій Листокъ“ 1889 г. № 204). Дѣйствительно за Салтыковымъ велѣно было имѣть секретное наблюденіе мѣстному жандармскому штабъ-офицеру.

[1]) „Знакомые“. Альбомъ М. И. Семевскаго, стр. 208. Уже осенью 1848 г. Салтыковъ вслѣдствіе писемъ къ вятскому губернатору Н. А. Милютина (тогда директора хозяйств. департамента мин. внутр. дѣлъ, и извѣстнаго географа Ханыкова, былъ назначенъ старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при вятскомъ губернаторѣ. (*С. Н. Кривенко.* „М. Е. Салтыковъ“, стр. 26—27). О жизни Салты-

возможность собрать тотъ богатый запасъ наблюденій, который вызвалъ появленіе „Губернскихъ Очерковъ“. Въ ноябрѣ 1855 г. Салтыковъ былъ переведенъ на службу въ Петербургъ, а въ августѣ слѣдующаго года въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ начали уже печататься „Губернскіе Очерки“.

II.

Еще въ первые годы по окончаніи курса Салтыковъ, при его тогдашнихъ взглядахъ, не могъ не относиться съ величайшимъ сочувствіемъ къ тѣмъ произведеніямъ молодыхъ писателей-беллетристовъ: Григоровича, Тургенева, Герцена и др., въ которыхъ бичевалось крѣпостное право, на сколько это позволяли цензурныя условія того времени. Какъ мы уже упоминали, ненависть къ крѣпостному праву была однимъ изъ символовъ вѣры и членовъ кружка Петрашевскаго [1]). Понятно, что, какъ только оказалось возможнымъ вернуться къ литературной дѣятельности, Салтыковъ старался въ своихъ произведеніяхъ отзываться на эту главную злобу дня. Пребываніе въ не дворянской вятской губерніи не могло дать ему много матеріала въ этомъ отношеніи. Быть можетъ отчасти по этой причинѣ, а всего болѣе, конечно, вслѣдствіе строгости цензуры, въ „Губернскихъ очеркахъ“, печатавшихся въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1856—1857 гг., Салтыковъ не особенно много мѣста отводитъ обличенію крѣпостного права. Онъ указываетъ на дурное или жестокое обращеніе съ прислугою и крестьянами, на отдачу помѣщиками крѣпостныхъ въ наемъ, въ видѣ судорабочихъ, на обращеніе крестьянъ въ „мѣсячниковъ“, на продажу людей и даже на такія исключительныя явленія, какъ обращеніе у одной помѣщицы въ повинность сбора милостыни убогою женщиною, неспособною работать. (Соч. изд. 1889 г. I, 39, 41, 160, 263—265, ср.

кова въ Вяткѣ см. *Бѣлоголовый* „Воспоминанія“, стр. 200—202; *Н. А. Озеровъ*. „М. Е. Салтыковъ въ Вяткѣ“. Вятка, 1903 г.; *Пантелѣевъ* „Изъ воспоминаній о Салтыковѣ“, „Сынъ Отечества“ 1899 г. №№ 111—112.

[1]) Въ замѣткѣ (напечатанной въ „Отечест. Зап.“ 1847 г. № 11 по поводу „Логики“ Зубовскаго, т. LV, стр. 22) Салтыковъ слегка задѣваетъ крѣпостное право.

187—188). Всего болѣе мѣста удѣлено описанію отношеній помѣщика къ крѣпостнымъ въ очеркѣ „Владиміръ Константиновичъ Буеракинъ“, герой котораго увѣрялъ, что его „искреннее желаніе—быть благодѣтельнымъ помѣщикомъ“ и что онъ достигаетъ этого возможно меньшимъ вмѣшательствомъ въ дѣла управленія, а между тѣмъ его управляющій, какъ оказывается, сѣчетъ поголовно всѣхъ крестьянъ (I, 220, 222, 226—231). Если мы упомянемъ еще, что въ разсказѣ „Развеселое житье“, напечатанномъ первоначально въ „Современникѣ“ 1859 г. (№ 2), авторъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ указываетъ на печальную жизнь дворовыхъ (I, 478, 479, 484, 487), то этимъ мы исчерпаемъ все, что говоритъ Салтыковъ о крѣпостномъ правѣ въ своихъ произведеніяхъ, напечатанныхъ до 1861 г. [1]).

Въ произведеніяхъ и другихъ нашихъ писателей-беллетристовъ этого времени обличеніе крѣпостного права не составляетъ явленія, особенно выдающагося и замѣтнаго. Тургеневъ печатаетъ въ концѣ 1855 г. въ „Современникѣ“ свой прекрасный разсказъ „Постоялый дворъ“ (написанный еще въ 1852 г.), гдѣ онъ описываетъ нерѣдкій случай присвоенія помѣщицею недвижимой собственности, купленной крестьяниномъ на ея имя. Гр. Л. Н. Толстой помѣщаетъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1856 г. (№ 12) разсказъ „Утро помѣщика“, написанный также въ 1852 г. Печерскій (Мельниковъ) въ разсказѣ „Старые годы“ („Русскій Вѣстникъ“ 1857 г. № 20) обличаетъ злоупотребленіе крѣпостнымъ правомъ въ XVIII вѣкѣ. Тяжелыя картины помѣщичьей жестокости въ „Семейной хроникѣ“ Аксакова, появившейся въ печати въ 1856 г., относятся также къ далекому прошлому. Изъ новыхъ произведеній, бичующихъ крѣпостное право въ тогдашнюю эпоху, слѣдуетъ упомянуть о повѣсти Достоевскаго „Село Степанчиково и его обитатели“ („Отеч. Зап.“ 1859 г., т. 127), (но нужно замѣтить, что тутъ издѣвательство надъ прислугою производится не самимъ бариномъ, а его приживаль-

[1]) Въ „картинѣ провинціальныхъ нравовъ“ подъ заглавіемъ „Женихъ“, не вошедшей въ собраніе сочиненій Салтыкова, авторъ мелькомъ задѣваетъ крѣпостное право, указывая на тяжесть повинностей крестьянъ („Современникъ“ 1857 г. т. 65, стр. 129).

щикомъ), о повѣстяхъ Марка Вовчка изъ малороссійскаго и русскаго народнаго быта, которыя начали печататься въ журналахъ съ 1858 г., о нѣкоторыхъ повѣстяхъ Григоровича [1]), нѣсколькихъ стихотвореніяхъ Некрасова и поэмѣ Шевченко „Видьма“ (1858 г.) которая въ подцензурныхъ изданіяхъ вышедшихъ въ Россіи, до сихъ поръ печаталась съ большими пропусками [2]).

Незначительное количество беллетристическихъ очерковъ, посвященныхъ изображенію крѣпостного права, безъ сомнѣнія, объясняется цензурными стѣсненіями. Такъ, напр., въ циркулярѣ объ ограниченіи обсужденія въ печати крестьянскаго вопроса, составленномъ 22 апрѣля 1858 г. въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу, обращалось между прочимъ вниманіе цензуры на то, что „въ нѣкоторыхъ литературныхъ статьяхъ начали помѣщаться весьма неприличные разсказы случаевъ злоупотребленія помѣщичьей власти“ [3]).

Слѣдуетъ добавить, что Салтыковъ въ своихъ произведеніяхъ, напечатанныхъ до крестьянской реформы, не только затрогивалъ крѣпостное право, но и бичевалъ ту часть дворянства, которая враждебно относилась къ мысли объ освобожденіи крестьянъ. Такъ, въ его разсказѣ „Нашъ дружескій хламъ“, напечатанномъ въ „Современникѣ“ 1860 г. (№ 8), лица, окружающія губернатора, ликуютъ при вѣсти о томъ, что будто бы „опасеній никакихъ имѣть не слѣдуетъ“ (Соч. I, 435—437). Въ другомъ разсказѣ „Скрежетъ зубовный“, напечатанномъ въ „Современникѣ“ въ томъ же 1860 г., авторъ такъ изображаетъ отношеніе дворянства къ крестьянскому вопросу: „Когда все кругомъ насъ го-

[1]) Н. Д. Хвощинская (В. Крестовскій-псевдонимъ) въ повѣсти „Встрѣча“ („Отеч. Зап.“ 1860 г. т. 129, 130) и ея сестра, Софья Дмитр., писавшая подъ псевдонимомъ Весеньевъ, въ повѣсти „Сельцо Лысково“ (Отеч. Зап. 1859 г. № 5) также затрогиваютъ крѣпостное право.

[2]) Срав. *Т. Г. Шевченко*. Кобзарь, Кіевъ, 1899 г., стр. 510—527 и „Поезіі Т. Гр. Шевченка, заборонені в Россіі“ Женева, 1890, стр. 153—176.

[3]) *Скабичевскій*. „Очерки исторіи рус. цензуры“; 420—422, „Русск. Стар.“, 1892 г. № 5, стр. 377. Цензура задерживала нѣкоторое время даже печатаніе драмы Писемскаго „Горькая Судьба“. *Никитенко* „Моя повѣсть о самомъ себѣ“, изд. 2-е М. В. Пирожкова, подъ редакціей М. К. Лемке, 1905 г. т. I, 576.

ворить и пишетъ объ обветшалости крѣпостного права..., можемъ ли мы оставаться равнодушными?.. Мы условились единодушно и заранѣе, что крѣпостное право— une chose sans nom. Но Господи! что за горечь кипитъ въ нашихъ сердцахъ, когда мы произносимъ эти слова! какое горькое дрожаніе усматривается на поблѣднѣвшихъ губахъ нашихъ! что за соленый вкусъ ощущается на языкѣ, когда онъ лепечетъ заповѣдное вступленіе къ предстоящей рѣчи: „господа! нѣтъ сомнѣнія, что предметъ, насъ занимающій, заслуживаетъ искренняго нашего сочувствія!“ Затѣмъ авторъ приводитъ въ видѣ образчика рѣчи нѣсколькихъ дворянъ по крестьянскому вопросу, которыя, если даже онѣ и начинаются словами: „безъ свободнаго труда нѣтъ и не можетъ быть надежныхъ условій истиннаго процвѣтанія для государства“, то всегда оканчиваются припѣвомъ: „неторопливость и постепенность!“ (Соч. II, 84, 86—89).

Такимъ образомъ, нашъ сатирикъ содѣйствовалъ своими произведеніями, по мѣрѣ силъ и возможности, борьбѣ общества и правительства съ крѣпостнымъ правомъ до его упраздненія 1). Въ то горячее время, которое наступило послѣ обнародованія манифеста 19-го февраля 1861 г., Салтыковъ принялъ участіе въ печатномъ обсужденіи нѣкоторыхъ вопросовъ, возбужденныхъ крестьянскою реформою, уже не подъ своимъ обычнымъ псевдонимомъ, а за полною своею подписью. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (28-го апрѣля 1861 г. № 91) появилась его статья „Объ отвѣтственности мировыхъ посредниковъ“, вызванная замѣткою Ржевскаго въ газетѣ „Наше время“ подъ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ о дворянствѣ“. Салтыковъ возмутился дворянскою тенденціею статьи Ржевскаго, въ которой проводилась мысль, что, такъ какъ образованіе составляло у насъ привилегію высшихъ классовъ общества, то послѣднимъ и должно принадлежать преобладаніе надъ прочими слоями русскаго народа. Затѣмъ похвалы Ржевскаго при-

1) Во время своей службы вице-губернаторомъ въ Рязани (съ 1858 г.) и въ Твери (съ 1860 г.) Салтыковъ энергически защищалъ крѣпостныхъ отъ различныхъ злоупотребленій. См. *Кривенко*. „М. Е. Салтыковъ“, Спб. 1891, стр. 42, 43, 46—47, 50—51, ср. „Воспоминанія“ *Кривенко* о Салтыковѣ въ „Истор. Вѣсти.“ 1890 г. № 11, стр. 326.

цину независимости мировыхъ посредниковъ отъ административной власти побудили Салтыкова напомнить, что, при всемъ сочувствіи къ этому принципу, не слѣдуетъ понимать независимость мировыхъ посредниковъ, какъ свободу отъ всякой служебной отвѣтственности. Очевидно, Салтыковъ опасался, чтобы, при той обширной власти, которая предоставлена мировымъ посредникамъ, эти лица, назначаемыя изъ среды дворянства, не воспользовались бы своимъ служебнымъ положеніемъ въ интересахъ помѣщиковъ и къ ущербу крестьянъ [1]). Требованіе „строгой и немедленной отвѣтственности“ мировыхъ посредниковъ кажется автору тѣмъ необходимѣе, что ихъ назначеніе предоставлено губернаторамъ по соглашенію съ предводителями дворянства и исключительно изъ среды дворянства. Авторъ признаетъ, что правительство „не могло примѣнить къ назначенію посредниковъ выборное начало, покуда новое законодательство не будетъ усвоено обѣими заинтересованными сторонами, покуда та и другая не придутъ къ сознанію своихъ правъ и обязанностей“, но тѣмъ не менѣе онъ считаетъ крайне затруднительнымъ положеніе губернаторовъ, которымъ предоставлено замѣщеніе новыхъ важныхъ должностей. Онъ указываетъ на весьма недостаточную подготовку той части общества, которая „призвана къ дѣятельному участію въ великомъ дѣлѣ преобразованія“, на ту огромную роль, какую играютъ рекомендаціи разныхъ знакомыхъ губернатора при назначеніи на новыя мѣста [2]). При выборѣ, сдѣланномъ при такихъ условіяхъ, авторъ считаетъ необходимою строгую отвѣтственность мировыхъ посредниковъ за ихъ дѣйствія. Съ этою цѣлью онъ предлагаетъ устройство періодическихъ съѣздовъ всѣхъ посредниковъ одной губерніи въ губернскомъ городѣ, не только для обмѣна мыслей

---

[1]) „Представить себѣ такую власть“, говоритъ онъ „безъ строгой отвѣтственности за употребленіе ея точно такъ же немыслимо, какъ и вообразить себѣ, что вся сущность предпринятой реформы заключается лишь въ перенесеніи прежнихъ помѣщичьихъ правъ съ одного лица на другое“. Опасеніе Салтыкова оправдалось впослѣдствіи съ учрежденіемъ земскихъ начальниковъ.

[2]) Одни рекомендуютъ своего protegé по причинѣ „comme il faut“; другіе своего „за скромность, за то, что онъ съ молодыми молодъ, со старцами старъ“.

и разъясненія недоразумѣній, но и для представленія подробнаго отчета о всѣхъ дѣйствіяхъ каждаго посредника по ввѣренному ему участку. Для бо̀льшаго контроля общества надъ дѣйствіями посредниковъ авторъ предлагаетъ результаты совѣщанія и повѣрки отчетовъ печатать въ губернскихъ вѣдомостяхъ.

Ржевскій не оставилъ безъ отвѣта статью Салтыкова; въ своемъ возраженіи, напечатанномъ въ „Современной Лѣтописи“ 1861 г. (№ 22), онъ укоряетъ Салтыкова за будто̀ бы „бюрократическую тенденцію“ его статьи, находитъ у него „бюрократическую точку зрѣнія“ (намекъ на служебное положеніе Салтыкова). Послѣдній отвѣчалъ своему оппоненту въ остроумной замѣткѣ, напечатанной также въ „Современной Лѣтописи“ (1861 г. № 26) Кличка „бюрократъ“ не испугала Салтыкова. Авторъ не оставляетъ безъ отповѣди и инсинуаціи относительно его направленія и говоритъ, что хотя Ржевскій и не обвиняетъ его прямо въ неблагонамѣренности, но даетъ слегка почувствовать, что бываютъ заблужденія, проистекающія изъ увлеченія „направленіемъ извѣстной школы реформаторовъ, желающихъ во что бы то ни стало благодѣтельствовать низшимъ классамъ“. Приведя эти слова Ржевскаго, авторъ прибавляетъ: „вотъ оно, истинное-то значеніе „бюрократъ“ [1]).

Эта полемика объясняетъ многое въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Салтыкова. Его возмущаютъ дворянскія притязанія, прикрытыя якобы либеральнымъ отвращеніемъ къ бюрократіи, а затѣмъ самую задачу правительственной власти онъ видитъ въ защитѣ интересовъ народа отъ подобныхъ дворянскихъ притязаній. Къ тому же, по его собственному объясненію, въ его первой статьѣ дѣло шло „о правѣ не только правительства, *но и общества* [2]) контролировать дѣйствія посредниковъ“ [3]).

Пока тянулась эта полемика, Салтыковъ выступилъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ съ новою замѣткою, подъ заглавіемъ „Къ крестьянскому дѣлу“ (1861 г. № 94, 30 апрѣля), цѣль которой состояла въ томъ,

---

[1]) Отвѣтъ Ржевскаго см. въ 30 № „Современной Лѣтописи“, 1861 г.

[2]) Курсивъ автора.

[3]) „Современная Лѣтопись“ 1861 г. № 26, стр. 28.

чтобы предупредить возможность суровыхъ репрессалій по поводу волненій крестьянъ при введеніи новаго порядка вещей. Онъ предостерегаетъ противъ преувеличенія возможныхъ со стороны крестьянъ недоразумѣній, выражаетъ желаніе, чтобы губернскія власти не послѣдовали примѣру „пессимистовъ—каркателей гнусностей“, которые, „при малѣйшемъ шорохѣ, при самомъ ничтожномъ замѣшательствѣ являются на сцену“ и повторяютъ: „А что, говорили мы! предсказывали мы!“ Авторъ надѣется, что губернскія власти взглянутъ на дѣло съ болѣе человѣчной точки зрѣнія, и для выясненія недоразумѣній взываетъ къ содѣйствію тѣхъ дворянъ помѣщиковъ, которые назначаются членами губернскихъ присутствій. Тому же вопросу Салтыковъ посвятилъ нѣсколько позднѣе и другую замѣтку подъ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ объ истинномъ значеніи недоразумѣній по крестьянскому дѣлу“ [1]). Стараясь убѣдить въ необходимости самаго осмотрительнаго и гуманнаго отношенія къ возможнымъ со стороны крестьянъ недоразумѣніямъ при введеніи новаго порядка вещей, авторъ горячо протестуетъ противъ мнѣнія тѣхъ, которые въ подобныхъ случаяхъ считаютъ необходимыми угрозы и страхъ наказанія, и выражаетъ надежду, что уѣздныя и губернскія учрежденія по крестьянскому дѣлу будутъ стараться избѣгать „рѣшенія возникающихъ вопросовъ при посредствѣ полицейскихъ мѣръ“. Такъ какъ виновниками волненія могутъ быть сами помѣщики, то Салтыковъ считаетъ необходимымъ энергическое вмѣшательство административной власти не противъ, а въ защиту крестьянъ, въ томъ случаѣ, когда обнаружатся чрезмѣрныя ихъ повинности въ пользу помѣщика во время двухлѣтняго переходнаго положенія. Затѣмъ онъ совершенно справедливо настаиваетъ на томъ, чтобы не дѣлали изъ мухи слона по поводу самыхъ ничтожныхъ столкновеній помѣщиковъ съ крестьянами [2]).

[1]) „Московскія Вѣдомости“ 1861 г. № 128, 11 іюня.

[2]) „Какая нибудь ключница Мавра“, говоритъ Салтыковъ, „донесетъ барынѣ, что дядя Корнѣй, лежа на печи, приговаривалъ: „Мы-ста, да вы-ста“—вотъ уже и злоумышленіе. Какой-нибудь староста Акимъ подольстится къ барынѣ, „что у насъ-де, сударыня, Ванька-скотъ давеча на всю сходку оралъ: а пойдемъ-ка, братцы, къ барынѣ, пускай она водки намъ поднесетъ“—вотъ уже и бунтъ. И барыня...

Наконецъ и въ случаяхъ дѣйствительнаго волненія крестьянъ авторъ убѣждаетъ дѣйствовать „мѣрами, не выходящими изъ предѣловъ закона общаго (порядкомъ слѣдственнымъ и судебнымъ)“, а не экстренными мѣропріятіями [1]).

Подобныя настоянія были крайне необходимы въ то время, когда количество крестьянскихъ волненій при введеніи новаго порядка вещей оказалось весьма значительнымъ. По оффиціальному свидѣтельству, въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ (съ 19 февраля 1861 по 19 февраля 1863 гг.) было болѣе 1100 случаевъ волненій и безпорядковъ въ разныхъ селеніяхъ. „Въ огромномъ большинствѣ случаевъ“, читаемъ мы въ „Краткомъ очеркѣ дѣятельности министерства внутреннихъ дѣлъ за 25-лѣтіе 1855 по 1880 г.“. „волненія прекращались полицейскими мѣрами ареста или наказанія нѣсколькихъ крестьянъ, бывшихъ зачинщиками или главными виновниками. Въ трехъ селеніяхъ волненія были настолько серьезны, что военныя команды принуждены были прибѣгнуть къ оружію“. Тутъ очевидно дѣло идетъ о слѣдующихъ волненіяхъ. Въ Казанской губерніи въ имѣніи гр. Апраксина (Спасскаго у. село Бездна), гдѣ собралось до 5000 человѣкъ, было убито, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, 55 крестьянъ, ранено 71 (крестьянинъ Антонъ Петровъ былъ разстрѣлянъ) [2]). Въ Пензенской губ. въ селѣ Кандеевкѣ у помѣщика Волкова собралось до 10000 чел.; при столкновеніи съ войсками убито 8, ранено 26 крестьянъ. Въ Смоленской губ. въ имѣніи кн. Голицына (Гжатскаго у.) при столкновеніи съ войскомъ былъ убитъ одинъ крестьянинъ, но кромѣ того

пишетъ туда, пишетъ сюда, на весь околодокъ визжитъ, что честь ея поругана, что права ея попраны... И вмѣсто того, чтобы унять ее, ей вторитъ цѣлое воинство, и Ванька-скотъ летитъ въ становую квартиру и дядя Корнѣй записывается въ книжечку, какъ будущій зачинщикъ и подстрекатель“.

[1]) Въ заключеніе статьи авторъ выражаетъ желаніе, чтобы засѣданія губернскихъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ происходили публично.

[2]) Объ этомъ волненіи см. любопытную статью *Н. А. Крылова* „Воспоминанія мирового посредника перваго призыва“ въ „Русск. Стар.“ 1892 г. №№ 4 и 6. О рѣчи А. П. Щапова на панихидѣ въ Казани по убитымъ въ Бездинѣ см. *Барсукова* „Жизнь и труды М. П. Погодина“ т. XVIII, стр. 66—67.

21 чел. задавлены обратившеюся въ бѣгство толпою. Были, впрочемъ, сопротивленія войскамъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, напримѣръ., въ имѣніи гр. Протасова-Бахметьева (въ ямпольскомъ у. Подольской губ.). Извѣстно, сколько было наказано въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ по суду [1]), но какое количество крестьянъ подверглось безъ всякаго суда тѣлесному наказанію въ 1100 случаяхъ волненій,— это едва ли точно опредѣлитъ и будущій историкъ крестьянской реформы [2]).

Кромѣ названныхъ статей, въ октябрѣ 1861 г. Салтыковъ помѣстилъ въ „Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника“ замѣтку подъ заглавіемъ: „Гдѣ истинные интересы дворянства?“ Авторъ утверждаетъ, что сила дворянскаго сословія должна заключаться „не въ преданіи, а въ тѣсномъ общеніи съ народомъ“. Единственное средство къ сближенію дворянства съ народомъ, по мнѣнію автора, состоитъ въ томъ, чтобы „помѣщикъ сталъ самъ членомъ того сельскаго общества и той волости, въ районѣ которыхъ находятся его помѣстья“. Опасеніе, что это вступленіе помѣщиковъ въ составъ сельскаго общества и волости вредно отразится на интересахъ крестьянъ, Салтыковъ устраняетъ тѣми серьезными условіями, которыми имъ обставлено это вступленіе. Условія эти таковы: 1) *„участіе помѣщиковъ наравнѣ съ прочими членами обществъ въ платежѣ государственныхъ податей и земскихъ повинностей, лежащихъ на обществѣ“* и 2) „совершенное, при посредствѣ выкупной сдѣлки, окончаніе всѣхъ разсчетовъ, которые возникли между крестьянами и помѣщикомъ вслѣдствіе обнародованія законоположеній 19 февраля. Соблюденіе перваго изъ этихъ условій“, по мнѣнію автора, „необхо-

---

1) Напр. въ Пензенской губ. (за волненія въ селѣ Кандеевкѣ и др.) сослано на каторжныя работы въ Сибирь, по наказаніи шпицрутенами (отъ 400 до 700 ударовъ),—28 чел., на поселеніе по наказаніи 200—400 ударами шпицрутеновъ 80 чел., приговорено къ содержанію въ смирительномъ домѣ—трое, наказано 100 ударами шпицрутеновъ и отправлено на службу въ Оренбургскіе линейные баталіоны 3, наказано розгами и оставлено на прежнемъ мѣстѣ жительства—58 чел. („Рус. Стар.“ 1885 г. т. 46, стр. 157).

2) Въ Черниговской губ. въ 1861 г. были въ ходу между крестьянами копіи прокламацій, „Крещеной собственности“ Герцена и другихъ его произведеній. „Рус. Арх.“ 1897 г. № 1, стр. 49.

димо уже на основаніи общаго закона, что всякое право влечетъ за собою и обязанности... На этомъ основаніи помѣщикъ по всей справедливости долженъ принять участіе въ платежѣ состоящихъ на отвѣтственности сельскаго общества податей и земскихъ повинностей, и притомъ участіе, соразмѣрное съ количествомъ оставшейся у него во владѣніи земли". Одного этого условія было достаточно для того, чтобы предложеніе Салтыкова о вступленіи дворянъ въ составъ сельскаго общества и волости не встрѣтило сочувствія со стороны громаднаго большинства дворянства [1]).

Мы остановились на названныхъ выше статьяхъ Салтыкова, какъ потому, что онѣ чрезвычайно важны для выясненія его взглядовъ на роль дворянства и крестьянскій вопросъ, такъ и потому, что онѣ не вошли въ собраніе сочиненій нашего сатирика.

Возвращаясь отъ публицистическихъ къ сатирическимъ произведеніямъ Салтыкова, мы видимъ, что, какъ въ самый годъ крестьянской реформы, такъ и въ теченіе двухъ послѣдующихъ лѣтъ онъ нерѣдко затрогивалъ крѣпостное право и крестьянскій вопросъ: это было настоятельно необходимо въ переходные годы отъ прежнихъ порядковъ къ новому общественному строю. Въ очеркѣ „Наши глуповскія дѣла", первоначально напечатанномъ въ 11 № „Современника" 1861 г., авторъ въ видѣ извлеченія изъ дневника помѣщика, веденнаго въ концѣ 1858 г., сжато говоритъ объ отношеніи помѣщиковъ къ первымъ слухамъ объ освобожденіи крестьянъ. Подробнѣе и въ высшей степени талантливо онъ разрабатываетъ ту-же тему въ очеркѣ „Госпожа Падейкова", вошедшемъ въ составъ „Сатиръ въ прозѣ", изображая тревоги помѣщицы въ виду слуховъ объ уничтоженіи крѣпостного права (II, 31—43, ср. стр. 165—167).

Въ 1862 г. въ журналѣ „Время" (№ 4) Салтыковъ представилъ въ драматической формѣ бесѣду нѣсколькихъ помѣщиковъ о крестьянскомъ вопросѣ съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства послѣ того, какъ

---

[1]) Что позднѣйшія предположенія дворянъ о всесословной волости составлялись не въ интересахъ народа, а ко вреду его, видно между прочимъ изъ статьи *Ѳ.М.Дмитріева* „Всесословная волость по проектамъ петербургскихъ дворянъ" въ книгѣ его и Ю. Ѳ. Самарина „Революціонный консерватизмъ" 1875 г.

правительство уже категорически заявило о своихъ освободительныхъ намѣреніяхъ. „Предводитель дворянства, пустой фатъ, убѣдившійся послѣ поѣздки въ Петербургъ, что измѣненіе быта крестьянъ дѣло рѣшенное, хотя помѣщики и будутъ призваны высказываться по этому предмету, ведетъ уже такія рѣчи, что „безъ вольнаго труда мы скоро должны будемъ сойти на степень второстепенной державы“. Помѣщики же, тутъ же разсуждающіе о выгодности продажи „дѣвокъ“ на фабрику купцу (несмотря на запрещеніе купечеству владѣть крѣпостными), въ отвѣтъ на вызовъ своего предводителя обсудить крестьянское дѣло, рѣшаютъ приступить къ нему „съ легкимъ сердцемъ и устроить такимъ образомъ, чтобы все осталось по прежнему“. Не одинъ Салтыковъ рѣзко-отрицательно относился къ роли дворянства къ крестьянской реформѣ; такое же отношеніе къ этому вопросу мы находимъ и въ изданной въ 1862 году безъ имени автора брошюрѣ „Дворянство и освобожденіе крестьянъ“, принадлежащей перу К. Д. Кавелина [1])

Вообще въ своихъ произведеніяхъ 1861—1863 гг. Салтыковъ продолжалъ задѣвать крѣпостное право—истязанія крѣпостныхъ, запродажу ихъ на фабрики, помѣщичій развратъ (ср. II, 101, 153, 175—176, 191), но, несомнѣнно, однимъ изъ наиболѣе трогательныхъ и талантливыхъ изображеній печальной жизни дворовыхъ, не только изъ всѣхъ произведеній Щедрина, но и во всей нашей литературѣ, слѣдуетъ считать его разсказъ „Миша и Ваня, забытая исторія“, напечатанный въ № 1 „Современника“ 1863 г., гдѣ авторъ изображаетъ двухъ дворовыхъ мальчиковъ, сговаривающихся наложить на себя руки, чтобы имѣть возможность разсказать Богу

[1]) „Собр. соч. К. Д. Кавелина“, 1898, II, 106—142. Въ другой сценкѣ, напечатанной Салтыковымъ одновременно съ только что изложенною, дѣйствіе происходитъ уже послѣ освобожденія крестьянъ. Авторъ представляетъ затруднительное положеніе губернатора, осаждаемаго разными просителями, которые съ помощію разныхъ рекомендацій и безъ оныхъ добиваются мѣстъ мировыхъ посредниковъ, словомъ изображаетъ въ лицахъ то, что онъ уже намѣтилъ въ сжатыхъ чертахъ въ своей первой статьѣ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. („Недавнія Комедіи“ : 1) „Соглашеніе“, 2) „Погоня за счастьемъ“. Сочин. II, 43—71).

на томъ свѣтѣ, какъ ихъ била и тиранила помѣщица [1]). Наряду съ мастерскимъ изображеніемъ психическаго состоянія этихъ мальчиковъ, мимоходомъ выясняется ужасная жизнь и другихъ дворовыхъ, какъ напр. въ разсказѣ объ исчезновеніи молоденькой дѣвушки послѣ того, какъ помѣщица велѣла ее остричь за яко-бы безнравственное поведеніе, или о страшныхъ издѣвательствахъ помѣщиковъ надъ своею прислугою (приказаніе лизать языкомъ горячую печь для того только, чтобы посмотрѣть, какую уморительную рожу скорчитъ при этомъ Сенька) (Соч. II, 419, 428).—Въ разсказѣ „Деревенская тишь“ („Современникъ“ 1863 г. №. 1) авторъ изображаетъ страданія помѣщика послѣ того, какъ его прислуга изъ крѣпостной превратилась въ вольную, хотя и съ обязательствомъ прослужить еще нѣкоторое время у прежняго господина (Соч. I, 443—449, 455, 458).

Вообще Салтыковъ, чаще чѣмъ кто-нибудь другой изъ нашихъ беллетристовъ, отзывался въ своихъ произведеніяхъ 1861—1863 гг. на самое важное событіе того времени — освобожденіе крестьянъ. Изъ произведеній другихъ нашихъ извѣстныхъ писателей наиболѣе сильною вылазкою противъ крѣпостного права за это время нельзя не признать „Поликушку“ гр. Л. Н. Толстого („Русскій Вѣстникъ“ 1863 г. т. 43), но тутъ трагическій исходъ является для героя разсказа результатомъ случайной потери денегъ, а не какихъ либо притѣсненій со стороны помѣщицы, которая къ этому дворовому человѣку относилась особенно снисходительно [2]).

[1]) Этотъ разсказъ основанъ на дѣйствительномъ событіи: одна рязанская помѣщица своимъ тиранствомъ довела двухъ своихъ крѣпостныхъ мальчиковъ (10—12 лѣтъ) до того, что, по взаимному согласію, они зарѣзали другъ друга столовыми ножами. Салтыковъ въ то время управлялъ рязанскою губерніею; имѣніе помѣщицы было взято подъ опеку, а сама она предана суду. *Егоровъ*. Воспоминанія о М. Е. Салтыковѣ. „Сынъ Отеч.“ 1900 №№ 134, 138.

[2]) Писемскій въ разсказѣ „Батька“ („Русское Слово“ 1862 г. № 1) довольно слабо задѣваетъ крѣпостное право, а его драму „Горькая Судьбина“ даже вовсе нельзя отнести къ числу произведеній, бичующихъ это зло нашей жизни. Рѣзкій разборъ этой драмы, сдѣланъ Салтыковымъ въ „Современникѣ“ 1863 г. т. 99, кн. 11, стр. 90—106.

III.

Въ эпоху крестьянской реформы нашъ сатирикъ счелъ своимъ долгомъ отозваться еще на одно замѣтное теченіе въ нашей жизни—желаніе извѣстной части дворянства добиться того, чтобы рѣшеніе крестьянскаго вопроса было предоставлено одному высшему сословію, и стремленіе этой фракціи нашего высшаго сословія вознаградить себя за предстоящую утрату власти надъ крестьянами расширеніемъ политическихъ правъ дворянства и притомъ одного только дворянства. Дворянскія претензіи, клонящіяся къ ущербу интересовъ народа, были глубоко ненавистны Салтыкову, и мы видѣли, съ какою горячностью онъ отозвался на статейку Ржевскаго, проникнутую подобною тенденціею. Бороться съ этимъ теченіемъ въ высшихъ слояхъ нашего общества Салтыковъ считалъ тѣмъ болѣе необходимымъ, что осуществленіе притязаній этой дворянской партіи могло бы вредно отозваться на судьбѣ крестьянской реформы. Но Салтыковъ нигдѣ не нападалъ на тѣ либеральныя заявленія дворянъ, въ которыхъ они не отдѣляли своихъ интересовъ отъ интересовъ остальныхъ сословій. Чтобы, была понятнѣе эта сторона тогдашнихъ произведеній Салтыкова, мы считаемъ необходимымъ привести нѣсколько фактовъ нашей жизни конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ.

Въ числѣ публицистическихъ произведеній консервативной помѣщичьей партіи этого времени обратила на себя вниманіе появившаяся въ 1859 г. въ Парижѣ брошюра: „Lettre d'un député de Comité à Mr. le président de la Commission de rédaction, aide de camp général Rostovtzoff“. Авторомъ этого открытаго письма къ Ростовцеву, какъ оказалось, былъ гр. Орловъ-Давыдовъ, бывшій членъ симбирскаго комитета, утверждавшій, что постановленія дворянства по крестьянскому дѣлу не должны подлежать разсмотрѣнію и утвержденію правительства. Гр. Орловъ-Давыдовъ разослалъ свое письмо ко многимъ высшимъ сановникамъ и членамъ главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, за исключеніемъ самого Ростовцева, къ которому оно было обращено. Онъ старался доказать, будто бы предсѣдатель редакціонныхъ коммиссій самовольно расширилъ кругъ

дѣйствій этого учрежденія, которое, по мнѣнію гр. Орлова-Давыдова, должно было ограничиться составленіемъ свода постановленій губернскихъ комитетовъ, а не заниматься выработкою новаго положенія [1]. Далѣе авторъ утверждаетъ, что вся отвѣтственность по крестьянскому дѣлу должна лежать исключительно на дворянствѣ, что обязанности депутатовъ дворянства начнутся только тогда, когда главный комитетъ окончитъ возложенный на него трудъ, и что хотя подобное собраніе представителей дворянства будетъ имѣть лишь временное существованіе, но тѣмъ не менѣе оно необходимо, чтобы положить окончательно печать воли дворянства на дѣло, начавшееся будто бы исключительно по его иниціативѣ. Гр. Орловъ-Давыдовъ находитъ крайне несправедливымъ, что въ то время, когда заботятся объ улучшеніи положенія массъ, ничего не дѣлаютъ въ интересахъ высшей, образованнѣйшей и лучшей части народа. Зачѣмъ отнимать у дворянства, спрашиваетъ авторъ, право избирать исправниковъ, которое составляетъ первую ступень selfgovernement'a (самоуправленія, т.-е., какъ понимаетъ это слово авторъ, управленія посредствомъ собственности, („par la propriété“). Затѣмъ слѣдуетъ фраза, нѣсколько темная, но которую современники понимали, какъ изъявленіе желанія аристократически-конституціоннаго образа правленія [2].

Во всеподданнѣйшемъ письмѣ симбирскаго депутата Шидловскаго (въ октябрѣ 1859 г.) рекомендовалось „сліяніе самодержавія съ дворянствомъ“ и предлагалось для рѣшенія крестьянскаго вопроса созвать „нарочито

---

[1]) Такое толкованіе совершенно противно буквальному смыслу им. Высочайшаго указа объ учрежденіи редакціонной коммиссіи. См. *Скребицкій* „Крестьянское дѣло въ царствованіе имп. Александра II“, т. I, стр. LXII—LXIII.

[2]) „Не было ли бы благоразумнымъ дать власти законное теченіе (un cours légal) въ высшихъ сферахъ, болѣе приближенныхъ къ трону, откуда она могла бы распространяться постепенно и равномѣрно, и на низшіе классы общества“. Такими высшими сферами, по мнѣнію автора, должна быть не бюрократія, а владѣльцы независимой дворянской собственности (p. 43). Въ частныхъ разговорахъ гр. Орловъ-Давыдовъ предлагалъ депутатамъ отъ губернскихъ комитетовъ сплотиться и составить нѣчто въ родѣ „*оппозиціи его величества*“, подобно англійской парламентской оппозиціи“. „Рус. Стар.“ 1900 г. № 4, стр. 141.

избранныхъ уполномоченныхъ отъ дворянства“ (отъ одного дворянства) [1]).

Энергическимъ защитникомъ дворянства явился въ это же время (послѣ вызова депутатовъ перваго призыва) Михаилъ Александровичъ Безобразовъ, племянникъ кн. А. Ѳ. Орлова, бывшій впослѣдствіи С.-Петербургскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Чрезъ шефа жандармовъ В. А. Долгорукова онъ представилъ государю записку, въ которой, обвиняя главныхъ дѣятелей по крестьянскому дѣлу въ стремленіи ввести конституцію въ Россіи, онъ въ то же время требуетъ созванія выборныхъ отъ дворянства и присоединенія къ нимъ „настоящихъ выборныхъ отъ (губернскихъ) комитетовъ“. „Собраніе выборныхъ“, говоритъ Безобразовъ въ своей запискѣ (напомнимъ, что дѣло идетъ о представителяхъ только дворянства), „есть природный элементъ самодержавія [2]). Въ немъ только оно можетъ освѣжать силы и находить нужный свѣтъ. Власть не стѣсняется въ своей силѣ таковымъ собраніемъ, а получаетъ вѣрныя, правильныя понятія о томъ, что ей надо дѣлать для блага государственнаго... Для этого у насъ на Руси были выборные отъ земли, которые, не ослабляя нисколько власти, доставляли ей возможность узнать, въ чемъ и какъ эту силу примѣнить“ (авторъ умалчиваетъ, что въ составъ земскихъ соборовъ входили представители не одного служилаго, а всѣхъ сословій)... „*Право земли русской*“, продолжаетъ Безобразовъ, „*имѣть выборныхъ для совѣта верховной власти существуетъ нынѣ такъ же, какъ существовало прежде. Отнять его никто не можетъ: оно право первозданное отъ начала бытія народа русскаго*“ [3]). Авторъ выражаетъ надежду, что „верховная власть созоветъ около себя родныхъ, законныхъ своихъ совѣтниковъ и съ ними... *вновь воздвигнетъ уроненное своеволіемъ самодержавіе*“ (опять восклицательные знаки государя).

[1]) (*Хрущовъ*). „Матер. для ист. упразд. крѣп. сост.“ II, 110—113. 179.

[2]) Противъ этого мѣста имп. Александръ II написалъ: „хорошъ софизмъ“.

[3]) Все мѣсто, напечатанное курсивомъ, было подчеркнуто государемъ, который поставилъ противъ него три восклицательныхъ знака.

„Дворянство горячо сочувствуетъ государю, оно доказало готовность свою исполнить волю его". („Хорошо доказало!" написалъ государь противъ этого мѣста). „Но какое же можетъ оно оказать содѣйствіе, когда между нимъ и государемъ сближеніе невозможно? На стражѣ вокругъ престола стоитъ бюрократія въ сообщничествѣ (сознательно и безсознательно) съ такъ называемыми высочайшими повелѣніями... Отнявъ у дворянъ возможность дать труду, на него возложенному, правильное развитіе, стиснувъ этотъ трудъ въ форму совершенно непрактической программы, спеленавъ губернскіе комитеты вліяніемъ членовъ отъ правительства и вмѣшательствомъ власти административной, велемудрые преобразователи порицаютъ теперь трудъ дворянства, обвиняютъ его въ недобросовѣстности и въ намѣреніи уклониться отъ исполненія желанія государя и клеймятъ людей, противопоставляющихъ какую либо преграду революціоннымъ направленіямъ, *пошлыми прозвищами крѣпостниковъ и плантаторовъ*, себя величаютъ именемъ передовыхъ, постигнувшихъ потребности вѣка". Въ заключеніе М. А. Безобразовъ говоритъ: „Считая мысль мою полезною, я выразилъ ее, какъ умѣлъ, и желаю, чтобы она дошла до государя. Да убѣдится онъ, что въ рядахъ дворянства бьются сердца, жаждущія пользы отечества и славы престола и не помышляющія о своихъ личныхъ выгодахъ, и что если они желаютъ видѣть собраніе выборныхъ отъ земли у подножія престола, то это для того, чтобы узрѣть самодержавіе въ полномъ его величіи и силѣ, какъ непремѣнное и необходимое условіе блага отечества и твердости государства". Противъ этого заключенія записки государь написалъ: „Онъ меня вполнѣ убѣдилъ въ желаніи подобныхъ ему учредить у насъ олигархическое правленіе". Записку эту государь повелѣлъ обсудить въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу, вслѣдствіе заключенія котораго М. А. Безобразовъ былъ временно удаленъ въ свои имѣнія на заводы Пермской губ. съ воспрещеніемъ въѣзда въ столицу [1]).

---

[1]) Записка Безобразова напечатана въ „Русскомъ Архивѣ" 1888 г., т. III, 601—615 и въ книгѣ *Н. П. Семенова.* „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II". Спб., 1800 г. т. II стр.

Цитаты, приведенныя нами изъ записки Безобразова, достаточно показываютъ, что скрывалось подъ либеральными фразами нѣкоторыхъ дворянъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ объясняютъ намъ ненависть къ бюрократіи дворянскихъ публицистовъ въ родѣ Ржевскаго (см. выше его полемику съ Салтыковымъ [1]).

Упомянемъ еще, что на орловскихъ дворянскихъ выборахъ (въ декабрѣ 1859 г.) вліятельную роль игралъ уже извѣстный намъ своимъ письмомъ къ Ростовцеву гр. Орловъ-Давыдовъ, и особенно во враждебномъ правительству смыслѣ высказался богатый помѣщикъ и заводовладѣлецъ С. Мальцевъ, въ 1858 г. разославшій по губерніи во множествѣ экземпляровъ литографированную записку, въ которой онъ выступалъ ярымъ крѣпостникомъ и требовалъ дворянскаго представительства какъ по крестьянскому, такъ и по другимъ общественнымъ вопросамъ [2]), и Цуриковъ, державшійся прежде либеральнаго образа мыслей, но потомъ высѣченный своими дворовыми людьми и вслѣдствіе этого сдѣлавшійся врагомъ эмансипаціи (впослѣдствіи онъ былъ сотрудникомъ „Вѣсти“). Оба они говорили о необходимости въ Россіи конституціи, составленной разумѣется, исключительно въ интересахъ дворянства [3]).

940—954. Ср. предположенія о дворянскомъ адресѣ въ томъ же духѣ въ „Матер. для ист. упраздн. крѣп. состоянія“, II, 97—109.

[1]) Н. А. Милютинъ относился къ дворянскимъ притязаніямъ на преобладающее значеніе въ государственномъ строѣ съ особеннымъ раздраженіемъ: „не допуская за дворянствомъ никакихъ особыхъ политическихъ правъ, онъ энергически возставалъ противъ всякой инициаторской его дѣятельности въ дѣлахъ, касавшихся общихъ нуждъ и интересовъ“. „Рус.-Старина“ 1900 г. № 4, стр. 142—143.

[2]) Изложеніе ея см. въ книгѣ *А. А. Корнилова*. „Очерки по исторіи общественнаго движенія“, Спб. 1905 г., стр. 189—192.

[3]) „Матер. для истор. упразди. крѣп. права“ II, 300, 301, 347, 348. День въ своихъ запискахъ говоритъ: „Нѣкоторые“ (значительные помѣщики высшаго круга)... „доказывали, что если государь хочетъ освободить крестьянъ на счетъ дворянъ, то справедливость требуетъ, чтобы и дворянамъ были гарантированы особенныя права конституціею, парламентомъ, т.-е. народнымъ представительствомъ съ палатою господъ. Составленныя нѣкоторыми изъ помѣщиковъ beau-monde'a записки въ этомъ духѣ секретно передавались изъ рукъ въ руки“...—„Въ отчаянныхъ усиліяхъ“ (многихъ крупныхъ землевладѣльцевъ), говоритъ День въ другомъ мѣстѣ, „оправдывать вотчинное право и даже доказывать его пользу проглядывали затаенныя надежды установленія въ Россіи англійскихъ порядковъ съ палатою лордовъ“. „Рус. Стар.“ 1890 г. № 7, стр. 180, 185.

Къ сожалѣнію, даже въ нѣкоторыхъ прогрессивныхъ заявленіяхъ представителей дворянства проскальзывали иногда несимпатичные взгляды относительно крестьянскаго вопроса. Такъ, напр., въ адресѣ государю (въ октябрѣ 1859 г.) пяти депутатовъ перваго призыва (Д. Хрущева и А. Шретера, членовъ харьковскаго комитета, А. Унковскаго, предсѣдателя тверского комитета, и Дубровина и Д. Васильева, членовъ ярославскаго комитета) было, между прочимъ, сказано: „Мы убѣдились, что *увеличеніемъ надѣла крестьянъ землею* и крайнимъ пониженіемъ повинностей въ большей части губерній, помѣщики будутъ разорены, а быть крестьянъ вообще не будетъ улучшенъ“ [1]). А между тѣмъ въ томъ же адресѣ эти 5 депутатовъ просили государя: 1) даровать крестьянамъ полную свободу съ надѣленіемъ ихъ землею въ собственность посредствомъ немедленнаго выкупа, впрочемъ (спѣшили оговориться составители адреса) по цѣнѣ и на условіяхъ, не разорительныхъ для помѣщиковъ; 2) образовать хозяйственно-распорядительное управленіе, общее для всѣхъ сословій, основанное на выборномъ началѣ; 3) ввести гласное судопроизводство и 4) расширить свободу слова [2]). Такимъ образомъ въ адресѣ этихъ депутатовъ, наряду съ заявленіемъ различныхъ либеральныхъ пожеланій, не забыты дворянскіе интересы.

Московское дворянство въ адресѣ государю 23 января 1862 г. ходатайствовало: 1) о возможно большемъ расширеніи выборнаго начала въ государственной службѣ и расширеніи мѣстнаго самоуправленія; 2) о введеніи устнаго и гласнаго судопроизводства и суда присяжныхъ; 3) объ „обязательномъ немедленномъ раз-

---

[1]) Это заявленіе пяти депутатовъ о предполагаемомъ общемъ «увеличеніи надѣла крестьянъ» тѣмъ болѣе странно, что, какъ указалъ въ своей книгѣ Хрущевъ, оно совершенно несправедливо. См. «Матер. для ист. упразд. крѣп. права II, 181—185. Подписаніе имъ этого адреса Унковскій считалъ впослѣдствіи ошибкою. См. книгу *Джаншіева*. «А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ». М. 1894, стр. 132—134.

[2]) Ibid. II, 173—175; ср. 171, или въ сочиненіи Н. П. Семенова «Освобожд. крест. въ Россіи», II, 935—937.

верстаніи угодій“ (дворянство при этомъ требовало, чтобы правительство обезпечило уплату оброковъ и выкупа съ гарантіею не 80%, а полной суммы); 4) объ обнародованіи бюджета и 5) о расширеніи свободы печати.

Въ заключеніе своего адреса московское дворянство просило „разрѣшить ему избрать изъ своей среды коммиссію для обсужденія главныхъ началъ, долженствующихъ лечь въ основаніе будущаго устава о выборахъ, для пересмотра устава о земскихъ повинностяхъ и обсужденія вопроса о земскомъ кредитѣ и нуждахъ земства, съ участіемъ въ ея работахъ, такъ какъ вопросы эти касаются всего земства, депутатовъ отъ другихъ сословій“, съ тѣмъ, чтобы труды коммиссіи были просмотрѣны въ общемъ собраніи призванныхъ изъ губерній *„выборныхъ людей отъ всѣхъ сословій государства въ Москву“* и затѣмъ повергнуты на благоусмотрѣніе государя [1]). Подъ вліяніемъ этихъ событій и въ московской печати высказывается мысль о необходимости созванія выборныхъ. „Современная Лѣтопись“ Каткова (1862 г. № 26, стр. 17) утверждала что „въ наше время отъ мѣстныхъ представительствъ нельзя ожидать ничего, кромѣ вреда, если они не уравновѣшиваются центральнымъ“, что „центральное представительство, мудро сообразованное съ существующими условіями, есть одинъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ способовъ группировать силы на общее благо“ (Ibid. стр. 18), а въ слѣдующемъ году въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ Каткова (1863 г. № 3, стр. 498—500) предлагалось созваніе земскаго собора, какъ необходимая для блага страны „организація общественнаго мнѣнія“.

---

[1]) *Савва*, Архіеп. тверской, «Хроника моей жизни», т. III, 1901 г., стр. 224 — 225. Тверское дворянство въ адресѣ государю 3 февраля 1862 г. высказало, что «собраніе выборныхъ всей земли русской представляетъ единственное средство къ удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ Положеніемъ 19 февраля. А. И. Кошелевъ еще въ маѣ 1855 г. въ запискѣ, отправленной имъ имп. Александру II, предлагалъ для устраненія финансовыхъ затрудненій, созвать въ Москву выборныхъ отъ всей земли русской. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ онъ получилъ извѣщеніе чрезъ станового пристава, что его записка препровождена по принадлежности къ министру финансовъ. *Колюпановъ*. «Біографія А. И. Кошелева», т. II, М. 1892 г., стр. 230—232.

Но въ московскомъ дворянствѣ была партія, протестовавшая противъ привлеченія къ этому дѣлу всѣхъ сословій. Во главѣ ея стоялъ Н. Безобразовъ, авторъ разныхъ крѣпостническихъ брошюръ по крестьянскому вопросу, напечатанныхъ за границею. По свидѣтельству очевидца, въ собраніи московскаго дворянства 23 января 1862 г., Н. Безобразовъ возсталъ „противъ необходимости сліянія сословій“ и, „отвергая всякую идею о представительствѣ, какъ противоположную нашей правительственной системѣ, находилъ, что дворянство, въ настоящемъ своемъ положеніи соединяющее въ себѣ всѣ элементы государственной жизни, одно можетъ быть призвано къ предположеннымъ совѣщаніямъ“.

Принявъ во вниманіе приведенные факты, будетъ вполнѣ ясно, почему Салтыковъ нашелъ нужнымъ въ 1862 г. сдѣлать нѣсколько энергическихъ вылазокъ противъ помѣщичьяго либерализма и въ какого рода либераловъ были направлены его стрѣлы. Въ очеркѣ „Къ читателю“, составляющемъ введеніе къ „Сатирамъ въ прозѣ“ и напечатанномъ во 2 № „Современника“ за 1862 г., авторъ такъ описываетъ либеральный разговоръ въ вагонѣ.

«Женоподобный, укутанный пледами господинъ какъ дважды два четыре доказываетъ сидящему съ нимъ рядомъ путешественнику французу, что мы отупѣли, и что причину этого отупѣнія слѣдуетъ искать въ непомѣрномъ преобладаніи бюрократіи и въ неспосной страсти къ регламентаціи.

— Vous croyez donc si l'on donnait plus d'essort à la libre initiative des pomeschiks?—спрашиваетъ французъ, который желаетъ показать, что онъ отлично хорошо умѣетъ все понимать à demi-mots.

— Voila, отвѣчаетъ женоподобный господинъ.

— Monsieur est donc pour le système du selfgovernment? — продолжаетъ французъ.

— Voila! — отвѣчаетъ женоподобный господинъ и горделиво оглядываетъ нищихъ духомъ, сидящихъ въ отдѣленіи вагона.

А нищіе духомъ разѣваютъ рты отъ умиленія и начинаютъ подозрѣвать, что между ними сидитъ, по малой мѣрѣ, самъ знаменитый публицистъ и защитникъ свободы Ржевскій, путешествующій инкогнито въ скромномъ образѣ господина Юматова [1]) (Юпитеръ въ образѣ лебедя).

---

[1]) Послѣдній издавалъ вмѣстѣ со Скарятинымъ извѣстную реакціонную газету «Вѣсть».

Вы, конечно, не раздѣляете мнѣнія нищихъ духомъ, быть можетъ, вы даже находите, что идея о помѣщичьемъ selfgovernment вовсе не такъ смѣла и нова, какъ кажется съ перваго взгляда, ибо она достаточно проявила свои достоинства въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій. Но благодушіе при пособіи сравнительнаго метода и нѣкоторыхъ историческихъ воспоминаній... беретъ верхъ надъ всѣми соображеніями. Вы не слыхали до сихъ поръ, чтобы слово «selfgovernment» произносилось гдѣ-нибудь внѣ вашего кружка: и вдругъ оно произносится громогласно, и гдѣ-же? въ вагонѣ!.. Васъ это трогаетъ; въ порывѣ умиленія вы не замѣчаете, что, въ сущности, васъ поражаетъ не дѣло, а только звукъ».

Но автора эти рѣчи не подкупаютъ, и онъ старается предостеречь и читателя отъ увлеченія тѣмъ, чѣмъ увлекаться вовсе не надлежитъ. „Вы поразмыслите хорошенько“, говоритъ онъ, „да подивитесь природѣ матери, которая допускаетъ, что въ одной и той-же головѣ помѣщаются рядомъ такія понятія, какъ selfgovernement и la libre initiative des pomeschiks!“

Авторъ прекрасно понимаетъ, что „между либеральнымъ враньемъ и либеральнымъ дѣломъ лежитъ цѣлая пропасть“, онъ даже находитъ, что „безсмысленныя фіоритуры либерализма... мѣшаютъ разслушать простой и честный мотивъ его“. „Мы, люди меньшинства“, продолжаетъ Салтыковъ, „которые, съ такою сердечною тревогой внимали либеральнымъ упражненіямъ ревнителей тьмы, мы, которые сгоряча повѣрили, что каменоломни раскаиваются и изъявляютъ искреннее желаніе сдѣлаться цвѣтущими и благоухающими садами... мы убѣдились, наконецъ, что не отъ гробовъ поваленныхъ предстоитъ ждать слова жизни, что не на нихъ должны покоиться наши упованія“ (Соч. II, 5—9, 12—13, 15—17) [1]).

Только что указанное стремленіе извѣстной части дворянства было отмѣчено въ печати и нѣкоторыми другими современниками, какъ, напр., Хрущевымъ, составителемъ „Матеріаловъ для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія помѣщичьихъ крестьянъ“, а также

---

[1]) Въ этомъ очеркѣ Салтыковъ могъ и прямо имѣть въ виду московскихъ ораторовъ въ родѣ Безобразова, такъ какъ февральская книга «Современника», гдѣ напечатанъ этотъ очеркъ, вышла только въ мартѣ (цензурное дозволеніе дано 9 марта). Въ «Современникѣ» 1863 г. т. 94, стр. 142—146 напечатана рецензія Салтыкова на одну брошюру Н. Безобразова.

Кавелинымъ въ изданной имъ въ 1862 г. (анонимно) брошюрѣ: „Дворянство и освобожденіе крестьянъ“, въ которой онъ, между прочимъ, говоритъ: „Дворянство на первое заявленіе правительства о прекращеніи крѣпостного права отозвалось пассивнымъ отрицаніемъ, потомъ, когда увидѣло, что дѣло не останавливается на однихъ заявленіяхъ, пустилось спекулировать на освобожденіе и стало выводить баснословныя суммы, за которыя соглашалось разстаться съ этой печальной привилегіей [1]), когда же и это не удалось, оно пробовало запугать правительство угрозами народныхъ бунтовъ и дворянской конституціи“ (стр. 35—36). Герценъ, вспоминая въ одной изъ своихъ статей объ этомъ времени, говоритъ: „Крѣпостники прикидывались конституціонными либералами“ [2]).

Салтыковъ всею силою своей сатиры преслѣдовалъ узкодворянскія притязанія; но нужно замѣтить, что и къ ходатайствамъ дворянства о созданіи всесословной думы приходится иногда отнестись съ недовѣріемъ, если принять во вниманіе, что за личности являлись иной разъ иниціаторами такихъ ходатайствъ и какіе взгляды проскальзывали при ихъ формулировкѣ. Такъ, напр., мало добраго можно было ожидать отъ иниціативы въ этомъ направленіи въ губернскомъ собраніи с.-петербургскаго дворянства А. П. Платонова, царскосельскаго уѣзднаго предводителя дворянства, извѣстнаго крѣпостника, который даже въ губернскомъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу остался одинъ при особомъ мнѣніи крѣпостническаго направленія. Въ запискѣ, прочитанной

---

[1]) О томъ, что *большинство* дворянства или вовсе не сочувствовало освобожденію крестьянъ, или соглашалось лишь на безземельное освобожденіе, свидѣтельствуетъ и министръ внутр. дѣлъ Ланской въ извѣстной запискѣ (1859 г.), представленной государю, но въ то же время онъ говоритъ, что «въ мнѣніяхъ меньшинства и отдѣльныхъ членовъ многихъ комитетовъ нельзя не признать зрѣлости образованія, безпристрастія и правильности взглядовъ». *Семеновъ* I, 829—831.

[2]) Гр. Дм. Андр. Толстой, враждебно относившійся къ крестьянской реформѣ, 3 Марта 1861 г., когда уже было извѣстно, что крестьянское Положеніе подписано 19 февраля, но оно еще не было обнародовано, сказалъ, что чрезъ 5 лѣтъ въ Россіи будетъ представительное правленіе. «Рус. Арх.» 1897 г. № 1, стр. 46.

18 марта 1863 г. въ губернскомъ собраніи петербургскаго дворянства, указывая на „необходимость расширенія самоуправленія земства“ [1]), Платоновъ говоритъ: „Только само земство можетъ вѣрно и съ точностью опредѣлить свои труды и указать правительству надлежащій способъ удовлетворять онымъ... Чтобы однако изъ той огромной массы свѣдѣній, которыя будутъ заявлены земскими людьми, правительство могло извлечь общее начало органическихъ законовъ, обязательныхъ для всего государства, ему необходимо собрать всѣхъ этихъ людей вмѣстѣ и со всѣмъ терпѣніемъ и всевозможною благосклонностью выслушивать ихъ правдивый и заслуживающій полнаго довѣрія голосъ. Этимъ путемъ можетъ быть установленъ твердый, незыблемый порядокъ для блага всего земства и силы самого правительства“. Въ виду заявленныхъ правительствомъ предположеній о введеніи „земско-хозяйственныхъ учрежденій“ и „о коренномъ измѣненіи существующаго судоустройства и судопроизводства“, Платоновъ предлагалъ петербургскому дворянству всеподданнѣйше ходатайствовать „о благосклонномъ допущеніи народнаго участія въ тѣхъ законодательныхъ мѣрахъ, которыя нынѣ разсматриваются и обсуждаются въ государственномъ совѣтѣ. Призывъ выборныхъ отъ всего земства“, говоритъ въ заключеніе Платоновъ, „*выборныхъ для спроса*“ о мѣстныхъ нуждахъ и народныхъ потребностяхъ съ правомъ совѣщанія и выраженія мнѣнія о степени благотворности предполагаемыхъ узаконеній будетъ служить ручательствомъ довѣрія каждаго гражданина къ силѣ и непоколебимости законовъ, глубокаго къ нимъ уваженія всего народа“.

Въ этой формѣ предложеніе Платонова могло бы возбуждать опасеніе противниковъ дворянскихъ притязаній только развѣ по имени его иниціатора, согласно извѣстному выраженію: „Timeo Danaos et dona ferentes“ (опасаюсь Данайцевъ и тогда, когда они несутъ дары). Но есть другая редакція той-же записки, которая была прочитана въ собраніи петербургскаго дворянства въ 1862 г. и въ которой намѣренія автора проглядываютъ нѣсколько яснѣе. И въ этой редакціи авторъ считаетъ

---

[1]) Напомнимъ, что это было до введенія земскихъ учрежденій.

необходимымъ „учрежденіе общаго въ имперіи народнаго представительства, т.-е. соединеніе въ одну государственную земскую думу представителей или выборныхъ отъ всѣхъ частей государства, какъ для представленія верховному правительству нуждъ народныхъ, такъ и для совокупнаго обсужденія изготовляемыхъ законоположеній и важныхъ мѣръ правительственныхъ прежде утвержденія ихъ верховною властью“. Но вотъ какъ онъ разъясняетъ далѣе свои предположенія: „Народное представительство должно быть устроено такъ, чтобы граждане просвѣщенные имѣли *соразмѣрное своему числу преимущество голоса предъ тѣми изъ гражданъ низшихъ состояній, которыхъ образованность не достигла еще равной степени развитія*“... „Для твердости государства“, продолжаетъ Платоновъ, „различіе правъ гражданъ, т.-е. раздѣленіе народа на состоянія, необходимо въ Россіи; при этомъ *удержаніе нѣкоторыхъ правъ наслѣдственныхъ* можетъ равномѣрно быть существенно полезнымъ, потому что юноша, рожденный отъ просвѣщенныхъ родителей, ихъ попеченіями, совѣтами, назиданіями и примѣромъ, уже съ самаго младенчества усвоиваетъ себѣ образованіе, развиваетъ и совершенствуетъ свои способности и нравственное состояніе съ большимъ успѣхомъ, нежели юноша, который происходитъ отъ родителей грубыхъ и необразованныхъ“. Если принять во вниманіе эти разъясненія, то подъ либеральнымъ требованіемъ созыва общей государственной земской думы можно будетъ увидѣть опасеніе, что введеніе народнаго представителства причинитъ ущербъ наслѣдственнымъ правамъ дворянства. Авторъ очевидно надѣялся, что дѣятельности земской думы, созванной по его рецепту, т.-е. съ преобладаніемъ по числу голосовъ „гражданъ просвѣщенныхъ“ (дворянства) надъ „гражданами низшихъ состояній“, можно будетъ дать выгодное для дворянства направленіе.

Впрочемъ предположеніе Платонова о всеподданѣйшемъ ходатайствѣ относительно созванія „выборныхъ отъ всего земства“ не осуществилось. Петербургское губернское собраніе дворянства, выслушавъ его записку, постановило: „Выражая полное сочувствіе основнымъ мыслямъ, заключающимся въ запискѣ А. П. Платоно-

ва [1]), дворянство опредѣляетъ: отъ ходатайства о допущеніи совѣщательнаго участія земства въ законодательныхъ мѣрахъ воздержаться при нынѣшнемъ съѣздѣ, такъ какъ дворянство, имѣя въ виду Высочайшее повелѣніе, объявленное г. министромъ внутреннихъ дѣлъ (отношеніемъ отъ 1 марта 1862 г.) г. с.-петербургскому военному генералъ-губернатору, вполнѣ надѣется, что само правительство озаботится о своевременномъ принятіи тѣхъ мѣръ, которыя удовлетворили бы всеобщему желанію и упрочили благо народа и могущество государства".

Но если дворянскія притязанія до поры до времени и не осуществлялись, то все-таки они высказывались достаточно громко, и потому нашъ сатирикъ, со свойственною ему проницательностью, находилъ нужнымъ выводить ихъ на свѣжую воду. Такъ, въ разсказѣ „На зарѣ ты ее не буди", напечатанномъ въ „Современникѣ" (1864 г., № 3), авторъ представляетъ толки кружка дворянъ. Одинъ изъ нихъ, Цанарцтъ, указываетъ на первостепенную важность для дворянства пропинаціоннаго права, т.-е. связаннаго съ землевладѣніемъ исключительнаго права продажи спиртныхъ напитковъ. Рѣчь эта не встрѣчаетъ особеннаго сочувствія, такъ какъ капиталовъ ни у кого, кромѣ Цанарцта, не оказывается, и другой ораторъ, не отвергая важности пропинаціоннаго права, указываетъ на „нѣчто другое, на что преимущественно должны быть устремлены взоры" дворянства: „это нѣчто, эта драгоцѣнная панацея, отъ которой мы должны ожидать уврачеванія всѣхъ золъ.., есть selfgouvernement въ томъ благонадежномъ смыслѣ, въ которомъ его понимаютъ лучшіе люди либерально-консервативной партіи" (Соч. III, 215). Мы видѣли, что и Платоновъ указывалъ на необходимость расширенія самоуправленія, но не иначе, какъ при извѣстномъ преобладаніи дворянства, и гр. Орловъ-Давыдовъ толковалъ о selfgovernment'ѣ.

---

[1]) Въ собраніи петербургскаго дворянства 1863 г. читалась первая записка Платонова, имѣющаяся у меня въ копіи. Копія первоначальной записки (1862 г.) хранится въ отд. рукоп. Публич. Библ. F. II. № 192, т. VI, л. 21—33 (она была напечатана за границею Блюммеромъ въ «Свободномъ Словѣ» 1862 г. № 3 съ небольшими варіантами). О Платоновѣ ср. «Матер. для истор. упразднн. крѣп. права» II, 316—324, III, 122.

Подобныя вылазки Салтыкова противъ притязаній извѣстной части дворянства были тѣмъ полезнѣе, что послѣднія продолжали проявляться въ извѣстныхъ случаяхъ. Снова обнаружились они въ началѣ 1865 г. въ московскомъ дворянскомъ собраніи. Когда дворянство подольскаго уѣзда внесло 9 января 1865 г. предложеніе о подачѣ всеподданѣйшаго прошенія относительно созыва выборныхъ *отъ всѣхъ сословій*, то Безобразовъ (Николаій?) внесъ на слѣдующій день другое предложеніе—о созывѣ въ одной изъ столицъ по два выборныхъ *отъ дворянства* каждой губерніи. Примирителемъ двухъ направленій желалъ явиться гр. Орловъ-Давыдовъ. Онъ выразилъ увѣренность, что когда „земскія учрежденія, которыя только что вводятся, постепенно и повсюду разовьются, отдѣльныя земскія собранія почувствуютъ необходимо нужду въ одномъ центрѣ. Этотъ центръ или соборъ непремѣно состоится; но если онъ будетъ одинъ, если не будетъ другого собранія, которое могло бы служить ему перевѣсомъ, тогда“, по мнѣнію гр. Орлова-Давыдова, „*въ этомъ центрѣ или соборѣ будетъ вываренъ такой чистый демократическій спиртъ*, что онъ загорится отъ одного соприкосновенія съ чистымъ воздухомъ. Элементы перевѣса существуютъ у насъ въ Россіи, и это тѣ именно, которые указаны въ проектѣ г. Безобразова“. Такимъ образомъ гр. Орловъ-Давыдовъ, какъ это было и естественно при его англоманскихъ взглядахъ, явился защитникомъ системы двухъ палатъ при созывѣ земскаго собора съ тѣмъ, чтобы верхнюю палату составляли дворяне [1]).

Въ адресѣ, принятомъ большинствомъ дворянства [2]), оно просило о созваніи „общаго собранія выборныхъ людей отъ земли русской — для обсужденія нуждъ,

---

[1]) Это послѣднее видно изъ заключительныхъ словъ рѣчи Орлова-Давыдова: «При избираемыхъ отъ всего земства представителяхъ необходимъ другой элементъ, необходимо содѣйствіе людей, которые, по независимости своего положенія, по здравому пониманію общественныхъ нуждъ, по *потомственному* и собственному интересу въ общественномъ благоустройствѣ, тверды стойкостью своихъ правилъ» (*сильное и продолжительное одобреніе*). «Вѣсть» 1865 г. № 4.

[2]) 270-ю голосами противъ 36. «Моск. Вѣд.» 1865 г. № 13.

общихъ всему государству“, просило разрѣшенія съ этою же цѣлью избрать лучшихъ людей и изъ среды дворянства [1]). Но всѣ постановленія этого дворянскаго собранія были признаны правительствомъ недѣйствительными вслѣдствіе несоблюденія правилъ, установленныхъ относительно дворянскихъ выборовъ. Адресъ московскаго дворянства вызвалъ рескриптъ государя министру внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ было сказано, что „ни одно сословіе не имѣетъ законнаго права говорить именемъ другихъ сословій“ и „предрѣшать вопросы о существенныхъ основахъ общихъ государственныхъ учрежденій“ Россіи. Нельзя было не обратить вниманія на слѣдующія слова въ томъ же рескриптѣ: „Прошедшее въ глазахъ всѣхъ моихъ вѣрноподданныхъ должно быть залогомъ будущаго“ [2])

Наконецъ въ Мартѣ 1866 г. князь Щербатовъ въ петербургскомъ дворянскомъ собраніи проектировалъ адресъ о допущеніи депутатовъ отъ дворянства въ государственный совѣтъ съ правомъ голоса [3]). Ходатайство это не состоялось вслѣдствіе вмѣшательства администраціи.

---

[1]) «Вѣсть» 1865 г. № 4.

[2]) Никитенко, т. II, 279.

[3]) «Сѣверная Почта» 1865 г. № 24, Въ томъ же году въ «Сѣверной Почтѣ» земскія учрежденія были названы школою представительныхъ учрежденій. Въ 1863 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ предлагалъ включеніе выбранныхъ земскими учрежденіями представителей въ составъ государственаго совѣта. (Фальборкъ и Чарнолускій. «Національ. собр.», стр. 9—10), а въ 1865 г. вел. кн. Константинъ Николаевичъ совѣтовалъ вызвать въ государственный совѣтъ выборныхъ, уполномоченныхъ отъ губерній для изложенія народныхъ нуждъ. Но предложенія эти не были приняты государемъ (*Татищевъ*. «Императоръ Александръ II,» т. II, стр. 622). Открывая въ сентябрѣ 1864 г. финляндскій сеймъ, Александръ II сказалъ: «Вамъ предстоитъ доказать, что въ рукахъ народа мудраго, готоваго трудиться въ согласіи съ государемъ..., либеральныя учрежденія не только неопасны, но дѣлаются залогомъ порядка и благоденствія». *Мехелинъ* «Конституція Финляндіи». Спб., 1888, стр. 32). Но когда въ 1870 г. остзейскіе дворяне подали государю адресъ о дарованіи ихъ ландтагу такихъ же правъ, какія дарованы финляндскому сейму, имп. Александръ отклонилъ это ходатайство и выразилъ свое неудовольствіе. *Никитенко*. II, 402.

Салтыковъ и позднѣе подтруниваль надъ мечтаніями о дворянской конституціи въ духѣ Н. Безобразова. Такъ въ очеркѣ „Культурная тоска“ („Отеч. Зап.“ 1876 г. № 1) герой разсказа не знаетъ, чего ему хочется: „не то конституцій, не то севрюжины съ хрѣномъ, не то кого-нибудь ободрать“; особенно его смущаетъ вопросъ, „будетъ ли при конституціяхъ казначей“, такъ какъ „чорта ли и въ конституціяхъ, ежели при нихъ должности казначея не полагается!“ (IV, 571—574). Съ этого времени конституціонныя притязанія дворянства въ исключительно сословномъ духѣ и получили въ болѣе демократическихъ кругахъ названіе „севрюжной конституціи“.

Возвращаемся къ изображенію крѣпостного права и роли дворянъ въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса въ произведеніяхъ нашего знаменитаго сатирика.

IV.

Мы познакомились уже съ отношеніемъ Салтыкова къ крѣпостному праву и крестьянскому вопросу во второй половинѣ 1850-хъ и началѣ 60-хъ годовъ; въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ, начиная съ 1866 г., нашъ сатирикъ, если не считать „Пошехонской старины“, о которой мы будемъ говорить особо, не даетъ цѣльныхъ картинъ быта крѣпостныхъ, но онъ сплошь и рядомъ затрогиваетъ крѣпостное право. Въ разсказѣ „Хищники“, вошедшемъ въ составъ „Признаковъ времени“, онъ говоритъ: „Я слишкомъ близко видѣлъ крѣпостное право, чтобы имѣть возможность забыть его. Картины того времени до того присущи моему воображенію, что я не могу скрыться отъ нихъ никуда. Я видѣлъ разумныя существа, которыя, зная, что въ данную минуту ихъ ожидаетъ истязаніе или позоръ, шли *сами*, шли *собственными ногами*, чтобы получить это истязаніе или позоръ... Въ этомъ царствѣ испуга... нѣтъ ни одной подробности, которая въ свое время не причинила бы мнѣ боли“ (II, 298). Въ „Мелочахъ жизни“ Салтыковъ сжато указываетъ

на всѣ стороны крѣпостного права. „Самые разнообразные виды рабской купли и продажи существовали тогда. Людей продавали и дарили, и цѣлыми деревнями, и поодиночкѣ; отдавали въ услуженіе друзьямъ и знакомымъ; законтрактовывали партіями на фабрики, заводы, въ судовую работу (бурлачество), „торговали рекрутскими квитанціями и проч. Въ особенности жестоко было крѣпостное право относительно дворовыхъ людей: даже волосы крѣпостныхъ дѣвокъ эксплуатировали, продавая ихъ косы парикмахерамъ. Хотя законъ, изданный, впрочемъ, уже въ нынѣшнемъ столѣтіи“ (1833 г.), „и воспрещалъ продажу людей въ одиночку, но находили средства обходить его. Не дозволяли дворовымъ вступать въ браки и продавали мущинъ (особенно поваровъ, кучеровъ, выѣздныхъ лакеевъ и вообще людей, обученныхъ какому нибудь ремеслу) поодиночкѣ, съ придачею стариковъ, отца и матери,—это называлось: продажей цѣлымъ семействомъ; выдавали дѣвокъ замужъ въ чужія вотчины,—это называлось: продать дѣвку на выводъ“. Рекрутчина, благодаря дозволенію торговать рекрутскими квитанціями, составляла „серіозную статью дохода“. Законъ о трехдневной барщинѣ исполнялся рѣдко. „И было время“, продолжаетъ авторъ, „когда всѣ эти ужасающія картины никого не приводили въ удивленіе, никого не пугали. Это были „мелочи“, обыкновенный жизненный обиходъ, и ничего больше, а тѣ, которыхъ онѣ возмущали, считались подрывателями основъ, потрясателями законнаго порядка вещей“. Если же правительство обращало вниманіе на злоупотребленіе помѣщичьею властью, то мѣстные дворяне старались всячески обѣлить своихъ собратьевъ. (VIII, 325—327).

Эта общая картина дополняется отдѣльными штрихами въ разныхъ произведеніяхъ Салтыкова. Оказывается, что барщина доходила иногда до 6 дней въ недѣлю, а не то помѣщикъ обращалъ всѣхъ крестьянъ въ дворовыхъ (такъ называемыхъ „мѣсячниковъ“). Были помѣщики и помѣщицы, у которыхъ торговля „мужикомъ“ являлась „сложною и замысловатою операціею“: они вымѣнивали, покупали, продавали, сдавали въ солдаты, заставляли мужиковъ за хорошую плату откупаться на волю или принуждали откупаться отъ солдатчины, отъ барщины, отъ службы въ должности бурмистра. Практиковались

всевозможные способы эксплуатаціи мужика; бывали даже случаи взысканія двойнаго оброка, подъ предлогомъ его неполученія, или отниманія у крѣпостныхъ избы и скота (IV, 191—194). То, что дешево доставалось, легко и растрачивалось: доходило до того, что проигрывали деревню въ плевки или дарили нѣсколько десятковъ дворовъ „заѣзжему человѣку“, да еще не подъ рядъ, а черезъ дворъ, такъ что выходила неслыханнѣйшая черезполосица (IV, 278, 304). Крѣпостныхъ „сѣкли и истязали, и вслѣдъ за тѣмъ заставляли цѣловать истязующую руку. Это называлось „благодарить за науку“. Благодарящій обязывался имѣть видъ бодрый и напредки готовый, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ рисковалъ возбудить вопросъ: „эге, братъ! да ты, кажется, недоволенъ!“. Опаснѣе этого вопроса ничего не могло предстоять, ибо съ той минуты, какъ онъ возникалъ, обвиняемый навсегда поступалъ въ разрядъ „нераскаянныхъ и неисправимыхъ“,—а нераскаянность и неисправимость доводили до ссылки въ Сибирь по волѣ помѣщика или до отдачи въ солдаты. Число нераскаянныхъ особенно увеличилось въ самые послѣдніе моменты существованія крѣпостного права, и ихъ „толпами приводили въ губернскія правленія“ (для ссылки въ Сибирь) „и въ рекрутскія присутствія“. Помѣщики, особенно изобрѣтательные насчетъ наказанія, приказывали сѣчь бабъ ихъ собственнымъ мужьямъ, когда же такимъ образомъ одна женщина была засѣчена, то въ Сибирь пришлось идти не помѣщику, а засѣкшему по его приказанію свою жену мужику (II, 305—306, 383). Нѣкоторые энергическіе помѣщики такъ запугивали уѣздную полицію, что она не смѣла носа показать въ ихъ имѣнія, и всѣ подвиги подобныхъ личностей оставались безнаказанными (III, 209—210). Случалось, впрочемъ, что администрація отдавала въ опеку имѣніе за злоупотребленіе его владѣльцемъ своею властью или, несмотря на „привычку“ крестьянъ къ помѣщичьимъ безобразіямъ, они начинали волноваться, за чѣмъ слѣдовала, разумѣется, жестокая экзекуція при содѣйствіи мѣстныхъ властей.

Правдивость этихъ показаній Салтыкова относительно крѣпостного права не требуетъ доказательствъ: большинство указываемыхъ явленій извѣстно частью еще по преданію, частью изъ печатныхъ мемуаровъ и научныхъ

изслѣдованій [1]). Замѣтимъ только, что даже такіе факты, которые могутъ показаться преувеличеніемъ, подтверждаются источниками. Такъ, напр., указанія на продажу косъ крѣпостныхъ дѣвушекъ нѣкоторыми изобрѣтательными помѣщицами мы встрѣтили въ неизданной запискѣ по крестьянскому вопросу декабриста М. А. Фонъ-Визина (1842 г.) [2]). Отнятіе помѣщикомъ въ свою пользу избы и движимости крѣпостного употреблялось въ видѣ наказанія въ нѣкоторыхъ вотчинахъ, какъ это видно изъ записокъ А. В. Никитенко [3]): такой карѣ подвергся его отецъ, крѣпостной гр. Шереметева. Наказаніе крѣпостныхъ за засѣченіе своихъ собратьевъ по волѣ помѣщика также встрѣчалось намъ въ архивныхъ дѣлахъ Екатерининской эпохи. Увеличеніе случаевъ перевода крестьянъ въ батраки (такъ называемые „мѣсячники“) подтверждается свидѣтельствомъ Ю. Ѳ. Самарина.

Салтыковъ рисуетъ, впрочемъ, не только такихъ помѣщиковъ, которые разоряли своихъ крестьянъ. Въ „Современной идилліи“, въ лицѣ князя Рукосуй-Пошехонскаго, онъ представилъ намъ „патріархальнаго помѣщика, . который ревниво слѣдилъ за каждымъ крестьянскимъ дворомъ, входилъ въ мельчайшія подробности мужицкаго хозяйства, любя наказывалъ и любя поощрялъ и во всѣхъ случаяхъ стоялъ за своихъ крестьянъ горой, настойчиво защищая ихъ противъ притязаній и наѣздовъ мѣстныхъ властей. Онъ не позволялъ себѣ ни одного изъ тѣхъ общедоступныхъ безчеловѣчій, которыми до краевъ было преисполнено крѣпостное право, и любилъ, чтобы на крестьянъ его указывали, какъ на образцовыхъ, а на его личное управленіе, какъ на примѣръ разумной попечительности, „впрочемъ

---

[1]) О положеніи крѣпостныхъ крестьянъ въ первой половинѣ XIX вѣка см. въ моей статьѣ «Крестьянскій вопросъ во второй половинѣ XVIII и первой половины XIX вѣка» въ сборникѣ «Крестьянскій строй», изд. кн. П. Д. Долгорукова и гр. С. Л. Толстого. Спб. 1905 г., т. I, стр. 184—208, 288—295 и въ книгѣ *И. И. Игнатовичъ* «Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія» 1902 г.

[2]) См. мою книгу «Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX в.» т. II, 84.

[3]) «Моя повѣсть о самомъ себѣ» I, 24.

безъ послабленій“. Но если экономическое положеніе крестьянъ этого помѣщика и представлялось блестящимъ, то мы полагаемъ, что ихъ умственное развитіе, благодаря постоянной помѣщичьей опекѣ и стѣсненію отхожихъ промысловъ, оставляло желать многаго: не даромъ сосѣди называли ихъ „идолами“ (VII, 204—207). Это напоминаетъ намъ любопытный разсказъ г. Рѣшетова [1]) о помѣщикѣ, который, обращеніемъ своихъ крестьянъ въ дворовыхъ и воспрещеніемъ имъ выходить изъ своей деревни, довелъ ихъ до совершеннаго отупѣнія.

Помѣщики, въ родѣ кн. Рукосуй-Пошехонскаго, были убѣждены въ непререкаемости своихъ правъ относительно крестьянъ; пришедшихъ же къ сознанію омерзительности крѣпостного права было, по словамъ нашего сатирика, ничтожное меньшинство. „Вопросы о нравственности или безнравственности извѣстнаго жизненнаго строя“, говоритъ Салтыковъ, „суть вопросы высшаго порядка, которые и натурамъ свойственны высшимъ. Только абсолютно чистыя и высоконравственныя личности могли въ пылу „пользованія“ волноваться такими вопросами и разрѣшать ихъ радикально. Средній же культурный человѣкъ, даже въ томъ случаѣ, если чувствовалъ себя кругомъ виноватымъ, считалъ дѣло удовлетворительно разрѣшеннымъ, если ему удавалось въ свои отношенія къ подневольнымъ людямъ ввести, такъ называемый, патріархальный элементъ и за это заслужить кличку добраго барина“. Даже нѣкоторые изъ слушателей Грановскаго и поклонниковъ Бѣлинскаго, несмотря на вызываемый этими учителями тогдашняго молодого поколѣнія восторгъ и умиленіе, готовы были продавать своихъ крѣпостныхъ въ розницу (IV, 532, 561—562). Если такимъ образомъ даже болѣе образованное меньшинство оказывалось повиннымъ въ такомъ „жизненномъ двоегласіи“, то масса помѣщиковъ коснѣла въ своемъ крѣпостничествѣ до послѣдняго дня существованія крѣпостного права. Нѣкоторые, болѣе ловкіе, представители этой массы умѣли найтись даже при появленіи слуховъ о грядущемъ освобожденіи. Въ „Ме-

1) См. «Русскій Архивъ» 1885 г. т. III. стр. 278—282.

лочахъ жизни“ авторъ, по собственнымъ воспоминаніямъ, разсказываетъ такой случай, бывшій предъ самымъ уничтоженіемъ крѣпостного права въ „одной изъ ближайшихъ къ Москвѣ губерній“, гдѣ служилъ Салтыковъ. Нѣкоторые помѣщики вступили съ купцомъ, владѣльцемъ громадной фабрики, въ сдѣлку, по которой крестьянамъ и дворовымъ, тайно отъ нихъ, давалась „вольная“ и затѣмъ, тоже безъ ихъ вѣдома, отъ имени каждаго, въ качествѣ уже вольноотпущеннаго, заключался долгосрочный договоръ съ фабрикантомъ. И вольная, и контракты отданы были на руки фабриканту. Для помѣщиковъ такая операція была очень выгодна; они получали за крестьянъ хорошія деньги и кромѣ того сохраняли за собою ихъ прежніе надѣлы; фабрикантъ же надолго обезпечивалъ себя дешевой рабочей силой [1]). Но когда объявлена была девятая народная перепись и фабричное начальство погнало закабаленныхъ приписываться въ мѣщане, они явились цѣлой толпой въ губернскій городъ съ жалобами, что наканунѣ освобожденія ихъ сдѣлали вольными, помимо ихъ желанія, и началось слѣдствіе (VIII, 327—329).

Далеко не всѣ, однако, съумѣли использовать съ выгодою для себя слухи объ освобожденіи: на многихъ помѣщиковъ, какъ мы видѣли это и изъ произведеній Салтыкова предшествующей эпохи, вѣсти объ эмансипаціи подѣйствовали просто ошеломляющимъ образомъ. „Сначала простые слухи, потомъ дворянскія собранія съ ихъ адресами, потомъ губернскіе комитеты, потомъ редакціонныя коммиссіи,—все это изнуряло, поселяло смуту“. Многихъ особенно смущалъ вопросъ о томъ, въ какія отношенія придется стать съ прислугой (V, 44—46, 362—365).

Рисуя всю неподготовленность массы помѣщиковъ къ рѣшенію крестьянскаго вопроса, авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и на тѣ вліянія, которыя на его памяти содѣйствовали проникновенію въ извѣстную часть общества освободительныхъ идей. Въ очеркѣ „Дворянскія

---

[1]) Такая продажа крестьянъ на фабрику Хлудовыхъ была совершена въ 1857 г. въ рязанской губ. десятью помѣщиками. *Повалишинъ.* «Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные». Ряз. 1903 г., стр. 173—174.

мелодіи“ Салтыковъ упоминаетъ о западныхъ вліяніяхъ въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда молодые дворяне, „исполненные юношеской силы, обезпеченные“, не безъ пользы для ума и сердца исколесившіе всю Европу, не могли не почувствовать себя умиленными зрѣлищемъ общихъ симпатій къ угнетеннымъ и обдѣленнымъ, которыми обуревались тогда лучшіе умы Запада и въ особенности Франціи“... (III, 566; срав. IV, 274—275). Къ вліяніямъ западной жизни присоединились и освободительныя вліянія русской литературы. „Я помню „Деревню“, помню „Антона Горемыку“ [1]), говоритъ Салтыковъ, „помню такъ живо, какъ будто все это совершилось вчера. Это былъ первый благотворный весенній дождь, первыя хорошія, человѣчныя слезы, и, съ легкой руки Григоровича, мысль о томъ, что существуетъ мужикъ—человѣкъ, прочно залегла и въ русской литературѣ, и въ русскомъ обществѣ. А съ половины 50-хъ годовъ эта мысль сдѣлалась уже господствующею въ русской жизни“. („Круглый годъ“, VIII, 289—290). Вліянія литературы и освободительныя теченія въ наиболѣе интеллигентныхъ кружкахъ начали постепенно сказываться и въ массѣ общества [2]). „Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ“, говоритъ Салтыковъ въ другомъ произведеніи, „потомки лейбъ-компанцевъ начали задумываться. Крѣпостное право еще было въ самомъ разгарѣ, но въ самой совѣсти счастливыхъ дружинниковъ произошло раздвоеніе“. Молодые дружинники не имѣли „ни прежней цѣльности міросозерцанія, ни прежней вѣры въ крѣпостное право и его творческія силы. Это были люди колеблющіеся, не чуждые зачатковъ пробуждающейся совѣсти, но больше всего чистоплотные... Натворивъ тьму тьмущую несообразностей, то умывая руки и доказывая свою непричастность къ крѣпостному строю, то цѣпляясь за него“, они „въ одно прекрасное

---

[1]) Извѣстныя повѣсти Д. В. Григоровича, напечатанныя—первая въ «Отечеств. Запискахъ» 1846 г. № 12, вторая въ «Современникѣ» 1847 г. № 11.

[2]) См. объ этомъ подробно въ моемъ сочиненіи «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в.» Спб. 1888 г. т. II, и въ моей статьѣ въ сборникѣ «Крестьянскій строй», т. I, 1905 г.

утро, какъ тати, исчезли изъ насиженныхъ предками гнѣздъ, предоставивъ довѣреннымъ Финагенчамъ и Прохорычамъ продолжать исконное трезвенное пошехонское „дѣло“, а плоды его высылать имъ по мѣсту жительства“. („Пошехонскіе разсказы“, соч. VII, 457—458). Такой совѣстливости оказывалось недостаточно для правильнаго отношенія къ крестьянскому вопросу, и потому немудрено, что во время обсужденія крестьянской реформы представители той части дворянства, которая допускала освобожденіе, по словамъ Салтыкова, утверждали, что „истинная свобода должна быть ограничена: въ настоящемъ уплатой оброковъ, а въ будущемъ взносомъ выкупныхъ платежей; и что ежели все это не будетъ выполняемо своевременно и бездоимочно, го свобода перейдетъ въ анархію, а анархія—въ военную экзекуцію“; по ихъ мнѣнію, „необходимо дать дѣлу такое направленіе, чтобы крестьянинъ съ одной стороны сейчасъ-же почувствовалъ, а съ другой стороны помѣщикъ сколь возможно меньше ощутилъ“ (IV, 484, 485).

Не одинъ Салтыковъ въ такомъ печальномъ видѣ изображаетъ отношеніе массы дворянства къ упраздненію крѣпостного права. Извѣстный дѣятель по крестьянскому вопросу Ю. Ѳ. Самаринъ, въ печатномъ письмѣ къ Р. Фадѣеву (1875 г.) по поводу его книги „Русское общество въ настоящемъ и будущемъ. (Чѣмъ намъ быть?)“ (1874 г.), свидѣтельствуетъ, что періодъ времени съ обнародованія рескриптовъ имп. Александра II по крестьянскому дѣлу до тѣхъ поръ, когда большинство помѣщиковъ окончательно убѣдилось въ безповоротности уничтоженія крѣпостного права, программа большинства „могла бы быть выражена въ слѣдующихъ словахъ: пожертвовавъ съ перваго слова правомъ на личность [1])...

[1]) Считаемъ необходимымъ замѣтить съ своей стороны, что этого далеко нельзя считать общимъ правиломъ (срав. *Н. П. Семеновъ* I, 828; *Иванюковъ* «Паденіе крѣпостн. права», изд. 1-е стр. 234).

Даже Унковскій, тверской предводитель дворянства, извѣстный дѣятель въ эпоху крестьянской реформы, человѣкъ либеральнаго образа мыслей, въ проектѣ по крестьянскому вопросу, появившемся въ печати за границею въ апрѣлѣ 1859 г., говоритъ: «Справедливость требуетъ, чтобы при... освобожденіи крестьянъ помѣщики были вознаграждены какъ за землю, отходящую изъ ихъ владѣній, такъ и за самихъ освобожденныхъ крестьянъ», хотя послѣднюю обязанность авторъ и возлагалъ не на самихъ крестьянъ, а на государство.

продлить обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, отвести надѣлъ возможно скудный и на возможно ограниченный срокъ, растянуть, елико возможно, срокъ обязательной барщины, по крайней мѣрѣ вспомогательной (сгонные дни), наконецъ, сохранить въ возможно широкихъ предѣлахъ помѣщичью расправу и вотчинную юрисдикпію надъ крестьянамп... Въ этомъ духѣ составлена была большая часть проектовъ, представленныхъ большинствами губернскихъ комитетовъ". Когда же дворянство убѣдилось, что уничтоженіе крѣпостного права дѣло неизбѣжное, оно стало стремиться возможно скорѣе совершенно развязаться съ крестьянами—конечно на условіяхъ, по возможности, для него не безвыгодныхъ [1]).

Кавелинъ въ анонимной брошюрѣ: „Чѣмъ намъ быть. Отвѣтъ редактору газеты „Русскій міръ" (1875 г.), говоритъ о роли дворянства въ крестьянской реформѣ, что огромное большинство его, „сколько могло, тормозило освобожденіе, урѣзывало землю у крестьянъ на мѣстахъ, урѣзывало цифры ихъ надѣла въ государственномъ совѣтѣ, уступило царской волѣ крайне не охотно и до сихъ поръ продолжаетъ вздыхать по крѣпостному праву, гдѣ и когда можетъ срывая душу на мужикѣ"... Ссылаются на то, продолжаетъ Кавелинъ, „что главные дѣятели реформы были, въ огромномъ большинствѣ, дворяне; это безспорно, но при этомъ забываютъ, что дѣятели эти составили въ дворянствѣ незамѣтное меньшинство, что они были для дворянства предметомъ ненависти". По мнѣнію Кавелина, въ крестьянской реформѣ, „дворянство, какъ сословіе, было рѣшительно не причемъ" (стр. 44—45) [2]).

Мы видимъ такимъ образомъ, что Салтыковъ имѣлъ основаніе изображать роль массы дворянства въ крѣпостной реформѣ въ неблагопріятномъ свѣтѣ.

Но если дворянство такъ мало сдѣлало для рѣшенія крестьянскаго вопроса, то какъ объясняетъ себѣ Сал-

---

[1]) *Ю. Самаринъ* и *Ѳ. Дмитріевъ*. «Революціонный Консерватизмъ». Берл. 1875, стр. 28—29.

[2]) Напомнимъ еще, что по поводу словъ М. А. Безобразова: «дворянство доказало готовность» исполнить волю государя, Александръ II замѣтилъ: «хорошо доказало!» (*Семеновъ*. II, 951).

тыковъ возможность такого переворота въ нашей жизни, какимъ было упраздненіе крѣпостного права. Если не полный, точно формулированный отвѣтъ, то по крайней мѣрѣ ясный намекъ на него Салтыковъ даетъ въ одной изъ общественныхъ хроникъ, которыя онъ велъ (анонимно) въ „Современникѣ“ 1863 г. Указывая на то, что „жизнь признанная“ идетъ вяло, авторъ спрашиваетъ, гдѣ же скрывается настоящая историческая жизнь? гдѣ другая руководящая сила? Онъ не называетъ этой силы, но ссылается на реформу 19 февраля 1861 г., а изъ послѣдующаго ясно, что дѣло идетъ о нравственной силѣ народа, той самой силѣ, которая нѣкогда „выбросила изъ пучины“ Минина Сухорукова (кстати замѣтимъ, что слѣдовательно Салтыковъ не всегда видѣлъ въ прошломъ нашего народа однѣ мрачныя стороны, какъ въ этомъ упрекали его нѣкоторые критики). „Вникните въ смыслъ крестьянской реформы“, говоритъ авторъ, „взвѣсьте ея подробности, припомните обстановку, среди которой она совершилась, и вы убѣдитесь, во-первыхъ что, несмотря на всю забитость и безвѣстность, одна только эта сила и произвела всю реформу, и во вторыхъ, что, несмотря на неблагопріятныя условія, она успѣла положить на реформу неизгладимое клеймо свое, успѣла найти себѣ поборниковъ даже въ сферѣ ей чуждой“. Этимъ объясняется для Салтыкова и то, что народъ оказался подготовленнымъ къ реформѣ и что она сразу привилась [1]). Дополненіе къ этому объясненію мы находимъ въ другихъ, упомянутыхъ выше, произведеніяхъ Салтыкова, гдѣ авторъ указываетъ на могущественное вліяніе литературы и западнаго примѣра въ дѣлѣ рѣшенія крестьянскаго вопроса.

Когда реформа совершилась, дворяне негодовали на то, что ихъ обидѣли, спрашивали; „а какъ же наши права?“ и вымещали свою злобу на мировыхъ посредникахъ. Салтыковъ не разъ изображаетъ то, какъ негодующіе помѣщики „экзаменовали“, „поджаривали“ ми-

---

[1]) «Современникъ» 1863 г. № 5, стр. 227—232. Срав. ст. Н. Г. Чернышевскаго «Не начало ли перемѣны?» въ Современникѣ «1861 г.» № 11, стр. 104.

ровыхъ посредниковъ за то, что они смѣли ставить дворянъ на одну ногу съ крѣпостными при разбирательствѣ ихъ взаимныхъ пререканій [1]). Впрочемъ нашъ сатирикъ не забываетъ, что между дѣятельностью мировыхъ посредниковъ при самомъ началѣ крестьянской реформы и ихъ послѣдующими дѣйствіями—громадная разница (II, 385—386), и что нѣкоторые изъ нихъ свои прежнія продерзости предъ дворянствомъ загладили „раскаяніемъ“, подтвержденнымъ „цѣлымъ рядомъ дѣйствій“, въ родѣ вызова воинской команды въ деревню Проплеванную (IV, 386). Послѣ этого не удивительно, что, когда геров „Современной идилліи“ стали заниматься въ деревнѣ статистикой, то по вопросу о политической благонадежности обывателей имъ пришлось сдѣлать такую отмѣтку: „о формахъ правленія неслышно; объ революціяхъ извѣстно только одно, что когда вводили уставную грамоту, то пятаго человѣка наказывали на тѣлѣ“ (VII, 219).

Нужно замѣтить, впрочемъ, что, рисуя въ мрачномъ свѣтѣ роль дворянства въ крестьянской реформѣ, сатирикъ вовсе не отрицательно относился къ эпохѣ эмансипаціи вообще. Въ „Кругломъ годѣ“ онъ говоритъ: припомни годы „освобожденія“ и сознайся, что никогда этому слову не придавалось болѣе широкаго значенія, никогда интересъ, возбужденный имъ въ обществѣ, не граничилъ такъ близко съ энтузіазмомъ“ (VII, 289). Но тутъ, очевидно, рѣчь идетъ не о тѣхъ слояхъ общества, которые Салтыкову приходилось рисовать, когда онъ касался крестьянской реформы.

V.

Въ предъидущихъ главахъ мы собрали много фактовъ для исторіи крѣпостного права и крестьянскаго вопроса въ произведеніяхъ Салтыкова, но первое мѣсто

---

[1]) См. Сочиненія III, 202, 208, 210—211, 217—218. IV, 385. VIII, 285—286. Много интересныхъ данныхъ объ этомъ времени можно найти въ запискахъ С. И. Носовича (1861—64 г г.), изданныхъ подъ заглавіемъ «Крестьянская реформа въ новгородской губ.» Спб. 1900 г.

въ этомъ отношеніи занимаетъ блестящая картина дореформеннаго крѣпостничества, называемая „Пошехонскою стариною“. Это въ высокой степени талантливое произведеніе навсегда останется однимъ изъ лучшихъ источниковъ для исторіи дворянства и крѣпостного права въ первой половинѣ XIX вѣка [1]), и оно тѣмъ болѣе драгоцѣнно, что Салтыковъ вовсе не старается налагать какъ можно болѣе мрачныя краски, а правдиво рисуетъ то, что ему пришлось видѣть на своемъ вѣку. Правда, нельзя не замѣтить, что въ „Пошехонской старинѣ“ историкъ находитъ гораздо болѣе матеріала для характеристики быта дворовыхъ, чѣмъ для изображеніи жизни помѣщичьихъ крестьянъ, но авторъ даетъ нѣсколько цѣнныхъ указаній и относительно крѣпостного крестьянскаго міра.

Салтыковъ справедливо замѣчаетъ, что положеніе крестьянъ у мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ было гораздо тяжелѣе, чѣмъ у болѣе крупныхъ владѣльцевъ. Изъ числа этихъ послѣднихъ даже у такой требовательной помѣщицы, какъ г-жа Затрапезная, въ томъ ея имѣніи, гдѣ крестьяне были на барщинѣ, общимъ правиломъ считалось, что половина взрослыхъ работниковъ работала на помѣщика, а остальные на себя (техническое названіе такой работы—„братъ на брата“), и случайно забранные у крестьянъ впередъ дни зачитывались имъ впослѣдствіи“ (гл. XVII), но и тутъ случалось, что помѣщица приказывала всѣмъ крестьянамъ работать на себя въ ненастные дни, а въ хорошіе требовала всѣхъ поголовно на барщину (гл. XXV). Не слѣдуетъ, однако, думать, что работа „братъ на брата“ была въ первой половинѣ XIX вѣка наиболѣе обычнымъ размѣромъ повинностей крѣпостныхъ крестьянъ въ пользу господина. Изъ свидѣтельствъ современниковъ, хорошо знакомыхъ съ бытомъ крѣпостныхъ крестьянъ, какъ, напр., Заблоцкаго-Десятовскаго, въ его извѣстной запискѣ 1841 г. [2]), мы знаемъ, что обыкновенно помѣщики не

---

[1]) Главный фонъ «Пошехонской старины» относится къ тридцатымъ годамъ нынѣшняго столѣтія, но въ нѣкоторыхъ главахъ авторъ доводитъ разсказъ и до шестидесятыхъ годовъ.

[2]) Она напечатана въ приложеніи къ т. IV труда Заблоцкаго-Десятовскаго «Гр. Киселевъ и его время».

довольствовались поголовною трехдневною барщиною (которой равнялась работа „братъ на брата“), а требовали болѣе тяжелаго издѣлья [1]). Это доказываетъ, что Салтыковъ не желалъ въ „Пошехонской старинѣ“, какъ и въ другихъ своихъ произведеніяхъ, преувеличивать тяжесть положенія крѣпостныхъ, и что мы можемъ съ большимъ довѣріемъ относиться къ тѣмъ его показаніямъ, гдѣ рѣчь идетъ о мрачныхъ сторонахъ быта крѣпостныхъ. Если въ крупныхъ вотчинахъ издѣльная повинность крестьянъ была, по мнѣнію Салтыкова, ближе къ указанной нормѣ, то крѣпостной мелкомѣстныхъ помѣщиковъ, по его словамъ, „до того изнурялся непосильною барщиною, что даже по наружному виду можно было сразу отличить его въ толпѣ другихъ крестьянъ. Онъ былъ и испуганнѣе, и тощѣе, и слабосильнѣе, и малорослѣе. Однимъ словомъ, въ общей массѣ измученныхъ людей былъ самымъ измученнымъ. У многихъ мелкомѣстныхъ мужикъ работалъ на себя только по праздникамъ, а въ будни въ ночное время. Такъ что лѣтняя страда этихъ людей просто-напросто превращалась въ сплошную каторгу“ (гл. I). О такихъ помѣщикахъ, по словамъ Салтыкова, такъ и говорили, что, „крестьяне у нихъ только по имени крестьяне, а въ сущности *тѣ-же дворовые*“. Но авторъ вновь оговаривается, что „въ большинствѣ случаевъ это водилось только между мелкомѣстными и сходило съ рукъ лишь до тѣхъ поръ, покуда мирволилъ предводитель дворянства“. (Извѣстно, впрочемъ, что мѣра долготерпѣнія и снисходительности этихъ лицъ къ своему брату-помѣщику была слишкомъ велика). Авторъ говоритъ, что зналъ одного такого помѣщика, владѣльца 70 душъ крестьянъ, томившаго своихъ крѣпостныхъ на барщинѣ всѣ шесть дней въ недѣлю. У этого господина „даже приготовленіе пищи разрѣшалось крестьянамъ въ страдное время только разъ на цѣлую недѣлю, и именно въ воскресенье“, когда барщины не было. „Поэтому крестьяне жали свой хлѣбъ и косили траву урывками по ночамъ, а днемъ дѣти и подростки сушили сѣно и вя-

---

[1]) Въ «Мелочахъ жизни» самъ Салтыковъ свидѣтельствуетъ, что законъ о трехдневной барщинѣ исполнялся рѣдко.

зали снопы. Само собою разумѣется, что такая работа не особенно спорилась, тѣмъ больше, что помѣщикъ не давалъ засиживаться въ подросткахъ и мальчика 15 лѣтъ уже сажалъ на тягло. *И никто не называлъ его мучителемъ, а напротивъ всѣ указывали на него, какъ на образцоваго хозяина*“ (гл. XVII). Эта послѣдняя черта убѣждаетъ насъ въ томъ, что масса помѣщиковъ, если не доходила въ своихъ требованіяхъ до шестидневной поголовной барщины, то все-таки не могла, при такихъ воззрѣніяхъ, удовольствоваться ея узаконеннымъ размѣромъ. Салтыковъ подробнѣе изображаетъ тотъ же самый типъ въ особой главѣ подъ названіемъ: „Образцовый хозяинъ“ (гл. XXVIII).

Отъ требованія шестидневной барщины былъ очень легокъ переходъ и къ совершенному обращенію крестьянъ въ дворовые, въ такъ называемые „мѣсячники“. Такой случай, относящійся къ первой четверти XIX-го столѣтія, приводитъ и Салтыковъ (см. гл. VIII). Количество крѣпостныхъ крестьянъ, обращенныхъ въ *мѣсячниковъ*, къ концу царствованія имп. Николая, какъ мы уже упоминали, все увеличивалось [1]).

Положеніе крестьянъ становилось также въ высшей степени тяжелымъ въ томъ случаѣ, если помѣщикъ предоставлялъ управленіе имѣніемъ какому нибудь „излюбленному“ лакею, что, къ прискорбію крестьянъ, случалось иногда и съ оброчными вотчинами [2]).

---

[1]) Отмѣтимъ еще одну, черту въ ряду помѣщичьихъ насилій, хорошо рисующую полное безправіе крестьянъ. Одинъ крестьянинъ г-жи Затрапезной сталъ разживаться и приписывалъ это благотворному вліянію иконы, которую онъ откуда-то досталъ. Помѣщица, узнавъ объ этомъ, отнимаетъ у мужика приносившую ему счастіе икону, и на крестьянина это производитъ такое сильное впечатлѣніе, что онъ вновь разоряется (гл. IV).

[2]) «Главный контингентъ этого рода управляющихъ», говоритъ Салтыковъ, «доставляли люди, до мозга костей развращенные и выслужившіеся при помощи разныхъ зазорныхъ услугъ. По одному капризу имъ ничего не стоило, въ самое короткое время, зажиточнаго крестьянина довести до нищенства, а ради удовлетворенія минутнымъ вспышкамъ любострастія отнять у мужа жену или обезчестить крестьянскую дѣвушку. Жестоки они были неимовѣрно, но такъ какъ въ то-же время строго блюли барскій интересъ, то никакія жалобы на нихъ не принимались. Много горя приняли отъ нихъ

Въ противоположность такимъ управляющимъ изъ лакеевъ, Салтыковъ рисуетъ намъ старосту г-жи Затрапезной, вѣрнаго барскаго слугу, одного изъ тѣхъ немногихъ, „которые сознаютъ себя воистину крѣпостными, не только за страхъ, но и за совѣсть“. Онъ неумолимо преслѣдовалъ всякое похищеніе барскаго добра, и даже на смертномъ одрѣ прежде всего думалъ о барскомъ интересѣ; но въ то-же время не только не былъ строгъ съ крестьянами, но даже вступался за нихъ передъ барыней, и умѣлъ своими разумными возраженіями остановить то или другое вредное для крестьянъ барское распоряженіе (гл. IV и XXV).

Авторъ отмѣчаетъ также нѣкоторые обычаи, въ извѣстныхъ, хотя бы и рѣдкихъ, случаяхъ, приносившіе крѣпостнымъ облегченіе ихъ тяжелой судьбы. Такъ напр., даже у такой суровой помѣщицы, какъ г-жа Затрапезная, семья женщины, взятой кормилицей въ барскій домъ, пользовалась слѣдующею льготою: за исправную выкормку барченка или барышни обыкновенно отпускали на волю кого-либо изъ дѣтей кормилицы [1]). Но и тутъ иногда злая судьба преслѣдовала несчастныхъ крѣпостныхъ: случалось, что изъ бѣдной семьи не удавалось „вольную“ дѣвушку выдать замужъ на сторону, а съ выходомъ за своего однодеревенца она вновь закрѣпощалась (гл. II).

Салтыковъ справедливо изображаетъ жизнь оброчныхъ крестьянъ болѣе льготною, чѣмъ въ имѣніяхъ,

---

крестьяне, но за то и глубоко ненавидѣли ихъ, такъ что зачастую приходилось слышать, что тамъ то или тамъ-то укокошили управителя и что при этомъ были пущены въ ходъ такіе утонченные пріемы, которые вовсе не свойственны простодушной крестьянской природѣ, и которые могла вызвать только неудержимая потребность отмщенія. При такихъ извѣстіяхъ, вся помѣщичья среда обыкновенно затихала, но спустя короткое время забывала о случившемся и вновь съ легкимъ сердцемъ принималась за старые подвиги» (гл. XVII).

[1]) «Впрочемъ», оговаривается авторъ, «отпускали исключительно дѣвочекъ, такъ какъ увольненіе мальчика (будущаго тяглеца) считалось убыточнымъ; дѣвка же и по достиженію совершенныхъ лѣтъ продавалась на выводъ не дороже 60 руб. ассигнаціями» (очевидно въ тридцатые годы).

состоявшихъ на барщинѣ, но тутъ помѣщичій гнетъ иногда дополнялся давленіемъ разбогатѣвшихъ односельчанъ. Такъ въ пріобрѣтенной г-жею Затрапезною большой оброчной вотчинѣ, населеніе которой занималось отхожимъ трактирнымъ промысломъ, „богатѣи“, дѣлавшіе обороты на десятки тысячъ, владѣльцы каменныхъ домовъ, держали все село въ своихъ рукахъ, а окружающія деревни стояли не на ровной ногѣ съ селомъ: онѣ не участвовали въ доходахъ съ площади въ селѣ, на которой, по извѣстной таксѣ, собирались сборы съ возовъ, лавокъ, трактира и кабака. Относительно помѣщиковъ оброчные крестьяне находились въ болѣе льготномъ положеніи, чѣмъ барщинные, такъ что съ переходомъ вышеуказанной оброчной вотчины въ руки даже такой властной помѣщицы, какъ г-жа Затрапезная, крестьяне нѣкоторое время не допускали ее до распоряженій по торговой площади и продолжали устанавливать „площадный обиходъ“ черезъ своихъ выборныхъ; госпожѣ „не малыхъ усилій стоило, чтобы одержать побѣду надъ крестьянской вольницей и осуществить свое помѣщичье право“. Тѣмъ не менѣе помѣщица находила нужнымъ поддерживать добрыя отношенія съ наиболѣе богатыми крестьянами и при своихъ наѣздахъ въ вотчину удостоивала такихъ богатѣевъ своимъ посѣщеніемъ и принимала ихъ угощеніе. Нѣкоторымъ изъ этихъ богатыхъ крестьянъ она даже давала взаймы деньги для оборотовъ, конечно, за высокіе проценты.

Описывая положеніе этой крупной, богатой, оброчной вотчины, Салтыковъ отмѣчаетъ слѣдующую любопытную черту. Въ числѣ крестьянъ этой вотчины, пріобрѣтенной г-жею Затрапезною, былъ одинъ, по фамиліи Бодрецовъ, котораго называли „бариномъ“. Дѣйствительно, у него было собственныхъ 50 душъ крестьянъ, купленныхъ на имя прежняго владѣльца. Прежній помѣщикъ не вмѣшивался въ его управленіе, несмотря на то, что на „барина“ постоянно приносили жалобы. На жалобахъ этихъ помѣщикъ писалъ: „сіи крестьяне суть собственность Бодрецова, а собственность для меня священна“. Когда имѣніе перешло къ г-жѣ Затрапезной, „она съ крестьянами Бодрецова поступила на законномъ основаніи, т.-е. осуществила свое законное право на нихъ de facto“ (гл. IX). Присвоить этихъ крестьянъ было тѣмъ легче

что помѣщичьи крестьяне не имѣли по закону права владѣть крѣпостными и если покупали ихъ, какъ въ данномъ случаѣ, то не иначе, какъ на имя помѣщика.

Случай, указанный Салтыковымъ, хотя и не былъ заурядным явленіемъ, но въ то-же время его нельзя считать и совершенно исключительнымъ. Одинъ изъ извѣстныхъ братьевъ Орловыхъ, гр. Владиміръ Григорьевичъ, хорошій хозяинъ, дозволялъ своимъ крестьянамъ пріобрѣтеніе крѣпостныхъ на извѣстныхъ условіяхъ, о которыхъ находимъ свѣдѣнія въ составленномъ имъ Уложеніи для управленія его вотчинами. Его крестьяне, желавшіе купить „для услугъ своихъ“ работниковъ или работницъ, должны были просить позволенія у бурмистра; тотъ прежде всего собиралъ свѣдѣнія, стоятъ-ли они этой милости, т. е. можно-ли ожидать, что они „будутъ содержать купленныхъ людей порядочно, не отягчать лишнею работою и не наказывать не дѣльно“, и доносилъ объ этомъ господину, отъ котораго и получалось разрѣшеніе; если же просившіе не стоили этой милости, то бурмистръ отказывалъ имъ собственною властью [1]). Запрещалось также покупать людей порочныхъ, чтобы не причинить безпокойство господину и его конторѣ. Сельское начальство вообще, а особенно бурмистръ, по Уложенію В. Г. Орлова, должны были наблюдать, чтобы хозяева хорошо обходились съ купленными ими людьми. О тѣхъ, кто нарушитъ это правило, слѣдовало доносить въ главную контору съ мнѣніемъ, куда дѣвать купленныхъ ими людей; если же хозяева особенно дурно вели себя, то позволялось отбирать у нихъ ихъ людей и безъ всякаго вознагражденія. Такое наказаніе должно было предостерегать и другихъ хозяевъ отъ дурного обращенія съ купленными ими людьми; однако, если оказывалось, что по ошибкѣ были пріобрѣтены люди дурные и лѣнивые, то дозволялось самимъ хозяевамъ наказывать и исправлять“ ихъ или обращаться съ этою цѣлью къ бурмистру.

---

[1]) По неизданной инструкціи прикащику гр. Шереметева (1764 г.) крестьянамъ также дозволялось покупать людей и крестьянъ въ работу на имя помѣщика «съ вѣдома и свидѣтельства» прикащиковъ и выборныхъ.

Люди неисправимые могли быть также отобраны у хозяевъ [1]). Нужно еще замѣтить, что хозяева купленныхъ людей (въ вотчинахъ Орлова) не должны были платить за нихъ оброка господину, но однако-же обязаны были вносить подушныя деньги и нести рекрутскую повинность, не возлагая того и другого на крестьянское общество [2]). Крѣпостные крестьяне нѣкоторыхъ богатыхъ помѣщиковъ имѣли весьма значительное количество купленныхъ крестьянъ. Такъ, по свидѣтельству француза Пассенана, издавшаго въ первой половинѣ двадцатыхъ годовъ XIX в. интересную книгу о крѣпостномъ правѣ въ Россіи, одинъ крѣпостной гр. Шереметева владѣлъ 500 душъ крестьянъ, а по свидѣтельству Гакстгаузена, въ 1840-хъ годахъ нѣкоторые крѣпостные Шереметева имѣли отъ 600 до 700 крѣпостныхъ.

Это свидѣтельство Пассенана и барона Гакстгаузена подтверждается имѣющимися у насъ неизданными документами, изъ которыхъ видно, что въ 1777 году крестьянинъ гр. Шереметева, Сеземовъ, купилъ на имя своего помѣщика село Богородское въ Унженскомъ уѣздѣ Костромской губерніи, въ которомъ было 429 душъ мужского пола (за что онъ заплатилъ около 30.000 руб.), послѣ чего гр. Шереметевъ послалъ указъ крестьянамъ этого села, чтобы они были послушны Сеземову. Въ слѣдующемъ году Сеземовъ сталъ жаловаться графу на ослушаніе купленныхъ имъ крестьянъ. Имъ велѣно было повиноваться, и нѣкоторые за ослушаніе были наказаны, а Сеземову, на котораго крестьяне жаловались, что онъ обременяетъ ихъ тяжелыми поборами, велѣно было брать съ нихъ оброка по 3 рубля, да сверхъ того на припасы и подводы по 50 к. Когда Сеземовъ, занимавшійся откупами, за накопленіе казенной недоимки былъ отправленъ въ ссылку въ Оренбургъ, то доходы съ его имѣнія посылались ему туда. Онъ завѣщалъ имѣніе

---

[1]) Ограниченіе власти хозяевъ надъ купленными ими людьми, по Уложенію Орлова, сказалось между прочимъ и въ томъ, что, хотя имъ было позволено выдавать своихъ женщинъ замужъ за посторонних, но велѣно не брать за нихъ выводныхъ денегъ.

[2]) Подобное же правило—и въ неизданной инструкціи (1764 г.) гр. Шереметева его прикащику.

своимъ родственникамъ съ обязательствомъ производить изъ доходовъ извѣстные платежи, но по смерти его и, нѣсколько позднѣе, его жены село Богородское поступило въ собственность гр. Н. П. Шереметева [1]).

Такимъ образомъ даже у наиболѣе богатыхъ помѣщиковъ крестьяне не были гарантированы отъ присвоенія господиномъ ихъ движимаго и недвижимаго имущества; тѣмъ съ большею безцеремонностью помѣщики обращались съ трудомъ своихъ крѣпостныхъ.

Но какова бы ни была жизнь крѣпостныхъ крестьянъ, имъ жилось легче, нежели дворовымъ. Незавидное существованіе дворни, по мѣткому замѣчанію Салтыкова, „въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ взгляда, установившагося вообще между помѣщиками на трудъ дворовыхъ людей. Трудъ этотъ, состоявшій преимущественно изъ мелкихъ домашнихъ послугъ, не требовавшихъ ни умственной, ни даже мускульной силы..., считался не только легкимъ, но даже какъ бы отрицаніемъ дѣйствительнаго труда. Казалось, что люди не работаютъ, а суетятся, „мечутся какъ угорѣлые“. Отсюда эпитеты, которыми такъ охотно награждали дворовыхъ: лежебоки, дармоѣды, хлѣбогады. Сгинетъ одинъ лежебокъ,—его безъ труда можно замѣнить другимъ, другого—третьимъ и т. д. Во всякой помѣщичьей усадьбѣ этого добра было безъ счету. Исключеніе составляли мастера и мастерицы. Ими, конечно, дорожили больше („дай ему плюху, а онъ тебѣ цѣлую штуку матеріи испортитъ!“), но скорѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ, такъ какъ основные порядки (пища, помѣщеніе и проч.) были установлены одни для всѣхъ, а слѣдовательно и они участво-

[1]) Любопытные документы по этому дѣлу сообщены намъ присяжнымъ повѣреннымъ Д. І. Невядомскимъ, которому и приносимъ нашу искреннюю благодарность. Они подробно изложены нами въ книгѣ «Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II» т. I, изд, 2-е, 1903 г., 341—356. О присоединеніи къ имѣніямъ гр. Шереметевыхъ, во время малолѣтства одного изъ нихъ. опекунами молодого графа всѣхъ недвижимыхъ имѣній, купленныхъ на имя господина его крѣпостными и о присвоеніи гр. Шереметевымъ 150.000 р., оставшихся въ ломбардѣ по смерти одного его крестьянина. см. также у Н. И. Тургенева «La Russie et les Russes», 1847, t. II, 90—91.

вали въ общей невзгодѣ на ряду съ прочими „дармоѣдами“ [1]).

Личныя воспоминанія заставили Салтыкова съ особеннымъ вниманіемъ остановиться на ужасной судьбѣ дворовыхъ дѣвушекъ, которыя на тогдашнемъ цинническомъ языкѣ назывались „дѣвками“.

Дѣвка», говоритъ Салтыковъ, «была существо не только безотвѣтное, но и дешевое, что въ значительной степени увеличивало ся безотвѣтность. О «дѣвкѣ», говорили: «дешевле пареной рѣпы», или: «по грошу пара»—и соотвѣтственно съ этимъ цѣнили ея услуги. Дворовымъ человѣкомъ до извѣстной степени дорожили между прочимъ и потому, что дворового можно было отдать въ солдаты, въ зачетъ будущихъ наборовъ, и квитанцію съ выгодою продать. Изъ «дѣвокъ» цѣнили только ключницу, горничную барыни, да можетъ быть какую-нибудь искусную мастерицу, обученную въ Москвѣ на Кузнецкомъ мосту. «Всѣ прочія составляли безразличную массу, каждый членъ которой могъ быть безъ труда замѣненъ другими. Всѣ пряли, всѣ вязали чулки. вышивали въ пяльцахъ, плели кружева. И изъ-за взрослыхъ всегда выглядывалъ на смѣну контингентъ подростковъ. По этому ихъ плохо кормили, одѣвали въ затрапезъ и мало давали спать, изнуряя почти непрерывной работой [2]), и было ихъ у всѣхъ помѣщиковъ великое множество» гл. III) [3]).

Салтыковъ раскрываетъ еще одну сторону въ жизни дворовыхъ, на которую правда и ранѣе его указала наша литература [4]),—стѣсненіе ихъ помѣщиками въ самой интимной сторонѣ человѣческой жизни—въ дѣлѣ брака, но нашъ сатирикъ съ большою энергіею и талантомъ выставляетъ на позоръ эту черту крѣпостническихъ нравовъ.

---

[1]) У «образцовыхъ» помѣщиковъ даже такое невинное удовольствіе, какъ пѣсни, воспрещалось дворовымъ, если, конечно, помѣщикъ, для собственнаго услажденія, не составлялъ изъ нихъ хора пѣвчихъ, домашняго оркестра, и т. д. (гл. XXVI). Объ обращеніи господъ съ мужскою прислугою, положеніе которой было все таки сноснѣе, чѣмъ женской, см. въ III, XVII и XXVII главахъ «Пошехонской Старины».

[2]) Авторъ оговаривается: «разумѣется встрѣчались помѣщичьи дома, гдѣ и дворовымъ дѣвкамъ жилось изрядно, но въ большей части случаевъ тутъ примѣшивался гаремный оттѣнокъ»

[3]) Въ другой главѣ «Пошехонской старины» Салтыковъ даетъ подробное описаніе жизни дворовыхъ дѣвушекъ въ домѣ г-жи Затрапезной, въ которомъ много и общихъ чертъ (смотри гл. XVII).

[4]) Напр. Тургеневъ въ разсказѣ: «Ермолай и мельничиха», вошедшемъ въ составъ «Записокъ Охотника» и первопачально напечатанномъ въ «Современникѣ» 1847 г. № 6.

«У большинства помѣщиковъ, говоритъ онъ, было принято за правило не допускать браковъ между дворовыми людьми. Говорилось прямо: разъ вышла дѣвка замужъ, она ужъ не слуга, ей впору дѣтей родить, а не господамъ служить. А иные къ этому цинично прибавляли: на нихъ, кобылъ, и жеребцовъ не напасешься. Съ дѣвки всегда спрашивалось больше. нежели съ замужней женщины: и лишняя талька пряжи, и лишній вершокъ кружева и т. д. Поэтому былъ прямой разсчетъ, чтобы дѣвичье цѣломудріе не нарушалось. Отсюда циничное и возмутительное выслѣживаніе «дѣвокъ». Процедура выслѣживанія была омерзительна до послѣдней степени. Устраивали засады, подстерегали по ночамъ, рылись въ грязномъ бѣльѣ и проч. И когда, наконецъ, улики были на лицо, начинался цѣлый адъ. Иногда, не дождавшись разрѣшенія отъ бремени, виновную (какъ тогда говорили, «съ кузовомъ»), выдавали за крестьянина дальней деревни, непремѣнно за бѣднаго и притомъ вдовца съ большимъ семействомъ. Словомъ сказать, трагедіи самыя несомнѣнныя совершались на каждомъ шагу, и никто не подозрѣвалъ, что это трагедія, а говорили резонно, что съ «подлянками» иначе поступать нельзя. Были впрочемъ и либеральные помѣщики. Эти не выслѣживали дѣвичьихъ беременностей, но замужъ выходить все-таки не позволяли, такъ что сколько бы ни было у дѣвки дѣтей, ее продолжали считать «дѣвкою» до смерти, а дѣти ея отдавались въ дальнія деревни въ *дѣти* крестьянамъ. И все это хитросплетеніе допускалось ради лишней тальки пряжи, ради лишняго вершка кружева» (гл. III).

Художественною иллюстраціею къ этому описанію служитъ превосходный разсказъ о „безсчастной Матренкѣ“. За первую беременность ее сослали на скотную, и когда она поправилась, возвратили въ дѣвичью, а ребенка отдали къ бездѣтному мужику въ „дѣти“. За вторую беременность госпожа приказываетъ выдать провинившуюся замужъ въ дальнюю украинскую деревню за самаго плохого мальчишку-гаденка, лишь бы онъ имѣлъ законныя лѣта. Староста дальней деревни подъискиваетъ подобнаго „гаденка“ и присылаетъ его для отбытія такой странной повинности, какъ женитьба на забеременѣвшей не отъ него дѣвушкѣ. Понятно, что молодой парень относится къ ней съ величайшею злобою, и какъ это, такъ и опасеніе постоянныхъ преслѣдованій со стороны его родителей и наконецъ сознаніе, что она дѣлается причиною несчастья ни въ чемъ неповиннаго человѣка, доводятъ бѣдную дѣвушку до самоубійства (гл. XXII).

Не имѣя права на естественный исходъ въ видѣ брака для такого законнаго чувства, какъ любовь, крѣ-

постныя дѣвушки испытывали еще худшее горе, чѣмъ подневольное безбрачіе: онѣ нерѣдко становились жертвою барскаго разврата. Такъ Салтыковъ упоминаетъ, что тотъ же помѣщикъ, который перечислилъ всѣхъ своихъ крестьянъ въ дворовые, содержалъ у себя цѣлый гаремъ, во главѣ котораго стояла экономка, жена крѣпостного крестьянина, отнятая помѣщикомъ у мужа (гл. VIII). Въ другомъ мѣстѣ нашъ сатирикъ свидѣтельствуетъ, что „гаремная жизнь... была достаточно таки распространена и нерѣдко служила поводомъ для трагическихъ развязокъ“ (гл. XXVI) [1]).

Насильственную смерть вполнѣ заслужила жестокая помѣщица, типическій образъ которой авторъ изображаетъ подъ именемъ „тетеньки Анфисы Петровны“. Про нее разсказывали, что, еще будучи въ дѣвушкахъ, она защипала до смерти данную ей въ услуженіе дѣвчонку; и позднѣе, уже въ замужествѣ, она, „становясь на молитву, ставила рядомъ съ собою горничную, и за каждымъ словомъ щипала ее, или приказывала щеко-

[1]) Объ одномъ изъ подобныхъ случаевъ авторъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности. Помѣщика, Петра Антоныча Грибкова, о которомъ Салтыковъ говоритъ, что «это былъ въ полномъ смыслѣ слова извергъ», «всѣ единогласно называли Псомъ Антонычемъ»: очевидно онъ превысилъ мѣру даже дворянской снисходительности къ прегрѣшеніямъ своихъ собратьевъ. «Въ особенноети возмутительны были», разсказываетъ Салтыковъ, «подробности гаремной жизни, которую онъ велъ. Вслѣдствіе этого изъ сосѣдей не только никто не водилъ съ нимъ знакомства, но даже говорить о немъ избѣгали: какъ будто боялись, что одно упоминовеніе его имени произведетъ смуту между домочадцами. Нѣсколько разъ его судили, неоднократно устраивали опеку и выселяли изъ имѣнія съ воспрещеніемъ въѣзда, но, благодаря послабленіямъ опекуновъ и отдаленному родству съ предводителемъ Струнниковымъ, онъ преспокойно продолжалъ жить въ своемъ имѣніи и безчинствовать. Но, наконецъ, его постигла казнь... Ночью человѣкъ тридцать крестьянъ (почти вся вотчина) оцѣпили господскій домъ, ворвались въ спальню и, повѣсивъ барина за ноги, зажгли домъ со всѣхъ сторонъ... Только немногія изъ гаремныхъ узницъ успѣли спастись и впослѣдствіи явились по дѣлу докащицами, (гл. XXX). Описаніе гарема помѣщика нижегородской губ. Кошкарова (1820-хъ г.г.) см. въ запискахъ Я. М. Невѣрова въ «Рус. Стар.», 1883 г. № 11, стр. 430—446. У одного помѣщика въ царствованіе Александра I въ гаремъ поступали даже его незаконныя дочери, которымъ было запрещено говорить, кто ихъ отецъ. «Записки Басаргина». «Девятнадцатый Вѣкъ» изд. Бартенева, I, 193—194.

тать провинившуюся „дѣвку“ до пѣны у рта, или гонять на кордѣ, какъ лошадь, подстегивая сзади арапникомъ. Подобныя истязанія возобновлялись въ ея имѣніи „почти ежедневно“ и до поры до времени сходили съ рукъ совершенно безнаказанно [1]). Неудивительно, что дворовыя дѣвушки, наконецъ, задушили эту барыню подушками (гл. VIII).

Совершенно исключительно была судьба мужа этой госпожи. Когда за засѣченіе до смерти своей крѣпостной онъ былъ приговоренъ къ лишенію чиновъ и дворянства и отдачѣ безъ срока въ солдаты, то его жена, извѣстная намъ тетушка Анфиса Петровна, предложила ему, передавъ ей имѣніе, самому объявиться мертвымъ. Кстати умеръ одинъ дворовый, который и былъ похороненъ подъ именемъ боярина Савельцева, а послѣдній обратился въ крѣпостного своей жены [2]).

Исторія эта, замѣчательна художественно разсказанная Салтыковымъ, представляетъ новую страницу въ прошлой жизни нашего дворянства. Что помѣщики, повинные въ замучиваніи до смерти своихъ крѣпостныхъ, въ виду грозившей имъ кары объявляли себя мертвыми,—это извѣстно было и до „Пошехонской старины“, но превращеніе въ крѣпостного собственной жены и всѣ послѣдствія этого превращенія представляютъ вполнѣ новый и оригинальный фактъ изъ помѣщичьихъ нравовъ дореформенной эпохи.

Мы уже говорили, что Салтыковъ вовсе не стремился изображать однѣ темныя стороны въ жизни на-

---

[1]) Вотъ какую картину пришлось увидѣть въ дѣтствѣ, въ имѣніи этой госпожи, самому автору «Пошехонской старины»: «У конюшни на кучѣ навоза, привязанная локтями къ столбу, стояла дѣвочка лѣтъ 12-ти и рвалась во всѣ стороны. Былъ уже второй часъ дня солнце такъ и обливало несчастную своими лучами. Рои мухъ поднимались изъ навозной жижи, вились надъ ея головой и облѣпляли ея воспаленное, улитое и слезами, и слюною лицо. По мѣстамъ образовались уже небольшія раны, изъ которыхъ сочилась сукровица».

[2]) Онъ ходилъ вмѣстѣ съ другими на барщину, ѣлъ прокислое молоко, мякинный хлѣбъ и пустыя щи. Однажды помѣщица вздумала погонять мужа на кордѣ; онъ попробовалъ жаловаться: его водворили на мѣсто жительства, однако предводитель потребовалъ отъ Анфисы Петровны, чтобы она оставила мужа въ покоѣ, въ случаѣ же повторенія истязаній, грозилъ ходатайствовать о взятіи ея имѣнія въ опеку. Тогда Анфиса Петровна, перестав посылать мужа на барщину, превратила его въ шута (гл. VIII).

шей крѣпостной массы, и не его вина, если свѣтлыхъ явленій оказывалось немного. Такъ онъ указываетъ на нѣсколько добрыхъ помѣщиковъ и помѣщицъ,—во-первыхъ, предводителя Струнникова, у котораго „всѣ выработанныя крѣпостною легальностью ограниченія, дававшія подневольному люду возможность вздохнуть, соблюдались безусловно“, у котораго „мужики жили исправно и чрезъ мѣру барщиною не отягощались, и даже дворовые смотрѣли весело“ (гл. XXVII), затѣмъ „тетушку Сластену“, далѣе француженку, вдову одного аристократа, которая и при крѣпостномъ правѣ была добра къ крестьянамъ, и послѣ ихъ освобожденія мирно заключила съ ними уставную грамоту, а изъ дворовыхъ—молодыхъ распустила до срока, а старикамъ выстроила избы, отвела огороды и назначила пенсіи (гл. I), и наконецъ одну изъ мелкопомѣстныхъ помѣщицъ, выведенныхъ авторомъ подъ названіемъ „словущенскихъ дамъ“: она еще при жизни отпустила на волю дворовыхъ, изъ которыхъ только и состояла ея вотчина, и подарила имъ усадьбу и землю въ собственность, подъ условіемъ, что до ея смерти они останутся на прежнемъ положеніи.

Мы видѣли, какъ много матеріала для историка крѣпостного права даетъ „Пошехонская старина“ и относительно быта помѣщичьихъ крестьянъ, и еще болѣе относительно жизни дворовыхъ. Но всего замѣчательнѣе въ этомъ произведеніи тѣ типы дворовыхъ, которые изображаетъ авторъ, та психологія подневольнаго человѣка, которая составляетъ совершенную новость въ нашей литературѣ и гдѣ авторъ возвышается мѣстами до положительно геніальныхъ характеристикъ. Стоитъ сравнить эти главы произведенія Салтыкова съ довольно поверхностными очерками Гончарова о слугахъ, чтобы понять, на сколько лучше этого послѣдняго писателя понималъ крѣпостной міръ нашъ знаменитый сатирикъ [1]).

Остановимся прежде всего на очеркѣ „Мавруша-Новоторка“, гдѣ Салтыковъ изображаетъ горестную судьбу мѣщанки, вышедшей замужъ за крѣпостного

---

[1]) Въ «Обломовѣ» Гончаровъ талантливо обрисовалъ Захара, слугу своего героя, но положеніе его у облѣнившагося барина слишкомъ исключительное, и мы не находимъ въ этомъ романѣ данныхъ для характеристики обычнаго положенія дворовыхъ.

живописца г-жи Затрапезной. Выходя замужъ за крѣпостного, она не имѣла понятія о томъ, что ей предстоитъ. Во время брака ея мужъ былъ на оброкѣ, но вотъ года черезъ два послѣ того его потребовали къ барынѣ для домашнихъ работъ. Онъ явился одинъ, но ему было приказано вытребовать и жену. Тщетно несчастный живописецъ молилъ отпустить его, предлагая вносить двойной оброкъ и даже обязываясь поставить за себя другого такого-же работника,—госпожа и слышать ничего не хотѣла, и такъ какъ жена живописца не являлась добровольно, ее привели по этапу. Первое время она исполняла ту нетяжелую работу, которую на нее наложили (печеніе хлѣбовъ), но затѣмъ она рѣшилась протестовать. Помѣщица приказываетъ ее высѣчь въ дѣвичьей и заставляетъ ея мужа исполнить это наказаніе. То, что мужъ легко подчинился въ этомъ случаѣ барскому приказу, вызываетъ въ ней совершенное къ нему охлажденіе, и она кончаетъ жизнь самоубійствомъ (гл. XIX).

Этотъ очеркъ весьма существенно дополняетъ наши свѣдѣнія о судьбѣ свободныхъ женщинъ, вышедшихъ замужъ за крѣпостныхъ. Извѣстенъ законъ 1815 г., которымъ, на основаніи указа 1783 г. о незакрѣпленіи никѣмъ вольныхъ людей и одного частнаго указа о бракахъ воспитанницъ мѣщанскаго училища съ крѣпостными было предписано, что „всѣ вольнаго происхожденія вдовы и дѣвки, вышедшія замужъ за дворовыхъ людей и крестьянъ, по смерти мужей ихъ, въ число крѣпостныхъ обращаемы быть не должны“ [1]). Охраняя свободу такихъ женщинъ по смерти мужей, законъ 1815 г. не опредѣлялъ ихъ правъ при жизни этихъ послѣднихъ, чѣмъ и пользовались помѣщицы въ родѣ г-жи Затрапезной. Несчастная „Мавруша-Новоторка“ и ея мужъ очевидно не знали о существованіи этого закона, иначе она видѣла бы для себя возможный просвѣтъ въ будущемъ, а онъ, считая себя повиннымъ въ несчастной участи жены и видя, что она разлюбила его, скорѣе самъ наложилъ бы на себя руки, чтобы дать ей свободу, чѣмъ допустилъ бы ее до самоубійства. Дѣло только въ томъ, исполнялся ли законъ 1815 г. или,

---

[1]) Полн. Соб. Зак. т. XXXIII. № 25,947, п. 7.

быть можетъ, богатые помѣщики, владѣльцы нѣсколькихъ тысячъ душъ крестьянъ, какъ г-жа Затрапезная, считали возможнымъ не обращать на него вниманія.

Другимъ совершенно новымъ типомъ въ нашей литературѣ является Аннушка, крѣпостная „тетенекъ-сестрицъ“ г-жи Затрапезной, живущая вмѣстѣ съ своими барынями въ имѣніи этой властной помѣщицы. Аннушка принадлежала къ числу тѣхъ крѣпостныхъ, которые несли иго рабства „безъ ропота и были, такъ сказать, рабами *по убѣжденію*“. Въ основѣ ея убѣжденій лежалъ афоризмъ, что „рабство есть временное испытаніе, предоставленное лишь избранникамъ, которыхъ ждетъ вѣчное блаженство въ будущемъ... Доктрина эта“, объясняетъ авторъ, „была довольно распространенною въ крѣпостной средѣ и повидимому даже подтверждала крѣпостное право. Но помѣщики чутьемъ угадывали въ ней нѣчто злокачественное (въ понятіяхъ пуристовъ-крѣпостниковъ самое „разсужденіе“ о послушаніи уже представлялось крамольнымъ) и потому, если не прямо преслѣдовали адептовъ ея, то всячески къ нимъ придирались“. По ученію такихъ убѣжденныхъ рабовъ, какъ Аннушка, „хоть и слѣдовало безпрекословно принимать все и отъ всякаго господина, но сквозь общую ноту послушанія все-таки просачивалась мысль, что и господа имѣютъ извѣстныя обязанности относительно рабовъ и что тѣ, которые эти обязанности выполняютъ, и въ будущей жизни облегченіе получатъ. Само собою разумѣется, что подобное критическое отношеніе выражалось болѣе нежели робко, но и его было достаточно, чтобы внушить господамъ, что мозги хамовъ все-таки не вполнѣ забиты, и что въ нихъ происходитъ какая-то работа“, а это, конечно, раздражало господъ и заставляло ихъ придираться къ проповѣдникамъ подобныхъ ученій. Что-же касается рабовъ, то проповѣдь личностей въ родѣ Аннушки вносило нѣкоторое облегченіе въ ихъ тяжелую жизнь напоминаніемъ, что „удручающія вериги рабства... представляли собой временное испытаніе, въ концѣ котораго обѣщалось воссіяніе въ присносущемъ небесномъ свѣтѣ“ [1]). Но если взгляды

---

[1]) Впрочемъ, ея убѣжденія встрѣчали нѣкоторый отпоръ и въ крѣпостной средѣ. Представительницей противоположныхъ взглядовъ

Аннушки встрѣчали нѣкоторые протесты со стороны такихъ представительницъ рабской среды, какъ ключница Акулина, то главный отпоръ имъ, уже не на словахъ, а на дѣлѣ, шелъ, конечно, отъ властной помѣщицы [1]).

Не менѣе интересны въ „Пошехонской Старинѣ“ и типы мужской дворни. Тутъ прежде всего мы встрѣчаемъ дерзкаго дворового, „Ваньку-Каина“, цирульника, отпущеннаго на оброкъ, но не платящаго его, который не даетъ спуску барынѣ ни въ одномъ словѣ, и котораго она, какъ негоднаго въ военную службу, принуждена сдать въ рекруты безъ зачета (гл. XX, ср. гл. XVIII). Далѣе авторъ изображаетъ совершенно отупѣвшаго лакея Конона, машинально, какъ бы сквозь сонъ, исполняющаго свои обязанности, готоваго безропотно дѣлать все, что̀ ему прикажутъ (гл. XXI). Но всего любопытнѣе и оригинальнѣе типъ дворового, „Сатира-скитальца“, не разъ бывшаго въ бѣгахъ и приносившаго по возвращеніи довольно крупныя суммы на церковь, собранныя имъ во время странствованій. Подозрѣвали было, что онъ принадлежитъ къ сектѣ „бѣгуновъ“, однимъ изъ догматовъ которой было отрицаніе помѣщичьей власти, но, по мнѣнію

являлась ключница г-жи Затрапезной, Акулина. Авторъ поясняетъ, что Аннушка и Акулина «едва ли даже не сходились во взглядахъ на условія, при которыхъ возможно совмѣстное существованіе господъ и рабовъ (обѣ одинаково признавали слѣпое повиновеніе главнымъ факторамъ этихъ условій), но первая была идеалистка и смягчала свои взгляды на рабство утѣшеніями «отъ писанія», а вторая, какъ истая саддукеянка, смотрѣла на рабство, какъ на фаталистическое ярмо, которое при самомъ рожденіи придавило шею, да такъ и приросло къ ней».

[1]) Такъ за намекъ въ дѣвичьей на то, что̀ господа должны соблюдать Господнюю заповѣдь объ отдыхѣ въ седьмой день, она была поставлена въ столовой во время обѣда на колѣни и затѣмъ «за наказаніе» ее цѣлый мѣсяцъ не пускали въ дѣвичью. Другой разъ она пострадала серьезнѣе по слѣдующему поводу, доказывающему, что и въ крѣпостную среду проникали вѣсти объ указахъ правительства, изданныхъ съ цѣлью ограниченія крѣпостного права. Когда вышелъ указъ, воспрещавшій продавать крѣпостныхъ иначе какъ въ составѣ цѣлыхъ семействъ (2-е П. С. З. VIII. № 6163, указъ 2 мая 1833 г.), то, по свидѣтельству Салтыкова, «вѣсть объ этомъ быстро распространилась по селамъ и деревнямъ». Аннушка не преминула сказать по этому поводу: «Милостивъ батюшка-царь! и объ насъ многострадальныхъ рабахъ вспомнилъ»,—и за это немедленно подверглась тѣлесному наказанію (гл. XVIII).

автора, это подозрѣніе было несправедливо, такъ какъ онъ не скрывался отъ властей, какъ послѣдователи этой секты, а появлялся вездѣ открыто и собиралъ подаяніе на церковь въ самыхъ людныхъ мѣстахъ. Нужно замѣтить, впрочемъ, что „Сатиръ-скиталецъ“, какъ и бѣгуны, ни за что не хотѣлъ брать паспорта и, такъ же, какъ и они, отрицательно относился къ крѣпостному праву. Во время предсмертной болѣзни его мучила мысль, что онъ предстанетъ на томъ свѣтѣ въ рабскомъ видѣ. По его словамъ, крѣпостные—„прежде вольные были, а потомъ сами свою волю продали. Изъ-за денегъ господамъ въ кабалу продались. За это вотъ и судить насъ будутъ“. Хотя продались и не теперешніе крѣпостные, а ихъ предки въ старину, но первые должны отвѣчать за грѣхъ послѣднихъ. „Нѣтъ того грѣха тяжеле, коли кто волю свою продалъ. Все равно, что душу“, говорилъ Сатиръ. Въ противоположность ученію Аннушки, онъ думалъ, что неволя навѣки закрыла рабамъ райскія двери. Во время предсмертной болѣзни онъ мечтаетъ о принятіи иночества, такъ какъ такимъ образомъ съ него будетъ снятъ рабскій образъ, и онъ предстанетъ на вышній судъ въ ангельскомъ чинѣ. Сатиръ умираетъ, не успѣвъ осуществить свое завѣтное желаніе, но предъ смертію видитъ себя во снѣ инокомъ (гл. XXIII). Такъ, подобно одной старушкѣ, которая, когда ее спрашивали, какой моментъ въ своей жизни она считаетъ самымъ счастливымъ, всегда разсказывала одинъ сонъ, приведшій ее въ такой восторгъ, что она не могла его забыть, и Сатиръ во всю свою жизнь былъ истинно счастливъ только однажды—во снѣ.

Такимъ образомъ, путемъ личныхъ воспоминаній и еще болѣе—геніальнаго прозрѣнія, авторъ вводитъ насъ во внутренній міръ той рабской среды, душа которой до „Пошехонской старины“ оставалась для насъ во многихъ отношеніяхъ книгою за семью печатями. Уже одна эта заслуга, не говоря о множествѣ другихъ, будетъ вызывать всегда глубокую благодарность Салтыкову со стороны историковъ нашего крестьянства.

VI.

Мы видѣли, съ какимъ несочувствіемъ, по свидѣтельству Салтыкова, большинство дворянъ отнеслось къ крестьянской реформѣ; весьма естественно, что, при такомъ настроеніи нашего высшаго сословія, сейчасъ же послѣ 19 февраля 1861 г. стали раздаваться крики о вредныхъ послѣдствіяхъ освобожденія для самого народа, явилось стремленіе подорвать дѣло реформы. Нашъ сатирикъ, разумѣется, не могъ оставить безъ вниманія этого ретроградnаго теченія въ обществѣ, и онъ не разъ, и довольно подробно, останавливается на немъ. Такъ въ „Письмахъ о провинціи“, (печатавшихся въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ 1868—1870 гг.) Салтыковъ говоритъ: „Въ провинціальномъ обществѣ существуютъ извѣстные слои, въ которыхъ 19 февраля отозвалось послѣдствіями свойства довольно неожиданнаго... Вліятельными практическими дѣятелями на почвѣ 19 февраля явились люди, не могущіе и даже не дающіе себѣ труда воздержаться отъ судорожнаго подергиванія при малѣйшемъ намекѣ на эту почву; люди же, всецѣло преданные дѣлу, вѣрящіе въ его будущность, очень часто не только отстраняются отъ всякаго вліянія на правильный исходъ его, но даже, къ великой потѣхѣ многочисленнаго сонмища фофановъ и праздношатающихся, обзываются коммунистами, нигилистами, революціонерами и демагогами“.—„Ненавистникъ“, продолжаетъ Салтыковъ, „всякую народную бѣду готовъ приурочить къ 19 февраля, потому что въ дурацкой его головѣ нѣтъ ни одной мысли, кромѣ мысли объ обидѣ, нанесенной этимъ ужаснымъ для него числомъ“. Одною изъ самыхъ обычныхъ темъ для разсказовъ такихъ „ненавистниковъ“ является пьянство, будто бы охватившее весь народъ послѣ уничтоженія крѣпотсного права (II, 360—366, 387—391, ср. 404—407, IV, 27—28, 241—242). Со временемъ реакціонное теченіе все усиливалось. Въ „Кругломъ годѣ“ (1879 г.) авторъ хотя и признаетъ, что „засиліе гадъ взялъ“, но все-таки еще убѣжденъ, что этимъ „гадамъ“ не удастся „земство отмѣнить, судъ присяжныхъ уничтожить, цензуру возстановить, крѣпостное право возродить“ (VII, 364). Однако времена становились все тяжелѣе, и вотъ нашему сатирику прихо-

дится уже въ „Письмахъ къ тетенькѣ“ (1881 г.) сказать: „стоитъ только оплошать,—и крѣпостное право вновь осѣнитъ насъ крыломъ своимъ“ (VI, 255). Эта мысль естественно вызывала желаніе выставить крѣпостное право въ истинномъ свѣтѣ, что̀ Салтыковъ и исполнилъ съ такимъ великимъ искусствомъ въ „Пошехонской Старинѣ“.

Подробно останавливаясь въ своихъ произведеніяхъ на крѣпостномъ правѣ до его уничтоженія и на самомъ моментѣ крестьянской реформы, Салтыковъ столь же внимательно изучаетъ и ея послѣдствія, какъ для помѣщиковъ, такъ и для крестьянъ. Онъ рисуетъ прежде всего ту полную неподготовленность къ новымъ порядкамъ, полное неумѣніе вести хозяйство при вольномъ трудѣ, которыя обнаружили весьма многіе помѣщики [1]).

Одни помѣщики и не пытались приспособляться къ новымъ порядкамъ жизни, наступившимъ съ освобожденіемъ крестьянъ, и покидали деревни; другіе пробовали бороться посредствомъ введенія машинъ въ свое хозяйство, но, при неумѣніи съ ними обращаться, эти попытки оканчивались полною неудачею.

«То было время сѣвооборотовъ, покупки машинъ, продажи выкупныхъ свидѣтельствъ и преимущественно, трактирныхъ безобразій», разсказываетъ Салтыковъ въ «Пестрыхъ письмахъ» (VIII, 281). «Денегъ появилось множество, почти вся Россія была вымѣнена на выкупныя свидѣтельства. Явились ростовщики и кровопійцы, которые скупали эти свидѣтельства за грошъ. Но владѣльцы не обращали на это вниманія въ надеждѣ, что вольный трудъ

---

[1]) Въ одной изъ главъ „Монрепо“ Салтыковъ говоритъ: „Оставшись съ клочками земли, которыя самъ облюбовалъ при составленіи уставныхъ грамотъ и не безъ грѣха утянулъ отъ крестьянскихъ надѣловъ, помѣщикъ не знаетъ, что съ ними дѣлать, какъ ихъ сберечь“ (IV, 521). „Съ освобожденіемъ крестьянъ“, говоритъ авторъ въ „Благонамѣренныхъ рѣчахъ“, „помѣщиками овладѣло какое-то страстное желаніе ликвидировать. Безденежье, неумѣлость, неприготовленность, гнетъ старыхъ привычекъ и пріемовъ,—все соединилось, чтобы поддерживать въ нихъ это стремленіе“ (V, 398). По словамъ Салтыкова, въ „Современной идилліи,“ помѣщикъ послѣ эмансипаціи „на первыхъ порахъ побаловался съ выкупными свидѣтельствами, но черезъ короткое время вдругъ безъ остатка исчезъ“. (VII, 131). Въ „Мелочахъ жизни“ авторъ поясняетъ, что распродали свои имѣнія и „разбѣжались куда глаза глядятъ“, преимущественно мелкопомѣстные помѣщики, крупные же землевладѣльцы и часть помѣщиковъ средней руки, выдѣливъ крестьянамъ ихъ надѣлы, остальную землю сдаютъ по частямъ въ аренду (VIII, 352—354).

вознаградитъ сторицею». Закупались жнеи, сѣноворошилки и плужки у Бутенопа, но черезъ недѣлю они уже лежали поломанные отъ неумѣлаго употребленія. «Помѣщикъ, ни къ чему не приготовленный, лѣнивый и безпечный, способенъ былъ только питаться надеждами и зря бросать деньги. Онъ не понималъ, что для того, чтобы извлекать изъ сельскаго хозяйства двугривенные, нужно вставать съ зарею, цѣлые дни бродить по полю и, придя вечеромъ домой, усчитывать себя». То же явленіе еще ранѣе было отмѣчено Салтыковымъ въ «Мопрепо» (IV, 458—462).

Однако не всѣ землевладѣльцы изъ дворянъ оказались неспособными примѣниться къ новымъ условіямъ; нашлись и такіе, которые скоро сумѣли воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ крестьянъ и на ихъ эксплуатаціи построили свое благосостояніе. Уже въ очеркѣ „Нашъ „savoir-vivre“, напечатанномъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ 1868 г., Салтыковъ отмѣчаетъ, что „меньшему брату“, занявшему у дворянина деньги, приходится „и пахать, и бороновать, и сѣять, и косить, и жать“, и все это за одни проценты, а долгъ — „само собой“ (II, 279). Въ „Дневникѣ провинціала“ (1872 г.) упоминается о помѣщицѣ, которая „такъ сильно штрафуетъ крестьянъ за потраву, что даже Фетъ,—и тотъ отъ нея бѣгать сталъ“ (IV, 367). Художественнымъ олицетвореніемъ такихъ личностей является кузина Машенька въ „Благонамѣренныхъ рѣчахъ“. Усердно занимаясь скупкою земель, она знаетъ, что непремѣнно слѣдуетъ пріобрѣтать землю, близкую къ крестьянской околицѣ, потому что она „мужичкамъ нужна; мужички за нее что хочешь дадутъ: боятся штрафовъ“. Орудуя съ землею, такія личности не брезгуютъ и заведеніемъ кабаковъ (V, 508—509, 518—519, 533). Въ „Пошехонскихъ разсказахъ“ Салтыковъ выводитъ помѣщика Артемія Клубкова, построившаго свое благосостояніе на эксплуатаціи крестьянъ и цинично объясняющаго, что мужикамъ некуда дѣваться въ тѣхъ „западняхъ“, которыя называются ихъ надѣлами (VII, 463—469) [1]). Понятно, что при появленіи подобныхъ типовъ въ помѣщичьей средѣ, дворяне, гуманно относившіеся къ крестьянамъ и дешево отдававшіе имъ землю въ аренду, возбуждали

---

[1]) Помѣщикъ Лобковъ въ „Мелочахъ жизни“ (VIII, 363—366) донимаетъ крестьянъ штрафами и непомѣрными процентами въ формѣ различныхъ хозяйственныхъ работъ за ссуды, выдаваемыя имъ хлѣбомъ, сѣномъ и т. п.

негодованіе многихъ сосѣдей, и ихъ старались выжить всевозможными доносами (V, 410); такое же негодованіе возбуждали и тѣ исключительныя личности изъ дворянскаго сословія, которыя сами взялись за земледѣльческій трудъ.

Возможность появленія типовъ, въ родѣ кузины Машеньки, Клубкова и Лобкова, показываетъ, что въ экономическомъ положеніи бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ послѣ эмансипаціи было мало завиднаго. Какъ мы видѣли, и значительная доля помѣщиковъ сильно пострадала отъ освобожденія крестьянъ. Такимъ образомъ, подобно поэту, утверждавшему, что порвавшаяся цѣпь крѣпостного права ударила „однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику“, и нашъ сатирикъ въ „Пошехонскихъ разсказахъ“ говоритъ: „житницы дружинниковъ запустѣли, житницы „меньшихъ братьевъ“ не наполнились. Какимъ образомъ произошло явленіе столь изумительное, объ этомъ покуда не велѣно сказывать. Но достовѣрно, что оно совершилось у всѣхъ на глазахъ и удивило даже самихъ, ничему не удивляющихся, пошехонцевъ“ (VII, 458). Одно изъ объясненій этого явленія составляетъ появленіе Деруновыхъ, Колупаевыхъ и Разуваевыхъ; нельзя не считать одною изъ выдающихся заслугъ Салтыкова то, что онъ мастерски ихъ характеризовалъ; что же касается крестьянъ, то причина ихъ обѣднѣнія заключается въ недостаточности надѣловъ и тяжести лежащихъ на нихъ платежей. Н. Г. Чернышевскій, взявъ на удачу восемнадцать уѣздовъ изъ разныхъ губерній Великороссіи, вычислилъ, на основаніи статистическихъ матеріаловъ, собранныхъ редакціонными коммиссіями, что, между тѣмъ какъ при крѣпостномъ правѣ крестьяне оброчныхъ вотчинъ (болѣе ста душъ) въ этихъ мѣстностяхъ, платили оброку *съ десятины* 2 руб. 9 коп., послѣ освобожденія они должны были платить по 2 руб. 30 коп., и что въ то же время размѣры ихъ надѣловъ уменьшились на 24%. Позднѣйшіе изслѣдователи обратили еще вниманіе на то, что самимъ „Положеніемъ 19-го февраля“ былъ установленъ принципъ обратнаго отношенія между размѣромъ надѣла и оброчнымъ платежомъ, падающимъ на *каждую* десятину, и что такой способъ опредѣленія платежей за землю дѣлалъ выгод-

нымъ для помѣщика возможно меньшее надѣленіе крестьянъ землею, такъ какъ если при высшемъ размѣрѣ надѣла и высшемъ душевомъ оброкѣ послѣдній вполнѣ соотвѣтствуетъ доходности земли, то при меньшемъ надѣлѣ оброчный платежъ за него долженъ быть непремѣнно выше его дѣйствительной доходности [1]). Тѣ 600.000 душъ крестьянъ, которые взяли надѣлъ по одной десятинѣ на душу, не несли за него никакихъ платежей въ пользу помѣщика, но за то они очутились уже въ совершенной экономической зависимости отъ сосѣднихъ землевладѣльцевъ; не даромъ такіе надѣлы были названы нищенскими.

Положеніе бывшихъ дворовыхъ послѣ эмансипаціи Салтыковъ изображаетъ обыкновенно довольно мрачными красками [2]); кратко оно формулируется словами двухъ старушекъ, бывшихъ дворовыхъ, въ „Современной идилліи“: „служили мы папенькѣ, маменькѣ вашей, въ слезахъ хлѣбъ ѣли, а нонѣ слезы остались, а хлѣба нѣтъ“ (VII, 150). Но изъ этихъ же дворовыхъ вышли отчасти Колупаевы и Разуваевы [3]). Разуваевъ, будучи дворовымъ человѣкомъ корнета Отлетаева, пользовался особымъ расположеніемъ корнетши, а жена его, тогда еще дѣвушка, такимъ же расположеніемъ корнета (VI, 522—524). Финогѣичъ (въ „Письмахъ къ тетенькѣ“), также бывшій дворовый, былъ при крѣпостномъ правѣ буфетчикомъ; хотя онъ и приговаривалъ: „я, по милости барской, сытъ, обутъ и одѣтъ—никакой мнѣ воли ненадобно!“ однако, какъ оказывается, онъ мечталъ о волѣ и, сберегая все свое жалованье (6 руб. въ годъ),

---

[1]) См. книгу *Л. В. Ходскаго*. „Земля и Земледѣлецъ“ т. II.

[2]) См. Соч. III, 435—438, и „Портной Гришка“ въ „Мелочахъ жизни“ (т. VIII).

[3]) Жизнь одной изъ подобныхъ личностей нашъ сатирикъ сжато характеризуетъ въ „Монрепо“ такими чертами: „Помѣщикъ, Сидоръ Кондратьичъ Прогорѣловъ, нѣкогда звалъ его Егоркой, потомъ сталъ звать Егоромъ Ивановымъ, потомъ—Егоромъ Иванычемъ, а теперь ужъ и прямо произноситъ полный титулъ: Егоръ Иванычъ господинъ Груздевъ. Егорка прижалъ въ свое время у Сидора Кондратьича нѣсколько сотенъ рублей; Егоръ Ивановъ—опуталъ ими деревню; Егоръ Иванычъ съѣздилъ въ городъ, узналъ, гдѣ раки зимуютъ, и открылъ кабакъ, а при немъ и лавку въ качествѣ подспорья къ кабаку, а господинъ Груздевъ уже о томъ мечтаетъ, какъ бы ему „банку“ устроить и въ конецъ родную палестину слопать“.

умѣлъ приращать его сокровенною отдачею денегъ на проценты (VI, 230). Домнушка (въ тѣхъ же „Письмахъ къ тетенькѣ“), дочь дворовой женщины, готовящаяся войти въ ряды Колупаевыхъ и Разуваевыхъ, сколотила капиталецъ, промышляя въ столицѣ собственнымъ тѣломъ, и затѣмъ только и мечтаетъ о томъ, какъ бы, заведя кабакъ съ харчевнею и лавкою, показать свою силу въ томъ мѣстѣ, гдѣ ея мать была въ рабскомъ состояніи (VI, 239). Таковы біографіи Колупаевыхъ изъ дворовыхъ. Къ нимъ присоединяются Деруновы изъ мѣщанъ, въ значительной степени основавшіе свое благосостояніе на помѣщичьемъ разореніи (V, 294, 370). Мѣстами къ этимъ нашимъ „собственнымъ евреямъ“ присоединяются и евреи настоящіе (VII, 210), причемъ, по мнѣнію сатирика, все преимущество первыхъ надъ послѣдними состоитъ въ томъ, что еврей скажетъ: „дурака шашу“, тогда какъ Деруновъ съ Колупаевымъ прямо отчеканятъ: „сосу дурака“—и шабашъ (VII, 564). Міросозерцаніе Колупаевыхъ и Разуваевыхъ очень несложное: когда ихъ предостерегаютъ, что, при слишкомъ усердномъ сосаніи мужика, имъ не съ кого будетъ собирать своихъ барышей, они отвѣчаютъ: „йенъ доста-а-нетъ!“ „Просто, глупо“, прибавляетъ Салтыковъ, „и между тѣмъ изумительно глубоко. Эту фразу слѣдовало бы золотыми буквами начертать на всѣхъ пантеонахъ, ибо въ сущности, на ней одной издревле всѣ экономисты и финансисты висятъ“ (IV, 540—541 [1]). Но Деру-

[2]) Можно прибавить, что, и по свидѣтельству самого народа, основательность этой философіи давно сознали не одни Колупаевы и Разуваевы. Въ народномъ сказаніи „о древне-русскихъ князьяхъ и царяхъ“, записанномъ г. Барсовымъ на сѣверѣ Россіи, все измѣненіе въ отношеніи власти къ народу формулируется такимъ образомъ: сначала съ „гражданъ—новогородцевъ“ собираютъ по половинѣ бѣличьяго хвоста, затѣмъ по половинѣ бѣличьей шкуры, черезъ нѣкоторое время по цѣлой бѣличьей шкурѣ; бѣличья шкура позднѣе была замѣнена „малыми деньгами“, а потомъ „и въ Сѣверной Украинѣ, и въ Олонецкомъ краѣ, и въ Новѣгородѣ... пуще и пуще повышали дань, съ алтына на четвертину, а съ четвертины на полтину, а съ полтины на рубль, и такъ до Петра I, а послѣ Петра платили и съ живой души, и съ мертвой, и рубль, и два, и три, и четыре, и пять“. („Древняя и Новая Россія“, 1879 г. № 9, стр. 400—401). Знакомясь съ этою философіею русской исторіи съ точки зрѣнія самого народа, невольно вспомнишь принципъ Разуваева: „йенъ доста-а-нетъ“!

новъ не довольствуется для объясненія своихъ дѣйствій циническимъ „йенъ доста-а-нетъ“! Онъ представляетъ себя столпомъ отечества и въ желаніи крестьянъ взять за пудъ хлѣба двугривеннымъ дороже видитъ бунтъ и потрясеніе основъ, такъ какъ онъ, Деруновъ, ставитъ хлѣбъ въ казну и продовольствуетъ имъ армію, подобно тому, какъ фабриканты „обвиняли своихъ рабочихъ въ бунтѣ за то, что они соглашались работать не иначе, какъ подъ условіемъ увеличенія заработной платы“ (V, 307—308, ср. VII, 324). На томъ же основаніи и еврей Лазарь въ „Современной идилліи“ считаетъ выгоднѣе и безопаснѣе обсчитать всѣхъ рабочихъ, потому что, если „*всѣ разомъ* будутъ разсчета требовать, то выйдетъ бунтъ, а тамъ какъ-разъ и неповиновеніе властямъ: „А игдѣ же у насъ гаспадинъ исправникъ тутъ?“ (VII, 214).

Какъ мы уже упоминали, Деруновы, Колупаевы и Разуваевы служатъ для Салтыкова однимъ изъ объясненій того страннаго явленія, что „житницы дружинниковъ запустѣли, житницы „меньшихъ братьевъ“ не наполнились.

„Эти шустрые люди“, говоритъ Салтыковъ въ „Пошехонскихъ разсказахъ“, отлично поняли, что „меньшій братъ“ (послѣ эмансипаціи) „засовался, и что прежде всего его слѣдуетъ остепенить“. Или, говоря иначе, „необходимо дать пошехонскому поту такое примѣненіе, благодаря которому, онъ лился бы столько же изобильно, какъ при крѣпостномъ правѣ, и въ то же время назывался бы „вольнымъ“ пошехонскимъ потомъ... И все, какъ нарочно, сложилось такъ, чтобы увѣнчать ихъ предпріятіе успѣхомъ. И купленные за грошъ западѣльные обрѣзки, и надѣлы, устроенные на манеръ западней, и распивочная продажа вина— все устроилось на потребу потомку древнихъ гужеѣдовъ и на пагубу попольцу-кормильцу пошехонской земли. Въ скоромъ времени меньшій братъ увидѣлъ себя до такой степени изловленнымъ, что мысль о непрерывности дапей, составлявшая основной элементъ его крѣпостного существованія, вновь предстала предъ нимъ, какъ единственный выходъ, приличествующій его злосчастью“ (VII, 458—459).

Въ „Мелочахъ жизни“ (VIII, 367—373) Салтыковъ прибавляетъ къ прежней характеристикѣ „наѣзжаго міроѣда“, разночинца изъ дворовыхъ и мѣщанъ, характеристику „міроѣда-аборигена“ изъ „тѣхъ благомысленныхъ мужичковъ, которыми такъ любили хвалиться помѣщики“.

Галлерея Колупаевыхъ, Разуваевыхъ и Деруновыхъ въ произведеніяхъ Салтыкова завершается отчаяннымъ воплемъ сатирика въ „Мелочахъ жизни“ (VIII, 312, 322, 331): „Идетъ чумазый, идетъ! Я не разъ говорилъ это и теперь повторяю: идетъ, и даже уже пришелъ! Идетъ съ фальшивою мѣрою, съ фальшивымъ аршиномъ и съ неутомимою алчностью глотать, глотать и глотать“... Его „агенты рыщутъ по деревнямъ, устанавливаютъ цѣны, скупаютъ, обвѣшиваютъ, обмѣриваютъ, обсчитываютъ, платятъ неосуществившимися деньгами, являются на аукціоны, отъ которыхъ плачетъ недоимщикъ, чутко прислушиваются къ бабьимъ стонамъ и цѣлыми обществами закабаляютъ людей, считающихся свободными... Мало того: чумазый внѣдрился въ самую деревню въ видѣ кабатчика, прасола, кулака, міроѣда. Эти ужъ дѣйствуютъ не наѣздомъ, а постоянно и не торопясь“. Наконецъ, сатирикъ выражаетъ опасеніе, что чумазый слопаетъ не только народъ, но и интеллигенцію, такъ какъ она „ни откуда ни защищена и гибнетъ безпомощно, какъ быліе въ полѣ“. Это не покажется невозможнымъ, если мы примемъ во вниманіе, что къ числу чумазыхъ, какъ видно изъ заключительной главы „Монрепо“, Салтыковъ причисляетъ не только кабатчиковъ и міроѣдовъ, а также и „желѣзнодорожниковъ и прочихъ міроѣдскихъ дѣлъ мастеровъ“, которые на вопросъ: „что есть истина?“ — твердо и неукоснительно отвѣчаютъ: „распивочно и на выносъ“ (IV, 548). Протестуя противъ дворянскихъ притязаній на преобладаніе надъ другими сословіями, Салтыковъ не могъ, конечно, иначе, какъ отрицательно, относиться къ такимъ же притязаніямъ нарождающейся буржуазіи. Въ „За рубежомъ“ онъ уже отмѣчаетъ, что Колупаевъ съ Разуваевымъ начинаютъ просить „конституціевъ“... „Намъ чтобъ „конституціевъ“ дали“, толкуютъ они, „а толоконниковъ чтобъ къ намъ подъ началъ опредѣлили, да чтобъ за печатью: и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ“ (VI, 15).

Характеризуя экономическія послѣдствія освобожденія крестьянъ, нашъ сатирикъ не забываетъ въ то же время постоянно указывать на нравственное вліяніе крѣпостного права и послѣ его уничтоженія и въ этомъ вліяніи находитъ объясненіе для многихъ, самыхъ разнообразныхъ, явленій нашей жизни. Въ очеркѣ „Хищники“ (вошедшемъ

въ составъ „Признаковъ времени“), произведеніи второй половины шестидесятыхъ годовъ, Салтыковъ настоятельно рекомендуетъ этотъ вопросъ вниманію читателей слѣдующими энергическими словами: „Тѣ, которые говорятъ: зачѣмъ напоминать о крѣпостномъ правѣ, котораго уже нѣтъ? зачѣмъ нападать на лежачаго?—говорятъ это единственно по легкомыслію. Хотя крѣпостное право въ своихъ прежнихъ осязательныхъ формахъ не существуетъ съ 19-го февраля 1861 г., тѣмъ не менѣе оно и до сихъ поръ остается единственнымъ живымъ мѣстомъ въ нашемъ организмѣ. Оно живетъ въ нашемъ темпераментѣ, въ нашихъ обычаяхъ, въ нашихъ поступкахъ... Изъ этого живоноснаго источника доселѣ непрерывно сочатся всякія нравственныя и умственныя оглушенія, заражающія нашъ воздухъ и растлѣвающія наши сердца трепетомъ и робостью... Говорятъ: „нѣтъ крѣпостного права! Нѣтъ! оно есть, но имя ему: „хищничество“ (II, 300—301, ср. 406 –407) [1]). „Крѣпостное право упразднено“, повторяетъ Салтыковъ и позднѣе въ очеркѣ „Похороны“ (1878 г.), „но еще не сказало своего послѣдняго слова. Это цѣлый громадный строй, который слишкомъ жизненъ, всепроникающъ и силенъ, чтобы исчезнуть по первому мановенію“ (VI, 438).

Вліянія крѣпостного права сатирикъ видитъ и въ земствѣ, среди дѣятелей котораго нашлось мѣсто и Дракинымъ (VI, 248—250), и въ новыхъ судахъ, гдѣ „травлю“ подсудимаго „при помощи психологіи“ Салтыковъ прямо считаетъ наслѣдіемъ крѣпостного права, воспитавшаго въ насъ страсть къ истязаніямъ и къ зрѣлищамъ разныхъ звѣрскихъ расправъ (VII, 514—515, 521), и даже въ литературѣ [2]). „Крѣпостничество, одѣвъ-

[1]) Къ этому же вопросу авторъ возвращается въ «Дневникѣ провинціала» (1872 г.), выводя на сцену Петра Ивановича Дракина. Этотъ господинъ еще вчера стригъ дѣвкамъ косы и наказывалъ людей на конюшнѣ, но послѣ эмансипаціи сталъ повторять: «слава Богу, и мы, наконецъ, освободились отъ этого постыднаго, ненавистнаго права», и только подъ шумокъ то переселялъ крестьянъ на сыпучіе пески, то оттягивалъ у нихъ огороды. Прошелъ однако всего какой-нибудь десятокъ лѣтъ, и Дракины «и въ столицѣ, и въ провинціи, и въ деревнѣ» распоряжаются какъ у себя дома и не упускаютъ ни одного случая, чтобы занять утраченныя позиціи» (IV, 429—433).

[2]) «Литература наша и до днесь», писалъ онъ въ 1878 г., «пред-

шееся въ мантію консерватизма", является, по мнѣнію сатирика, „чужеяднымъ элементомъ, тормозящимъ правильное развитіе" реформъ шестидесятыхъ годовъ; слѣды его чувствуются во всемъ, „что носитъ на себѣ печать произвола" (II, 383, 406). Вліяніе крѣпостничества сатирикъ видитъ и въ нѣкоторыхъ административныхъ пріемахъ. Крѣпостничество сказывается, наконецъ, и вообще въ міросозерцаніи извѣстной части русскаго общества [1]).

Но, указывая постоянно на вліяніе крѣпостного права и послѣ его упраздненія, сатирикъ въ немъ же находитъ матеріалъ и для предостереженія тѣмъ, которые слишкомъ безцеремонно пользуются пріемами, унаслѣдованными отъ дореформенной эпохи. Онъ напоминаетъ, что, если даже допустить, что Россія—пирогъ, то все-таки нужно ѣсть его, „не надругаясь надъ Божьимъ даромъ... какъ при крѣпостномъ правѣ ѣдали умные ѣдоки, которые отлично понимали, что мужика невыгодно обглодать до костей". Онъ доказываетъ, что не составляетъ большой бѣды, если-бы иногда наши соотечественники немножко и пошумѣли, и въ доказательство своей мысли ссылается на то, что добрые и умные помѣщики „допускали хороводы, игры и вообще всякое невинное, хотя бы и шумное, изліяніе мужицкаго веселонравія" [2]). Наконецъ, сатирикъ, въ поученіе правящему классу, напоми-

---

ставляетъ два, совершенно отличные, типа: съ одной стороны недоконченность, невысказанность, боязнь, съ другой стороны такая ясность, которая равноспльна наглости, доведенной до разврата. Очевидно, въ воздухѣ носится еще крѣпостное право» (VI, 437).

[1]) По словамъ Салтыкова, хищничество «любитъ видѣть лица довольныя, и ежели факты не соотвѣтствуютъ его ожиданіямъ, то укоряетъ въ неблагодарности и нераскаянности», подобно тому какъ помѣщики зачисляли въ разрядъ нераскаянныхъ и неисправимыхъ тѣхъ крѣпостныхъ, которые послѣ наказанія, благодаря за науку, не имѣли «вида бодраго и напредки готоваго» (II, 305).

[2]) Авторъ разсказываетъ «молодымъ карьеристамъ» объ одномъ помѣщикѣ, который заботами объ установленіи въ своемъ селѣ помѣщичьяго авторитета довелъ крестьянъ до того, что они, вмѣсто того, чтобы заниматься дѣломъ, вѣчно стояли выпучивши глаза и глядѣли, «не появится ли гдѣ нибудь баринъ, чтобы своевременно отвѣсить ему требуемый поклонъ». Въ концѣ концовъ это привело къ печальному для самого помѣщика результату, такъ какъ его имѣніе было продано съ аукціоннаго торга. Срав. Соч. VII, 248 251, VI, 366.

наетъ и о тѣхъ неумѣлыхъ помѣщикахъ, которые заставляли людей дѣлать именно такое дѣло, къ какому они не способны, и особенно „держались этой системы при распредѣленіи сельскихъ и хозяйственныхъ должностей, стараясь угадать, кто именно въ качествѣ старосты или приказчика можетъ быть всего непріятнѣе мужикамъ“ (VII, 248—261). Но къ сожалѣнію, совѣтовъ сатирика плохо слушались тѣ, къ кому онъ ихъ адресовалъ, и въ тѣ минуты, когда онъ вспоминалъ, что вотъ уже двадцать лѣтъ приходится повторять „хуже никогда не бывало“, и искать объясненія, какъ при всемъ томъ можно еще существовать, онъ находилъ такое объясненіе опять-таки въ указаніи на времена крѣпостного права, когда люди умудрялись жить при „вѣчной барщинѣ, вѣчной крѣпости, вѣчномъ ожиданіи мучительныхъ сюрпризовъ“ (VI, 366).

VII.

Мы ограничивались до сихъ поръ характеристикою того, какъ отразилось въ произведеніяхъ Салтыкова крѣпостное право, крестьянская реформа и связанныя съ ними явленія нашей жизни. Но нельзя не остановиться надъ отношеніемъ нашего автора къ крестьянскому міру вообще. Для множества теперешнихъ читателей сочиненій Салтыкова его разсказы изъ народной жизни, вошедшіе въ составъ „Губернскихъ очерковъ“ и „Невинныхъ разсказовъ“, были, безъ сомнѣнія, совершенною неожиданностью. Читателей должно было въ нихъ поразить и прекрасное знаніе народной жизни, и теплое, любовное отношеніе къ народу, дающее автору ключъ къ пониманію даже такихъ сторонъ его жизни, какъ, напр., религіозное міросозерцаніе нашихъ странниковъ и богомольцевъ.

Не скрывая невѣжества народа, авторъ объясняетъ его тѣмъ соціальнымъ строемъ, подъ вліяніемъ котораго слагалась его жизнь, и на этотъ строй онъ главнымъ образомъ направляетъ свои удары, для народа же находитъ преимущественно слова теплой любви, а не горькаго порицанія, хотя бы и навѣяннаго тою же любовью. Намъ кажется, что отношеніе Салтыкова къ народу, какъ

въ самыхъ раннихъ (второй половины 1850-хъ и начала 60-хъ гг.), такъ и въ послѣдующихъ произведеніяхъ, въ основѣ своей совершенно одинаково,—разница только въ томъ, что въ этихъ раннихъ произведеніяхъ авторъ болѣе говоритъ о народѣ художественными образами, отчасти противопоставляя симпатичнымъ личностямъ изъ народной среды отрицательные типы представителей высшаго сословія; въ позднѣйшихъ же произведеніяхъ съ половины шестидесятыхъ до половины восьмидесятыхъ годовъ онъ болѣе касается народной жизни въ публицистической формѣ, которая давала ему возможность раскрыть свою мысль со всѣми ея оттѣнками. Къ тому же, съ паденіемъ крѣпостного права можно уже было смѣлѣе указывать на отрицательныя стороны народнаго быта, не опасаясь сыграть въ руку тѣмъ крѣпостникамъ, которые до эмансипаціи кричали, что народъ еще не созрѣлъ для освобожденія. Когда рухнуло крѣпостное право, Салтыковъ нашелъ не только возможнымъ, но и необходимымъ высказывать о нравственномъ и умственномъ состояніи народа такую же суровую правду, какую онъ бросалъ въ глаза и другимъ сословіямъ. Нашъ сатирикъ сталъ нерѣдко съ негодованіемъ указывать на забитость народа, его неумѣніе отразить насиліе, иногда даже неразумное одобреніе торжествующей грубой силы. Это не значитъ, разумѣется, что онъ сталъ относиться къ народу съ меньшею любовью (мы увидимъ, напротивъ, что трудно болѣе горячо защищать интересы низшихъ классовъ); это значитъ только, что нашъ сатирикъ совершенно справедливо не считалъ фальшивую идеализацію, приторно-слащавое отношеніе къ народу, въ которыхъ онъ впрочемъ и прежде не былъ повиненъ, признакомъ истинной любви къ нему.

Такое трезвое и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко-симпатичное отношеніе къ народу мы находимъ напр., въ одной изъ общественныхъ хроникъ Салтыкова, печатавшихся въ „Современникѣ“, безъ имени автора [1]). Затѣмъ, въ „Письмахъ о провинціи“, появившихся въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1868—1870 гг., Салтыковъ, между

---

[1]) 1864 г. № 2, стр. 207—224, см. извлеченіе въ книгѣ *А. Н. Пыпина* «М. Е. Салтыковъ», посвященной характеристикѣ журнальной дѣятельности нашего сатирика въ 1863—64 гг. (Спб. 1899 г., стр. 137—146).

прочимъ, говоритъ: „Русскій мужикъ бѣденъ дѣйствительно, бѣденъ всѣми видами бѣдности, какія только возможно себѣ представить и,—что всего хуже—бѣденъ сознаніемъ этой бѣдности“. Но тутъ же сатирикъ спѣшитъ предупредить возможность раздражительнаго отношенія къ народу. „Негодованіе, которое проникаетъ человѣка при видѣ явленій легковѣрія, одичалости и насильства, непрерывно сочащихся изъ сердца народныхъ массъ, невольно утихаетъ, когда собственными руками прикасаешься къ той проказѣ, которою они заражены, и собственными легкими вдыхаешь струю той затхлой атмосферы, которою они дышатъ“. И далѣе авторъ въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ говоритъ о печальномъ экономическомъ положеніи народа. Указывая на кичливые толки о томъ, что у насъ нѣтъ пролетаріата, онъ продолжаетъ: „Да, „пролетаріата“ нѣтъ, но взгляните въ наши деревни, даже подстоличныя, и вы увидите сплошныя массы людей, для которыхъ, напримѣръ, вопросъ о лишней полукопѣйкѣ на фунтъ соли составляетъ предметъ мучительнѣйшихъ думъ...“ [1]). Теперь съ появленіемъ множества безлошадныхъ, а также и бездомныхъ людей въ крестьянской общинѣ мы уже не можемъ сказать, что у насъ нѣтъ пролетаріата. Далѣе Салтыковъ замѣчаетъ: „несправедливо и едва ли даже возможно ожидать, чтобы бѣдность духовная была бы побѣждена прежде, нежели бѣдность матеріальная“ (II, 391—392). „Нельзя мыслить, нельзя развиваться и совершенствоваться“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „когда мыслительныя способности всецѣло сосредоточены на томъ, чтобы какъ-нибудь не лопнуть съ голоду“ (II, 23). Экономическое положеніе народа, по мнѣнію Салтыкова, настолько печально, что вмѣсто слова „мужикъ“, „крестьянинъ“, онъ начинаетъ сплошь и рядомъ употреблять выраженіе: „человѣкъ, питающійся лебедой“ (IV, 15, 27—29) или говоритъ о „повинномъ работѣ человѣкѣ“, который, „выбиваясь изъ силъ, надрываясь и проливая кровавый потъ, въ награду за свою вѣчную

---

[2]) Въ «За рубежомъ» авторъ напоминаетъ еще о существованіи мѣщанъ, не имѣющихъ иныхъ средствъ существованія, кромѣ личнаго труда, и массы бывшихъ дворовыхъ, которые еще менѣе обезпечены (VI, 9—10).

страду получитъ кусокъ мякиннаго хлѣба“ (VI, 8—9) [1]). Въ виду этого Россіи, чтобы быть вполнѣ счастливой, нужно, по мнѣнію нашего автора, прежде всего, чтобы русскій мужикъ, говоря словами Державина, „ѣлъ добрыщи и пиво пилъ“, а затѣмъ „все остальное приложится“: „если это есть,—значитъ у мужика земля приноситъ плодъ сторицею... Если это есть,—значитъ, деревни въ изобиліи снабжены школами, и мужикъ воистину позналъ, что ученье свѣтъ, а неученье тьма. Если это есть,—значитъ, казна государева ломится подъ тяжестью сребра и злата, и нѣтъ надобности ни въ „выбиваніяхъ“, ни въ экзекуціяхъ для пополненія казенныхъ сборовъ“ (IV, 510). Но пока этого нѣтъ; напротивъ, мужикъ „до того незащищенъ, что тутъ самая незащищенность почти равняется защищенности“ (IV, 534), „необезпеченность, доведенная до лебеды, равняется обезпеченности“ (VII, 129). Говоря объ отношеніи Салтыкова къ народу, нельзя не упомянуть, наконецъ, о превосходной сказкѣ „Коняга“, проникнутой самою горячею любовью къ нашему крестьянину, и о „Христовой ночи“, открывающей всѣмъ обездоленнымъ и угнетеннымъ надежду на лучшее будущее (см. еще т. VII, 454—455).

Характеризуя отношеніе Салтыкова къ народу, мы считаемъ необходимымъ отмѣтить его взгляды на общину и круговую поруку. Онъ не разъ защищаетъ поземельную общину отъ разрушительныхъ нашествій самозванныхъ благодѣтелей народа изъ административной среды (III, 308, 310, 313, 314, 316, «Сказки», 89—91); въ «Монрепо» авторъ высказываетъ правильный взглядъ и на важное значеніе принципа круговой поруки. «Сѣрый человѣкъ изнываетъ въ тенетахъ круговой поруки», говоритъ Салтыковъ; «надо объяснить ему, что задача круговой поруки совсѣмъ не въ томъ заключается, чтобы изпурять, а въ томъ, чтобы представлять очень существенныя гарантіи» (IV, 465). (Срав. статьи о круговой порукѣ С. А. Щепотьева и Ф. А. Щербины въ «Сѣв. Вѣсти.» 1886 г. №№ 7, 8 и 11). Но въ концѣ концовъ нашъ сатирикъ, очевидно подъ вліяніемъ подавляющаго количества фактовъ о печальномъ положеніи народа, разочаровался въ спасительномъ дѣйствіи общины. Въ «Мелочахъ жизни» онъ говоритъ: община «не только не защищаетъ деревенскаго мужика отъ внѣшнихъ и внутреннихъ неурядицъ, но сковываетъ по рукамъ и ногамъ. Она не даетъ простора ни личному труду, ни личной инпціативѣ, губитъ въ самомъ зародышѣ всякое проявленіе самостоятельности и, въ заключеніе,

---

[1]) Салтыковъ напоминаетъ, что когда-то Россія торговала съ Византіей шкурами, воскомъ и медомъ, теперь же «шкуры спущены, а воскъ и медъ за недоимки пошли» (VI, 59—60).

отдаетъ въ кабалу или выгоняетъ на улицу слабыхъ, неуспѣвшихъ заручиться благорасположеніемъ міроѣда. Было время, когда надѣялись, что община обезпечитъ хоть кусокъ хлѣба слабому члену, но нынче и эти надежды разсѣялись. Оставленные надѣлы, покипутыя и заколоченныя избы достаточно свидѣтельствуютъ о сладостяхъ деревенской жизни» (VIII, 322, ср. 367, VI, 10, VIII, 297). Тутъ справедливо только то, что община не обладаетъ чудотворною силою исцѣлять всѣ раны, наносимыя народу остальными условіями его жизни, но затѣмъ современныя изслѣдованія доказываютъ, что безъ общины народу живется не лучше, а хуже, и и что общинное землевладѣніе вновь возникаетъ во многихъ мѣстахъ, гдѣ его прежде не было, и слѣдовательно, при данныхъ условіяхъ, оно соотвѣтствуетъ народнымъ потребностямъ, а затѣмъ общинные принципы могутъ подлежать и дальнѣйшему развитію. Что касается будто бы подавленія общиною личности крестьянина, то въ общинѣ эта личность проявляется во всякомъ случаѣ самостоятельнѣе, чѣмъ при батрачествѣ, отъ котораго общинное землевладѣніе спасаетъ массу крестьянъ.

Не скрывая невѣжества и неразвитости народа, Салтыковъ въ то же время считаетъ совершенно естественнымъ, „что мы всѣ завѣтныя, свѣтлыя думы наши посвящаемъ той забитой, маломысленной и подчасъ жестокой толпѣ, что самый великій мыслитель, котораго мысль, повидимому, не можетъ имѣть ничего общаго съ мыслью толпы, именно ей отдаетъ лучшую часть своей дѣятельности“... „Исторія показываетъ“, говоритъ онъ далѣе, „что тѣ люди, которыхъ мы не безъ основанія называемъ лучшими, всегда съ особенною любовью обращались къ толпѣ, и что только тѣ политическіе и общественные акты получали дѣйствительное значеніе, которые имѣли въ виду толпу“. Коснувшись въ заключеніе этого письма о провинціи вопроса о сближеніи съ народомъ, авторъ рекомендуетъ „то серьезное сближеніе, гдѣ народъ является не въ качествѣ меньшей братіи, наряженной и приглаженной по праздничному, а въ качествѣ собранія людей, выросшихъ въ мѣру взрослаго человѣка. Сближеніе такого рода не имѣетъ въ себѣ ничего фантастическаго; это не славянофильское любованіе какими-то таинственными и всегда запечатлѣнными клеймомъ безсознательности задачами, которыя суждено будто бы въ ущербъ себѣ и вопреки здравому смыслу выполнить русскому народу; это не ласкательство предразсудкамъ, жестокости и дикости, потому только, что они родились въ народѣ; нѣтъ, это просто изученіе народныхъ нуждъ и представленій, сложив-

шихся болѣе или менѣе своеобразно, но все-таки принадлежащихъ несомнѣнно взрослому человѣку“ (II, 396—398).

Въ виду печальнаго положенія народа въ умственномъ и матеріальномъ отношеніи Салтыковъ особенно настоятельно рекомендуетъ людямъ интеллигентнымъ, которыхъ обстоятельства заставили жить въ деревнѣ, дѣятельность на пользу народа, „дѣло совѣта, разъясненія, просвѣщенія и посильной помощи“. Подъ послѣднею онъ разумѣетъ, конечно, не одну случайную благотворительность [1]). Бѣда только въ томъ, что, въ виду существующихъ въ провинціи порядковъ, просвѣтительная дѣятельность въ деревнѣ оказывается не всегда для культурнаго человѣкъ безопасною (IV, 465—467).

Если въ „Письмахъ о провинціи“ и въ „Монрепо“ Салтыковъ указываетъ на необходимость сближенія съ народомъ въ интересахъ народа, то въ „Кругломъ годѣ“ (1879 г.) онъ касается этого вопроса съ другой точки зрѣнія:

„Мужикъ—герой современности“..., говоритъ авторъ. „И не со вчерашняго дня такъ повелось, а давненько-таки, съ конца сороковыхъ годовъ... Съ половины пятидесятыхъ годовъ... все, что ни есть въ Россіи мыслящаго и интеллигентнаго, отлично поняло, что, куда бы ни обратили взоры, вездѣ они встрѣтятся съ проблемой о мужикѣ“. Въ первые годы послѣ эмансипаціи „никакой другой рѣчи нельзя было слышать, кромѣ рѣчи о мужикѣ. Оказалось, что онъ рѣшительно необходимъ и что даже самое слово „мужикъ“ выражаетъ нѣчто сложное, почти всепроникающее Всѣмъ онъ нуженъ, у всѣхъ, какъ бѣльмо на глазу. Тупа философія, косноязычна риторика... безъ мужика. Помѣщикъ, заводчикъ, фабрикантъ, подрядчикъ, однимъ словомъ, всякій человѣкъ практикъ, всякъ понялъ, что въ его „дѣлахъ“ на первомъ планѣ стоитъ мужикъ. Должна была понять это и литература, и не потому одному, что она обязана все понимать, но и потому, что въ этомъ дѣлѣ ей предстояло оказать существенную услугу“ (VII, 289—290).

Въ очеркѣ „Дворянская хандра“ Салтыковъ также говоритъ: „какъ бы то ни было, но отъ мысли, что заправскій узелъ все-таки тамъ, на поселкѣ, никакъ

---

[1]) Это видно изъ слѣдующихъ словъ: «Сѣрый человѣкъ изнемогаетъ отъ нищеты, поборовъ, недостатка питанія, тѣсноты жилищъ, надо сдѣлать для него доступнымъ дешевый кредитъ и при этомъ дать послѣднему такое направленіе, чтобы помощь его была чувствительна не для однихъ волостныхъ старшинъ, кабатчиковъ и міроѣдовъ, но и для массы дѣйствительно нуждающихся». Авторъ оговаривается, что найдется еще множество задачъ, «гораздо болѣе существенныхъ».

не уйдешь... Тамъ настоящій Пупъ земли, тамъ—разгадка всѣхъ жизненныхъ задачъ, тамъ—ключъ къ разумѣнію не только прошедшаго и настоящаго, но и будущаго“ (VI, 508 [1]).

Проповѣдуя сближеніе съ народомъ и живую дѣятельность на пользу его, Салтыковъ, какъ мы уже замѣтили, не забываетъ о тѣхъ препятствіяхъ, которыя встрѣчаетъ эта дѣятельность. Въ „За рубежомъ“ онъ указываетъ на крайнюю нелогичность и вредность этихъ препятствій и стѣсненій. „Рѣшительно невозможно понять“, говоритъ нашъ сатирикъ, „почему появленіе русскаго культурнаго человѣка въ русской деревнѣ (если бы даже этотъ человѣкъ и не былъ мѣстнымъ обывателемъ) считается у насъ чѣмъ-то необыкновеннымъ, за что надо вывертывать руки къ лопаткамъ и вести къ становому. Почему желаніе знать, какъ живетъ русскій деревенскій человѣкъ, называется предосудительнымъ, а желаніе подѣлиться съ нимъ нѣкоторыми небезполезными свѣдѣніями, которыя повысили бы его умственный и нравственный уровень,— превратнымъ толкованіемъ? Вѣдь надо же, наконецъ, чтобы мужикъ когда-нибудь что нибудь зналъ, надо же, чтобы онъ созналь себя и свое положеніе и когда нибудь пожелалъ для себя лучшаго удѣла, нежели тотъ, на который онъ осужденъ въ данную минуту... Безъ этого знанія, безъ этого стремленія къ лучшему не можетъ преуспѣвать страна“. Нельзя жаловаться на то, что деревня страдаетъ отъ отсутствія культурныхъ людей, пока тамъ, „не говоря дурного слова, крутятъ руки къ лопаткамъ“. А отъ этого выигрываетъ только Колупаевъ, „которому, конечно, не выгодно, чтобы „обезпеченный надѣломъ“ человѣкъ выскользнулъ изъ его загребистыхъ рукъ“. Такъ какъ истинными столпами отечества считаются Колупаевы, то понятно, что „всякій протестъ противъ обсчитыванія прямо приравнивается къ соціализму“ (VI, 32—35). Въ другомъ произведеніи Салтыковъ еще разъ старается представить въ истинномъ свѣтѣ то явленіе въ жизни

---

[1]) Напомнимъ еще, что «Повѣсть о томъ, какъ одинъ мужикъ двухъ генераловъ прокормилъ» и «Дикій помѣщикъ» (начитавшійся «Вѣсти» и подъ вліяніемъ идей этой газеты очистившій свои владѣнія отъ мужика) написаны съ цѣлью показать великое значеніе народа для государства и высшихъ классовъ.

нашей молодежи, которое извѣстно подъ названіемъ „хожденія въ народъ“. „Я живо помню время“, разсказываетъ нашъ сатирикъ, „когда впервые народилась идея хожденія въ народъ. Въ основѣ этой идеи лежала отнюдь не пропаганда „науки преступленій“, какъ ябедничали тогда взбудораженные и еще полные жизни крѣпостники, а внесеніе луча свѣта въ омертвѣлыя массы, подъемъ народнаго духа. Распространеніе грамотности и здравыхъ понятій о силахъ природы и отношеніяхъ къ нимъ человѣка—вотъ что стояло на первомъ планѣ. Разскажите эпизоды этой печальной исторіи и подробности возбужденной ею паники любому культурному нѣмцу, и вы увидите на его лицѣ только недоумѣніе. Онъ вспомнитъ свою добрую молодость, вспомнитъ, какъ онъ, цѣлымъ обществомъ, съ посохомъ въ рукахъ, исходилъ пѣшкомъ всѣ уголки Германіи, изучая родную страну и входя въ непосредственное общеніе съ ея народомъ. И непремѣнно скажетъ, что все это послужило къ пользѣ народной, къ поднятію общаго уровня народнаго самосознанія и къ освѣженію самой культурной среды“. Салтыковъ прямо заявляетъ, что всегда „относился съ сочувствіемъ“ къ этому движенію. „Кромѣ прямой пользы для народа и для правящихъ классовъ“, говоритъ онъ, „я не видѣлъ никакихъ угрозъ въ будущемъ“, такъ какъ „управлять народомъ, уже вступившимъ въ періодъ самосознанія, гораздо славнѣе и легче, нежели управлять полудикой толпой, гонимой страхомъ“ („Пестрыя письма“ VIII, 295 [1]).

Но если Салтыковъ прекрасно понималъ необходимость общенія образованныхъ классовъ съ народомъ, внесенія въ народную среду свѣта и знанія, которыхъ ей не достаетъ, то онъ не могъ сочувствовать тѣмъ крикамъ, которые стали слышаться у насъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ о необходимости приниженія интеллигенціи передъ народомъ и которые привели даже въ началѣ восьмидесятыхъ къ попыткѣ такъ-называемой „народной политики“; онъ горячо протестовалъ противъ рѣшенія: „мужика расковать, а заковать интеллигенцію.

---

[1]) Ср. разсказъ о поповскомъ сынѣ, который, по окончаніи курса въ семинаріи, сталъ пахать землю, и о томъ, что изъ этого вышло (VI, 359—363).

препоручивъ молодцамъ изъ Охотнаго ряда имѣть бдительнѣйшій за нею надзоръ“ (IV, 164—165). Эти враждебные интеллигенціи толки заставили сатирика напомнить, что полному единенію съ народомъ для человѣка интеллигентнаго мѣшаютъ не одни внѣшнія обстоятельства, что для этого являются препятствія и въ самомъ народѣ. „Не призыва требуетъ народъ, а подчиненія, не руководительства и ласки, а самоотреченія“, говоритъ Салтыковъ въ „За рубежемъ“ (1880—1881 гг.). „Вы задаете себѣ задачу: міръ, валящійся во тьмѣ, призвать къ свѣту, на массы болящія и недугующія призвать исцѣленіе. Но *бываютъ историческія минуты*, когда и этотъ міръ, и эти массы преисполняются угрюмостью и недовѣріемъ, когда они сами непостижимо упорствуютъ, оставаясь во тьмѣ и въ недугахъ. Не потому упорствуютъ, чтобы не понимали свѣта и исцѣленій, а потому, что источникъ этихъ благъ заподозрѣнъ ими. Въ такія минуты къ этому, валяющемуся во тьмѣ и недугахъ, міру нельзя подойти иначе, какъ предварительно погрузившись въ ту же самую тьму и болѣя тою-же самой проказой, которая грозитъ его истребить“ (VI, 183). Въ этомъ же произведеніи авторъ намекаетъ и на то, изъ какихъ источниковъ пошла „мода“ на народъ, не въ смыслѣ истиннаго сближенія съ нимъ, а въ смыслѣ „заковапія интеллигенціи“. „На насъ, сударь, завсегда мода“ (отвѣчаетъ автору „мальчикъ безъ штановъ“, сдѣлавшійся по контракту съ Разуваевымъ артельщикомъ спальнаго вагона): *„потому господину Разуваеву безъ насъ невозможно“* (VI, 194—196). Такимъ образомъ тѣ же Разуваевы, которые кричали „сицилистъ“ при всякой попыткѣ интеллигентнаго человѣка работать среди народа на пользу народа, которые были одними изъ главныхъ виновниковъ подозрительнаго отношенія народа къ людямъ ищущимъ съ нимъ сближенія не ради собственной корысти, — эти же Разуваевы, но только высшаго полета, кричатъ о необходимости „заковапія интеллигенціи“, той интеллигенціи, которая мѣшаетъ полному успѣху ихъ темныхъ операцій насчетъ мужицкаго кармана. Понятно, что, подъ вліяніемъ подстрекательства Разуваевыхъ и воздѣйствія становыхъ, народъ принимаетъ самыхъ невинныхъ людей за „сицилистовъ“ и происходитъ, по выраженію Салтыкова,

„ликвидація интеллигенціи въ пользу здороваго народнаго смысла“ (VII, 153, 171—173). Въ „Недоконченныхъ бесѣдахъ“ (1884 г.) авторъ совершенно справедливо указываетъ на то, что въ лицемѣрныхъ толкахъ охранительной публицистики „о здравомъ смыслѣ“ народа изображается „не заправскій народъ, а харчевня, наполненная міроѣдами“, и доказываетъ лицемѣрность этихъ толковъ тѣмъ, что тотъ же народъ, который „являлся вмѣстилищемъ исконныхъ русскихъ началъ“, черезъ нѣсколько газетныхъ столбцовъ оказывается „обезумѣвшею отъ водки толпою, сборищемъ воровъ, поджигателей, отравителей“ (VII, 588–591).

VIII.

Въ тѣсной связи со взглядами Салтыкова на крестьянскій міръ, съ его горячею любовью къ народу, ко всѣмъ нуждающимся и обездоленнымъ, къ человѣку, питающемуся лебедой, находится и его міросозерцаніе по отношенію къ вопросу о политическихъ и соціальныхъ реформахъ. Міросозерцаніе сатирика въ этомъ отношеніи было неясно для очень многихъ при его жизни, неясно, какъ намъ кажется, и до сихъ поръ. Еще при жизни, ему приходилось не разъ выслушивать требованія, чтобы онъ предъявилъ свое знамя, на что въ „Кругломъ годѣ“ (1879 г.) Салтыковъ шутливо отвѣчаетъ: „развѣ у обывателей полагаются знамена?“ (VII, 317). Послѣ смерти нашего знаменитаго писателя, его упрекали въ неразборчивомъ глумленіи надъ „своими“ и „чужими“, въ томъ, что онъ билъ „своихъ“ [1]). Во

[1]) Въ томъ же «Кругломъ годѣ» авторъ принужденъ былъ защищаться отъ обвиненій въ двоедушіи!—«Говорятъ», писалъ онъ, «что я изображаю въ смѣшномъ видѣ русскихъ консерваторовъ, — стало быть я не консерваторъ; но тутъ же рядомъ, и въ столь же неудовлетворительномъ видѣ я изображаю и русскихъ либераловъ,—стало быть я и не либералъ. Если первое можно объяснить предполагаемымъ во мнѣ либерализмомъ, то чѣмъ объяснить второе? Не желаніемъ ли понравиться начальству и тѣмъ хотя отчасти искупить продерзостныя нападки на консерваторовъ?.. Ну вотъ, и слава Богу!»

время редактированія „Отечественныхъ Записокъ“, Салтыкову приходилось по-неволѣ, по причинамъ цензурнымъ [1]) чаще отшучиваться на вопросы о знаменп. чѣмъ подробно разъяснять свое міровоззрѣніе (хотя, казалось бы, все направленіе редактируемаго имъ журнала дѣлало излишнимъ подобные вопросы), и вотъ онъ заявляетъ, что признаетъ „семейство, собственность и государство“, но съ весьма многозначительными оговорками, какъ, напримѣръ, относительно собственности.

---

[1]) Каковы были цензурныя условія, при которыхъ Салтыкову приходилось писать самому и редактировать «Отечественныя Записки», видно изъ его писемъ къ Н. Д. Хвощинской-Заіоньчковской-которая печатала свои произведенія подъ псевдонимомъ В. Крестовскій. Въ письмѣ къ ней отъ 20 февраля 1880 г. Салтыковъ говоритъ: «Я не писалъ къ вамъ, потому что книжка февральская выходила — и не вышла. Никогда ничего подобнаго не бывало, то есть, такого разгрома. Цѣлыя четыре статьи, по требованію цензуры, вырѣзаны, одна—исключена. Что въ будущемъ мѣсяцѣ печатать—не знаю». Въ мартѣ того же года былъ назначенъ начальникомъ по дѣламъ печати Н. С. Абаза, при которомъ журналистика почувствовала нѣкоторое облегченіе, и все же въ письмѣ отъ 15 мая Салтыкову приходилось извиняться предъ Н. Д. Заіоньчковскою, что въ ея повѣсти въ апрѣльской книжкѣ онъ вынужденъ былъ сдѣлать нѣкоторыя исключенія: «Увѣряю васъ», писалъ Салтыковъ, «что цензура все еще сильнѣе меня. Хоть и обѣщаютъ намъ времена льготныя, но это еще въ будущемъ. Да при томъ надо посмотрѣть, что за льготы такія. Уже былъ вопросъ о предостереженіи «Отечеств. Запискамъ» за апрѣльскую книжку, и, какъ удостовѣряетъ меня Н. С. Абаза, только онъ спасъ отъ этой кары, приводящей журналъ къ вожделенному концу. Я думаю, что льготы дѣйствительно будутъ, но сомнѣваюсь, чтобы онѣ распространялись на ту общечеловѣческую почву, которая составляетъ pia desideria «Отечест. Записокъ». Для нашего журнала, повидимому, нѣтъ ни правой, ни лѣвой—всѣ карты биты. На дняхъ Абаза говорилъ мнѣ: «Вашъ журналъ внушаетъ къ себѣ въ извѣстныхъ сферахъ чрезвычайное озлобленіе, поэтому, я, могу вамъ посовѣтовать только одно: осторожнѣе! На что я ему возразилъ, что у насъ есть только одно понятіе, прочно установившееся—это: осторожнѣе! И за тѣмъ, взявъ одръ свой, возвратился въ домъ свой для дальнѣйшихъ по сему предмету размышленій. А результатъ таковыхъ слѣдующій: какъ бы при либералахъ-то именно и не погибнуть. Двѣнадцать лѣтъ, какъ я хожу за «Отеч. Записками», видѣлъ Лонгинова, видѣлъ Шидловскаго и все-таки: живъ есмь и жива душа моя! А вотъ либералы пожалуй и подкузьмятъ». Однако, какъ извѣстно, изданіе «Отеч. Записокъ» было прекращено уже тогда, когда Н. С. Абаза и призвавшій его на постъ начальника по дѣламъ печати Лорисъ-Меликовъ были уже не у дѣлъ.

«Второе знамя: собственность. Пріемлю и ни мало вопреки глаголю. Но не пріемлю, чтобы коммерсантъ Деруновъ именовалъ себя апостоломъ собственности, хотя онъ до того простеръ свое усердіе въ этомъ направленіи, что всякую попытку крестьянъ получить за пудъ хлѣба 60 коп. вмѣсто предлагаемой имъ, Деруновымъ, полтины, считаетъ за бунтъ и потрясеніе (VII, 320, 324—325). Въ ненапечатанномъ въ свое время письмѣ къ Е. И. Утину Салтыковъ говоритъ: «Семья, собственность, государство... были въ свое время идеалами, однакожъ они видимо исчерпываются... Я обратился къ семьѣ, къ собственности, къ государству, и далъ понять, что въ наличности ничего этого уже нѣтъ. Что, стало быть, принципы, во имя которыхъ стѣсняется свобода, уже не суть принципы даже для тѣхъ, которые ими пользуются.—На принципѣ семейственности написаны мною «Головлевы». На принципѣ государственности — «Круглый годъ» (*Е. Утинъ.* «Изъ литературы и жизни», т. I. стр. 175. Спб. 1896 г.).

Въ очеркѣ „Дворянская хандра“ (1878 г.) сатирикъ бросаетъ дворянству упрекъ въ томъ, что его, „всегда гораздо сильнѣе трогалъ вопросъ о недостаткѣ такъ называемыхъ „свободъ“, нежели вопросъ о недостаткѣ ѣды. „Дворянину, воспитанному въ традиціяхъ красивыхъ линій и интересовъ исключительно спекулятивнаго свойства“, продолжаетъ Салтыковъ, „трудно даже вообразить: какъ это нѣтъ ѣды!“ Онъ еще можетъ довольно легко представить себѣ трагическую сторону безкормицы, но именно трагическую, красивую: вопли, стоны, проклятія, голодную смерть, а не обрядовое голоданіе, сопровождаемое почтительно сдерживаемымъ урчаніемъ въ животѣ и плаксивою суетою, направленною въ одну точку: во что бы то ни стало оборониться отъ смерти“ (VI, 506). Тутъ уже Салтыковъ довольно близко, хотя и отрицательнымъ путемъ, подходитъ къ отвѣту на вопросъ,—какое у него знамя, но этотъ краткій намекъ былъ едва ли замѣченъ тѣми, кто призывалъ его къ отвѣту. Высказаться яснѣе Салтыковъ нашелъ возможнымъ лишь въ концѣ своей литературной дѣятельности, а именно въ „Мелочахъ жизни“ (1886 г.), уже тогда, когда онъ пережилъ такой ударъ, какъ лишеніе возможности бесѣдовать съ читателями въ своемъ собственномъ органѣ. Но, прежде чѣмъ привести то мѣсто изъ этого произведенія, которое, по нашему мнѣнію, довольно ясно отвѣчаетъ на вопросъ, нерѣдко предъявлявшійся сатирику, какое у него знамя, мы считаемъ не безполезнымъ возвратиться къ тому кружку, къ которому, по собственному признанію Салтыкова, онъ

принадлежалъ въ юности; это возвращеніе тѣмъ болѣе будетъ кстати, что его profession de foi въ „Мелочахъ жизни“ начинается прямо съ воспоминанія объ ученіи Фурье [1]).

Въ 1845—1846 гг. Петрашевскій, какъ мы уже упоминали въ первой главѣ, при сотрудничествѣ нѣкоторыхъ его знакомыхъ, составилъ, съ цѣлью проведенія въ общество симпатичныхъ ему взглядовъ, „Карманный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка“, изданный Кирилловымъ. Здѣсь, какъ было уже сказано, при всякомъ удобномъ случаѣ излагались соціалистическія воззрѣнія, заимствованныя изъ сочиненій Оуэна, Сенъ-Симона, Базара и Анфантена, Фурье, Кабе и Прудона; что касается отношенія составителей къ вопросу о политическихъ реформахъ, то оно совершенно ясно изъ слѣдующихъ словъ статьи „конституція“: „На практикѣ до сихъ поръ это хваленое правленіе есть не что иное, какъ аристократія богатства. Защитники конституціи забываютъ, что человѣческій характеръ заключается не въ собственности, а въ личности и что, признавъ политическую власть богатыхъ надъ бѣдными, они защищаютъ самую страшную деспотію! Двѣсти тысячъ богатыхъ, управляющихъ тридцатью тремя милліонами бѣдныхъ и нищихъ,—то же самое, что каста аѳинскихъ или римскихъ гражданъ, которые утопали въ нѣгѣ и роскоши, попирали личность милліоновъ людей, оффиціально называющихся вещами“ (133—134). Нужно напомнить для правильнаго пониманія этихъ словъ, что отрицательное отношеніе многихъ членовъ кружка Петрашевскаго къ конституціонализму подкрѣплялось отсутствіемъ въ то время въ Европѣ

---

[1]) Въ послѣдній разъ Салтыковъ сочувственно вспомнилъ о кружкѣ Петрашевцевъ въ «Пошехонской старинѣ», не задолго до своей смерти. Одинъ изъ героевъ этого произведенія, предводитель Струнниковъ, получаетъ въ 1848 г. бумагу съ надписью: «весьма секретно», въ которой настойчиво требовались свѣдѣнія о духѣ, господствующемъ въ уѣздѣ, и впервые упоминалась кличка «соціалистъ». Далѣе авторъ прибавляетъ: «спустя короткое время пронесся разъяснительный слухъ, что въ Петербургѣ накрыли тайное общество злонамѣренныхъ молодыхъ людей, которые въ карты не играютъ, по трактирамъ не ходятъ, шпицбаловъ не посѣщаютъ, а только книжки читаютъ и промежду себя разговариваютъ» (гл. XXVII).

всеобщей подачи голосовъ и высокимъ избирательнымъ цензомъ [1]). Въ откровенныхъ бесѣдахъ на собраніяхъ у

[1]) Отрицательное отношеніе къ либераламъ-конституціоналистамъ мы встрѣчаемъ и въ „Современникѣ“ конца 1850-хъ годовъ. Чернышевскій въ своей статьѣ „Борьба партій во Франціи при Людовикѣ XVIII и Карлѣ X.“ („Современникъ“, 1858 г. № 8, стр. 312—314), назвавъ либерализмъ „превздорнымъ словомъ“, устанавливаетъ различіе либераловъ не только отъ радикаловъ, но и отъ „демократовъ“, разумѣя подъ послѣдними очевидно соціалистовъ. „У либераловъ и демократовъ существенно различны коренныя желанія, основныя побужденія. Демократы имѣютъ въ виду по возможности уничтожить преобладаніе высшихъ классовъ надъ низшими въ государственномъ устройствѣ, съ одной стороны уменьшить силу и богатство высшихъ сословій, съ другой дать болѣе вѣса и благосостоянія низшимъ сословіямъ. Какимъ путемъ измѣнить въ этомъ смыслѣ законы и поддержать новое устройство общества, для нихъ почти все равно. Напротивъ того, либералы никакъ не согласятся предоставить перевѣсъ въ обществѣ низшимъ сословіямъ, потому что эти сословія по своей необразованности и матеріальной скудости равнодушны къ интересамъ, которые выше всего для либеральной партіи, именно, къ праву свободной рѣчи и конституціонному устройству. Для демократа — наша Сибирь, въ которой простонародье пользуется благосостояніемъ, гораздо выше Англіи въ которой большинство народа терпитъ сильную нужду. Демократъ изъ всѣхъ политическихъ учрежденій непримиримо враждебенъ только одному — аристократіи; либералъ почти всегда находитъ, что только при извѣстной степени аристократизма общество можетъ достичь либеральнаго устройства. Потому либералы обыкновенно питаютъ къ демократамъ смертельную непріязнь, говоря что демократизмъ ведетъ къ деспотизму и гибеленъ для свободы“. Необходимымъ условіемъ политической свободы либералы считаютъ „свободу печатнаго слова и существованіе парламентскаго правленія; но такъ какъ свобода слова, при нынѣшнемъ состояніи западно-европейскихъ обществъ, становится обыкновенно средствомъ для демократической, страстной и радикальной пропаганды, то свободу слова они желаетъ держать въ довольно тѣсныхъ границахъ, чтобы она не обратилась противъ нихъ самихъ“. Участіе въ парламентѣ либералы также ограничиваютъ „тѣми классами народа, которымъ хорошо или даже очень хорошо жить при нынѣшнемъ устройствѣ западно-европейскихъ обществъ“. Указавъ далѣе вновь на то, что нужда и невѣжество мѣшаютъ народу дорожить правомъ свободной рѣчи и парламентскихъ преній, авторъ продолжаетъ: „Нѣтъ такой европейской страны, въ которой огромное большинство народа не было бы совершенно равнодушно къ правамъ, составляющимъ предметъ желаній и хлопотъ либерализма. Поэтому либерализмъ повсюду обреченъ на безсиліе: какъ ни разсуждать, а сильны только тѣ стремленія, прочны только тѣ учрежденія, которыя поддерживаются массою народа. Изъ теоретической узкости либеральныхъ понятій о свободѣ, какъ простомъ отсутствіи запрещенія, вытекаетъ практиче-

Петрашевскаго, Кашкина и др. лицъ, одни изъ членовъ этихъ кружковъ прямо высказывались за республику; другіе допускали, какъ переходную форму, конституціонное правленіе; для третьихъ конечнымъ идеаломъ было совершенное исчезновеніе европейскаго государственнаго строя, съ его государями, министрами, войскомъ и столицами, и замѣна его небольшими общинами по планамъ Фурье. Нѣкоторые члены кружка Петрашевскаго, какъ напр., Ястржембскій, говорили, что они, какъ убѣжденные послѣдователи Фурье, политикой въ собственномъ смыслѣ не интересовались вовсе и въ особенности къ формѣ правленія были совершенно равнодушны. Такимъ образомъ если въ обществѣ декабристовъ первенствующую роль игралъ вопросъ о политическихъ реформахъ [1]), то въ кружкѣ петрашевцевъ на первомъ мѣстѣ стояли вопросы соціальные, къ политическому же либерализму нѣкоторые изъ нихъ относились или отрицательно, или совершенно индифферентно. Это не мѣшало имъ желать для Россіи свободы книгопечатанія и введенія гласнаго судопроизводства. Уничтоженія

ское слабосиліе либерализма, не имѣющаго прочной поддержки въ массѣ народа, не дорожащей правами, воспользоваться которыми она не можетъ по недостатку средствъ". Либерализмъ „хлопочетъ объ отвлеченныхъ правахъ, не заботясь о житейскомъ благосостояніи массъ, которое одно и даетъ возможность къ реальному осуществленію права" (Рѣзкія насмѣшки надъ западно-европейскими либералами нерѣдко встрѣчаются въ „Современникѣ" и въ началѣ 1860-хъ годовъ). Нѣтъ надобности напоминать, что съ тѣхъ поръ много воды утекло въ западной Европѣ и что народъ научился пользоваться своими политическими правами; но приведенное мѣсто изъ статьи Чернышевскаго поясняетъ и отношеніе Салтыкова къ дворянскому либерализму въ первой половинѣ 60-хъ годовъ. Нужно замѣтить впрочемъ, что самъ Чернышевскій, послѣ крестьянской реформы, выражаетъ въ одномъ произведеніи (1862 г.) сочувствіе тѣмъ желаніямъ политической реформы, представителемъ которой выступила либеральная часть дворянства (конечно не исключительно въ сословныхъ своихъ интересахъ) и энергически возражаетъ противъ толкованія, что эти желанія вызваны раздраженіемъ, причиненнымъ уничтоженіемъ крѣпостного права.

[1]) Впрочемъ они требовали, какъ извѣстно, и уничтоженія крѣпостного права, а часть ихъ уже додумалась и до того, что освобожденіе крестьянъ должно произвести не иначе, какъ съ землею. См. мою статью „Крестьянскій вопросъ во второй половинѣ XVIII и первой половинѣ XIX в." въ сборникѣ „Крестьянскій строй" 1905 г. т. I, 209—241.

крѣпостного права одни изъ нихъ ожидали отъ самодержавной власти, другіе—отъ возстанія крестьянъ.

Принявъ во вниманіе указанное настроеніе того кружка, среди котораго вращался Салтыковъ въ юности, намъ будетъ совершенно понятно слѣдующее признаніе его въ „Мелочахъ жизни“, которое, въ виду важности его для характеристики міросозерцанія нашего сатирика, мы считаемъ необходимымъ привести въ довольно обширномъ извлеченіи.

Указавъ на необходимость „подъема уровня общественнаго сознанія“, „коренного преобразованія жизненныхъ формъ“, Салтыковъ продолжаетъ: „Старинные утописты были вполнѣ правы, утверждая, что для новой жизни и основанія должны быть даны новыя и что только при этомъ условіи человѣчество освободится отъ удручающихъ его золъ. Они наглядно рисовали картины новой жизни, вводили въ самыя нѣдра ея, показывали ее въ полномъ дѣйствіи. Вліяніе утопистовъ на общество чувствуется и теперь; хотя и до сихъ поръ задача о новыхъ основаніяхъ заставляетъ метаться человѣчество въ унынін и безнадежности“.

Ошибка утопистовъ, по мнѣнію Салтыкова, заключалась въ томъ, что они, по его выраженію, „усчитывали будущее, уснащая его мельчайшими подробностями“... [1]).

«Въ результатѣ оказалось явное противорѣчіе съ безпрерывно наростающими жизненными требованіями, а за противорѣчіемъ послѣдовало недовѣріе, смѣхъ, надругательства. Великія основныя идеи о привлекательности труда, о гармоніи страстей, объ общедоступности жизненныхъ благъ и пр. были заслонены провидѣніями, регламентаціей и, въ концѣ концовъ, забыты или, по крайней мѣрѣ, разсыпались по мелочамъ.

«Тѣмъ не менѣе идея новыхъ основаній для новой жизни, идея освобожденія жизни исключительно при помощи этихъ новыхъ

---

[1]) Тутъ Салтыковъ имѣетъ въ виду предсказанія фурье о новыхъ твореніяхъ въ будущемъ, когда устроится гармоническая жизнь, объ анти-львахъ, анти-акулахъ и т. п. Салтыковъ упоминаетъ также о „когортахъ самоотверженныхъ“, предложенныхъ Фурье для удаленія нечистотъ. Наконецъ, онъ указываетъ на то, что большинство послѣдователей Фурье „придерживалось именно буквы ученія и въ особенности настаивало на его подробностяхъ“. Въ письмѣ къ Е. И. Утину (1881 г.) Салтыковъ говоритъ „Фурье былъ великій мыслитель, а вся прикладная часть его теоріи оказывается болѣе или менѣе несостоятельною, и остаются только неумирающія общія положенія“. *Е. Утинъ* „Изъ литературы и жизни“, т. I, стр. 176. Спб. 1896 г.

основаній отъ мелочей, дѣлающихъ ее постылою, остается пока во всей своей силѣ и продолжаетъ волновать мыслящіе умы»... «Сущность убѣжденія» автора «заключается въ томъ, что человѣчество безсрочно будетъ томиться подъ игомъ мелочей, ежели сиблаговременно не получится *полной свободы въ обсужденіи идеаловъ будущаго.* Только одно это средство и можетъ дать ощутительные результаты.

«Господствующее мнѣніе, руководимое политиканами, не только у насъ, но и въ цѣлой Европѣ, не признаетъ однако-жъ этой истины. Политиканы охотнѣе допускаютъ расширеніе свободы въ обсужденіи задачъ политическихъ, нежели соціальныхъ. Послѣднія считаются не только преждевременными и ни къ чему не ведущими, но и положительно опасными. Самая постановка ихъ будто бы равносильна посягательству на существующій порядокъ вещей, возбужденію дурныхъ страстей и несбыточныхъ надеждъ. Ежели и политическія повѣствованія влекутъ за собою зло, не легко поправимое, то по крайней мѣрѣ они скользятъ по поверхности, не затрогивая коренныхъ основъ, на которыхъ искони зиждутся общества и государства. Напротивъ того повѣствованія соціальныя проникаютъ въ самую глубь массъ, порождаютъ въ нихъ озлобленіе, будятъ инстинкты зависти и алчности и наконецъ вызываютъ на открытую борьбу. Однимъ словомъ, вредъ, принесенный старинными утопистами и ихъ позднѣйшими послѣдователями, сдѣлался въ глазахъ политикановъ настолько ясенъ, что поощрять утопію и даже оставаться къ ней равнодушнымъ не представляется никакой возможности.

«Нельзя не признать», – продолжаетъ Салтыковъ,— «что въ такомъ сужденіи есть извѣстная доля правды, и именно въ томъ, что касается политическихъ повѣствованій. Послѣднія, дѣйствительно, только скользятъ по поверхности, перемѣщая центръ власти изъ однѣхъ рукъ въ другія... и отчасти расширяя (впрочемъ очень умѣренно) кадры правящихъ классовъ. Въ массы народныя они проникаютъ въ видѣ отдаленнаго гула, не измѣняя ни одной черты ни въ ихъ бытѣ, ни въ ихъ благосостояніи. Поэтому массы относятся къ подобнымъ повѣствованіямъ не только равнодушно, но и съ удивленіемъ, не понимая, почему у кормила понадобился въ данную минуту Гизо, а Тьеръ оказался ненужнымъ.

«Напротивъ, тоже господствующее мнѣніе оказывается совершенно неправымъ относительно повѣствованій соціологическихъ. И неправо оно, во первыхъ потому, что въ основаніи соціологическихъ изысканій лежитъ предусмотрительность, которая всегда была главнымъ и существеннымъ основаніемъ развитія человѣческихъ обществъ, и, во вторыхъ, потому, что ежели и справедливо, что утопіи производили въ массахъ извѣстный переполохъ, то причину этого нужно искать не въ открытомъ обсужденіи идеаловъ будущаго, а скорѣе въ стѣсненіяхъ и преслѣдованіяхъ, которыми постоянно сопровождалось это обсужденіе.

«Самая наглядная очевидность требуетъ, чтобы общественные вопросы всегда стояли на очереди и постоянно подвергались разработкѣ.

«Затѣмъ естественно возникаетъ вопросъ: если уже нельзя не ощущать паники при одномъ словѣ «повѣствованіе», то какія изъ нихъ

заключаютъ въ себѣ наибольшую сумму угрозъ: политическія или соціальныя?

«На мой взглядъ—первыя. Прежде всего они почти всегда настигаютъ общество внезапно; сверхъ того, сравнительно бѣдныя результатами, они непосредственно затрогиваютъ личные интересы и уязвляютъ личныя честолюбія. Повторяю: они перемѣщаютъ центры власти въ ущербъ или къ выгодѣ немногихъ заинтересованныхъ личностей, но безъ существенной пользы для массъ. Напротивъ того, соціальныя новшества, ежели и не влекутъ за собой прямого освобожденія массъ отъ удручающихъ мелочей, то представляютъ собой непрерывную подготовку къ такому освобожденію».

Въ заключеніе авторъ указываетъ на то, что массы и не представляютъ „черезчуръ несоразмѣрныхъ требованій“; всѣ ихъ желанія по части новшествъ ограничиваются лишь тѣмъ, что составляетъ дѣйствительную и неотложную нужду“ (VIII, 334—338).

Если мы сопоставимъ цитируемое мѣсто (привести которое мы считали тѣмъ болѣе необходимымъ, что на него не было обращено должнаго вниманія) съ тѣмъ, что говорилось въ молодомъ соціалистическомъ кружкѣ, къ которому Салтыковъ нѣкогда принадлежалъ, то мы увидимъ, что его символъ вѣры, если не въ подробностяхъ, то по крайней мѣрѣ въ основныхъ чертахъ, остался тотъ-же въ концѣ жизни, какъ и сорокъ лѣтъ ранѣе, т. е., что реформы политическія имѣютъ значеніе только въ связи съ реформами соціальными. Но въ то же время онъ понималъ, что не всякая политическая среда удобна для проведенія серьезныхъ соціальныхъ реформъ: не даромъ онъ требовалъ тутъ же „полной свободы въ обсужденіи идеаловъ будущаго“. Салтыковъ не повторилъ бы безъ оговорокъ приведенныхъ выше словъ Ястржембскаго: онъ считаетъ неправильнымъ мнѣніе Фурье, что „комбинированная имъ форма общежитія можетъ существовать во всякой средѣ, не только не рискуя быть подавленною, но и подготовляя своимъ примѣромъ къ воспринятію новой жизни самыхъ закоренѣлыхъ профановъ“ (т. VIII, 334).

Въ одномъ изъ очерковъ, вошедшихъ въ составъ „Благонамѣренныхъ рѣчей“ (1876 г.), упомянувъ объ увѣренности низшихъ классовъ Франціи, „что формы правленія безразличны и что всѣ онѣ имѣютъ въ виду только [illegible]щее утученіе и безъ того тучнаго буржуа“, Салтыковъ прибавляетъ, что это *„увѣренность печаль-*

ная и даже неосновательная“, но въ тоже время разъясняетъ, что она сообщаетъ „самому акту всеобщей подачи голосовъ характеръ чистой случайности“ и что республика, какъ оказывается, „нисколько не препятствуетъ осуществленію стремленій“ буржуазіи (V, 589). Такимъ образомъ соціальныя реформы сохраняли для Щедрина первостепенную важность, но въ связи съ необходимыми для ихъ полнаго осуществленія политическими реформами [1]).—онъ только скептически относился къ такимъ измѣненіямъ государственнаго строя, которыя, давая власть высшему или среднему сословію, не обезпечиваютъ интересовъ народа. Имѣя въ виду эту общую точку зрѣнія, будетъ вполнѣ понятно и отношеніе Салтыкова къ дворянскому либерализму, и то, что даже въ эпоху такъ называемой „диктатуры сердца“ онъ съ большимъ сомнѣніемъ отнесся къ толкамъ объ увѣнчаніи зданія“ [2]). Можно, впрочемъ, замѣтить, что гр. Лорисъ-Меликовъ вовсе не былъ конституціоналистомъ: онъ стоялъ только „за возможно широкое распространеніе народнаго образованія, за нестѣсняемость науки, за расширеніе и большую самостоятельность самоуправленія и за привлеченіе выборныхъ отъ обще-

---

[1]) Въ статьѣ „Сила событій“, вызванной разгромомъ Франціи, онъ упоминаетъ о „существенныхъ выгодахъ народнаго предотавительства“, но оговаривается, что онѣ могутъ утратить „все значеніе, благодаря изнуряющему вліянію централизаціи“. („Отеч. Зап.“ 1870 г. № 10, стр. 466; статья подписана буквами: М. М.).

[2]) „Хорошо-то оно хорошо, думалось мнѣ,—говоритъ Салтыковъ въ „За рубежомъ“,—а что ежели... вся штука разрѣшится уставомъ о кантонистахъ? Что ежели встанетъ изъ гроба графъ Алексѣй Андреевичъ (Аракчеевъ), отыщетъ въ архивѣ извѣстный мнѣ „уставъ“ и, дополнивъ оный краткими правилами насчетъ могущаго быть свѣтопредставленія, воскликнетъ: шабашъ!» (VI, 57). Скептицизмъ этотъ поддерживался въ Салтыковѣ тѣмъ, что въ тогдашнемъ обществѣ далеко не установились взгляды на, такъ называемый, правовой порядокъ. Въ томъ же произведеніи авторъ говоритъ: „Какъ извѣстно, „конституція“ и куши составляютъ больное мѣсто русской современности, но „конституцію“ понимаютъ смутно и каждый по своему, а „куши“ всѣми понимаются ясно и одинаково!“ (VI, 17). Слыша разныя либеральныя пожеланія, нашъ сатирикъ всегда останавливается на вопросѣ, чью пользу имѣютъ въ виду лица, ихъ высказывающія, а въ началѣ 80-хъ годовъ, по свидѣтельству Салтыкова, толки о политическихъ гарантіяхъ стали исходить и отъ Колупаевыхъ и Разуваевыхъ.

ства къ обсужденію законодательныхъ вопросовъ въ качествѣ *совѣщательныхъ* членовъ“ [1]).

При томъ значеніи, которое, какъ мы только что видѣли, Салтыковъ придавалъ „утопистамъ“, стремящимся къ измѣненію самыхъ основъ жизни, вполнѣ понятно, что онъ постоянно защищалъ необходимость утопій въ общей экономіи жизненнаго прогресса. Онъ всегда горячо ратовалъ противъ „неисправимой ограниченности кругозоровъ“ и доказывалъ, что безъ „такъ-называемыхъ утопій“ истинно плодотворная умственная жизнь невозможна (II, 317, 351). Въ „Дневникѣ провинціала“ онъ говоритъ: „Кто въ двадцать лѣтъ... не стремился къ общему возрожденію, про того трудно даже сказать, что у него было когда-нибудь сердце, способное сочувствовать и сострадать“ (IV, 444). Въ „Письмахъ къ тетенькѣ“, защищая не только дозволительность, но даже полезность „бредней“, нашъ сатирикъ спрашиваетъ: упраздненіе крѣпостного права—развѣ это не величайшая изъ „бредней“? (VI, 218). Узкость кругозора той либеральной фракціи въ журналистикѣ, членовъ которой нашъ сатирикъ называлъ пѣнкоснимателями, была главною причиною его раздражительнаго къ нимъ отношенія. „Одна изъ характеристическихъ чертъ пѣнкоснимательства“, говоритъ онъ, „это враждебное отношеніе къ

---

[1]) Воспоминанія Н. А. Бѣлоголоваго, изд. 4, Спб. 1901 г., стр. 161. Гр. Лорисъ-Меликовъ былъ большимъ поклонникомъ Салтыкова (ср. Ibid. стр. 583). Въ маѣ 1880 г. Мих. Евграфовичъ писалъ Н. Д. Хвощинской-Заіончковской: «На дняхъ былъ я у гр. Лорисъ-Меликова (самъ пожелалъ познакомиться), принялъ отлично-благосклонно, разспрашивалъ о прежней моей ссылкѣ въ Вятку, и вдругъ, среди благосклонности, вопросъ: „а что если-бы васъ теперь сослали („я, конечно, шучу“, прибавилъ графъ. На что я отвѣтилъ, что въ 1818 г. мое тѣло было доставлено въ Вятку въ цѣлости, ну а теперь, пожалуй привезутъ только разрозненные члены онаго. А впрочемъ, дескать, готовъ, только вотъ какъ бы члены въ дорогѣ не растерять. Тѣмъ не менѣе долженъ сказать: это человѣкъ хорошій и умный. Знаетъ солдата до тонкости, а стало быть не чуждъ и знанія народа. И представьте себѣ, въ теченіе часа ни разу меня не обругалъ. Такъ что я... взявъ одръ, пошелъ въ домъ свой“. („Русская Старина“, 1891 г. № 2, стр. 459). Другой редакторъ „Отечественныхъ записокъ“, Н. К. Михайловскій, какъ видно изъ его статьи въ „Народной Волѣ“ иначе относился къ Лорисъ-Меликову и обвинялъ его политику въ крайней двуличности. Правъ былъ въ этомъ случаѣ не Салтыковъ, а Михайловскій.

такъ-называемымъ утопіямъ... Пѣпкоснимательь не только свободенъ отъ всѣхъ мечтаній, но даже гордъ этой свободой. Онъ не понимаетъ, что утопія точно также служитъ цивилизаціи, какъ и самое конкретное научное открытіе“ (IV, 343) [1].

И при жизни, и по смерти Салтыкова раздавались по его адресу всевозможные укоры, между прочимъ— что онъ не предъявляетъ опредѣленнаго знамени, что онъ бьетъ „своихъ“. По смерти его одинъ критикъ сказалъ даже, что „будущій историкъ не посмотритъ на картины Салтыкова, какъ на снимки или отраженія дѣйствительности“; что будто бы онъ увидитъ въ нихъ „блестящую фантазію, которая жила, питалась и обогащалась явленіями жизни и выродилась въ чудесный фарсъ, въ которомъ однако такъ же было бы безполезно искать дѣйствительности, какъ и въ сказкахъ Гофмана“ [2]) Мы разсмотрѣли отношеніе Салтыкова только къ крѣпостному праву, къ крестьянскому вопросу и къ народу вообще и коснулись по этому поводу его взглядовъ на политическія и соціальныя реформы и тѣмъ не менѣе, смѣемъ думать, достаточно показали и то, что Салтыковъ былъ человѣкъ вполнѣ опредѣленнаго направленія, и то, что тѣ, которыхъ онъ бичевалъ своею сатирою, не были для него „своими“ людьми. Со свойственною ему правдивостью онъ могъ указывать ошибки и въ лагерѣ своихъ единомышленниковъ, но все-таки отношеніе его къ представителямъ этого лагеря совершенно иное, чѣмъ къ другимъ литературнымъ и общественнымъ партіямъ. Мы показали также на множествѣ примѣровъ,

---

[1]) Въ „Итогахъ“ онъ указываетъ на то, что со стороны „прогрессистовъ“ раздаются „безконечныя инсинуаціи на счетъ неблагонадежныхъ элементовъ, наплывъ которыхъ якобы не слѣдуетъ допускать“ (II, 496).

[2]) *В. Чуйко.* М. Е. Салтыковъ. „Опытъ литературной характеристики“. „Наблюдатель“ 1889 г. №6, стр. 197, ср. 189, 211. Этого критика превзошелъ только Страховъ, который еще при жизни Салтыкова утверждалъ, что произведенія Щедрина не сатира, а переходящая всякую мѣру карикатура, не иронія, а нахальная издѣвка, неистовое глумленіе“, что Щедринъ „фельетонистъ .. не стоющій имени сатирика“, что „вся эта пресловутая сатира есть нѣкотораго рода Ноздревщина и Хлестаковщина съ большою прибавкою Собакевича“. („Русь“, 1883 г. № 2, статья *Н. Страхова* „Взглядъ на текущую русскую литературу“, стр. 31).

что историкъ можетъ и долженъ взглянуть на картины Салтыкова, какъ на самые вѣрные „снимки или отраженія дѣйствительности“, какъ на одинъ изъ лучшихъ источниковъ для исторіи общества и народа въ три послѣднія царствованія. Отзывамъ Страхова и Чуйко мы противопоставимъ оцѣнку Салтыкова, сдѣланную Н. Г. Чернышевскимъ. Въ критической статьѣ по поводу „Губернскихъ очерковъ“, Чернышевскій говоритъ, что, по его мнѣнію, это произведеніе—не только прекрасное литературное явленіе: „эта благородная и превосходная книга принадлежитъ къ числу историческихъ фактовъ русской жизни. „Губернскими очерками“ гордится и долго будетъ гордиться наша литература. Въ каждомъ порядочномъ человѣкѣ русской земли Щедринъ имѣетъ глубокаго почитателя. Честно имя его между лучшими и полезнѣйшими и даровитѣйшими дѣтьми нашей родины. Онъ найдетъ себѣ многихъ панегиристовъ, и всѣхъ панегириковъ достоинъ онъ. Какъ бы ни были высоки похвалы его таланту и знанію, его честности и проницательности... мы впередъ говоримъ, что всѣ эти похвалы не будутъ превышать достоинства книги, имъ напи с нной“ [1]). Салтыковъ еще тридцать два года послѣ этого неустанно трудился на пользу русскаго общества и литературы, онъ создалъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ произведеній, въ которыхъ съ величайшею чуткостью отзывался на злобу дня, онъ далъ геніальныя картины крѣпостнической Россіи въ „Господахъ Головлевыхъ“ и „Пошехонской старинѣ“; онъ былъ, наконецъ, 16 лѣтъ однимъ изъ редакторовъ такого журнала, какъ „Отечественныя Записки“,—надѣемся, что послѣ всего этого онъ заслужилъ, чтобы о немъ повторили теперь то, что было сказано еще въ 1857 году [2]).

---

[1]) „Современникъ“ 1857 г. т. 63, № 6, стр. 65—66. „Критическія статьи“ (Н. Г. Чернышевскаго), 1893 г. стр. 358.

[2]) Лучшая оцѣнка литературной дѣятельности Салтыкова сдѣлана въ извѣстной книгѣ Н. К. Михайловскаго, лучшій біографическій очеркъ принадлежитъ перу С. Н. Кривенко (въ біографической библіотекѣ Павленкова). См. также статью *Вл. Кранихфельда*, „М. Е. Салтыковъ (Н. Щедринъ). (Опытъ литературной характеристики) („Міръ Божій“ 1904 №№ 4, 6, и 7), гдѣ произведенія Салтыкова разсматриваются въ связи съ его біографіею. Къ сожалѣнію статья эта пока доведена лишь до 1864 г.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются сочиненія

В. И. Семевскаго.

1. **Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка.** Т. I. (53+517 стр.). Спб., 1888. Ц. 3 р. (Подготовка паденія крѣпостного права въ XVIII и первой четверти XIX в.).

2. **Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка.** Т. II. (625 стр.). Спб., 1888. Ц. 3 р. (Подготовка паденія крѣпостного права въ царствованіе императора Николая I).

3. **Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ.** Томъ I. (LXXXIV+574 стр.). Спб., 1898. Ц. 3 р.

4. **Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ.** Т. II. (914 стр.). Спб., 1898 г. Ц. 3 р.

5. **Василій Ивановичъ Водовозовъ.** Біографическій очеркъ, съ портретомъ. 1888 г. (169+VIII стр.). Ц. 50 к.

6. **Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II.** Т. I, изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб., 1903. (XXXVII+643 стр.). (Введеніе. Помѣщики и крѣпостные крестьяне. Поссесіонные крестьяне).

7. **Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II.** Т. II. (XL+865 стр.). Спб., 1901 г. Ц. 5 р. (Крестьяне дворцоваго вѣдомства. Крестьяне церковныхъ вотчинъ. Государственные крестьяне. Однодворцы и старыхъ службъ служилые люди. Ямщики. Обѣльные вотчинники и крестьяне).

8. **Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 1840-хъ годовъ. (Петрашевцы).** 1905 г. Ц. 15 к. (Изданіе Н. Парамонова „Донская Рѣчь“).

М. А. Петровскій.

Избирательная кампанія

въ

свободныхъ государствахъ.

М-709

Цѣна 4 коп.

Изд. Н. Е. Парамонова.
„Донская Рѣчь“
въ Ростовѣ на Дону.

Дозволено цензурою 27 марта 1906 г.

Типо-литографія „Энергія“, Загородный, д. 17.

Избирательная кампанія въ свободныхъ государствахъ *).

Избирательная кампанія въ западно-европейскихъ государствахъ является временемъ наиболѣе интенсивной политической жизни. Какъ только въ странѣ объявляются выборы народныхъ представителей, повсюду начинаетъ замѣчаться необычайное оживленіе. Повсемѣстно происходятъ народныя собранія. Политическіе дѣятели объѣзжаютъ всю страну и произносятъ рѣчи. Среди населенія начинаютъ циркулировать брошюры, листки и другіе образчики выборной литературы. Стѣны домовъ покрываются афишами и воззваніями и рисунками, относящимися къ предстоящимъ выборамъ. Вызывая въ народѣ подъемъ политическаго настроенія, выборы являются вмѣстѣ съ тѣмъ отличной политической школой для населенія. Избиратели и ихъ близкіе отвлекаются отъ своихъ будничныхъ интересовъ и начинаютъ чувствовать себя гражданами, частью великаго цѣлаго. Даже равнодушные невольно втягиваются въ круговоротъ общественной жизни, которая во время предвыборной кампаніи стучится у ихъ дверей. Страны, въ которыхъ политическая свобода существуетъ изстари, уже давно оцѣнили это значеніе

*) При составленіи этого очерка мы пользовались богатымъ матеріаломъ, содержащимся въ замѣчательной книгѣ Острогорскаго „La Democratie et l'organisation des parties politiques“.

избирательной агитаціи. Вотъ что писала въ 1818 году шотландская газета Edinbourgh Revieu по поводу выборовъ, происходившихъ въ томъ году: „Избирательные митинги представляются наиболѣе безопасными и полезными изо всѣхъ народныхъ собраній. На этихъ собраніяхъ сходятся люди всѣхъ званій и самаго разнообразнаго образа мыслей и здѣсь народъ публично и даже торжественно даруетъ одну изъ наивысшихъ премій, которыхъ можетъ добиваться благородное честолюбіе. Вслѣдствіе этого они получаютъ важное значеніе и сообщаютъ самымъ ничтожнымъ изъ участниковъ въ нихъ сознаніе собственнаго значенія, котораго они никогда бы не почувствовали на случайныхъ собраніяхъ. До извѣстной степени они сообщаютъ свою важность и серьезность и другимъ митингамъ, созываемымъ по поводу выборовъ и даже такимъ, которые устраиваются и въ другое время. На выборахъ политическіе принципы перестаютъ быть абстрактными идеями. Они воплощаются въ живыхъ лицъ и холодное убѣжденіе въ какой-нибудь истинѣ или равнодушное одобреніе какой-нибудь мѣры оживляются чувствомъ преданности своимъ вождямъ или враждебности къ противникамъ“.

„Всѣ политическія страсти разгораются въ борьбѣ. Даже внѣшнія условія этой борьбы дѣйствуютъ на воображеніе и усиливаютъ страстность чувства. Описаніе подробностей ея изо дня въ день пробуждаютъ энтузіазмъ по всей странѣ. Ея различныя перипетіи возбуждаютъ тревогу и волненіе въ сторонникахъ всѣхъ партій и даютъ поводъ къ обсужденію всевозможныхъ политическихъ вопросовъ, при чемъ слушатели или читатели всѣмъ сердцемъ участвуютъ въ этомъ обсужденіи и слѣдятъ за какимъ-нибудь политическимъ споромъ, какъ за ходомъ сраженія. Такимъ образомъ растетъ власть демократіи, высшее выраженіе которой есть воздѣйствіе наибольшаго числа

независимыхъ мнѣній на правительственныя мѣропріятія. Образованіе можетъ, разумѣется, увеличивать число и расширять кругозоръ тѣхъ, чьи возрѣнія въ совокупности составляютъ общественное мнѣніе, но мужество и рвеніе, придающія ему такую силу, воспитываются только многолюдными публичными собраніями и, слѣдовательно, народными выборами“ *).

Эти слова были написаны еще въ то время, когда только незначительная часть англійскаго народа имѣла право голоса на выборахъ и когда широкая свобода слова и общественныхъ собраній, свойственная Англіи, еще не утвердилась вполнѣ. Не трудно понять, насколько возросло значеніе выборовъ въ свободныхъ государствахъ теперь, когда на ряду съ свободой слова и собраній и ихъ граждане пользуются всеобщимъ или почти всеобщимъ избирательнымъ правомъ.

I. Партіи и выборы. Организація партій въ Англіи и въ другихъ странахъ.

Во всѣхъ свободныхъ государствахъ избирательная кампанія, какъ и самые выборы, носитъ партійный характеръ. Это значитъ, что кандидаты, выступающіе на выборахъ, выставляются не только тѣмъ или другимъ избирательнымъ округомъ, а и той или другой партіей. Значеніе партій въ жизни свободныхъ странъ, ихъ необходимость для правильнаго теченія государственной и общественной жизни понятны всѣмъ, кто знакомъ съ исторіей Западной Европы и Америки. Только широкія партійныя организаціи могутъ внести въ политику систему и дисциплину, только онѣ могутъ воспитать народныя массы. Только на почвѣ партійной организаціи и борьбы можетъ пробудиться и поддерживаться въ народѣ живой интересъ къ общественнымъ дѣламъ и

*) Джефсонъ. „Платформа“ стр. 463 - 464.

создаваться прочныя политическія убѣжденія. Неорганизованное общественное мнѣніе съ его вѣчными колебаніями, съ его стремленіемъ дробиться на мелкіе, безсильные ручейки, совершенно непригодно къ тому, чтобы придавать быстрый и правильный ходъ государственной машинѣ. Это по силамъ только мощной системѣ партій, охватывающей всю страну и соединяющей разрозненные ручьи политической мысли въ два-три мощныхъ потока. Страны, уже давно живущія политической жизнью, отказались отъ представленія, будто борьба партій за преобладаніе есть низменная свалка изъ-за добычи, и видятъ въ ней плодотворную, здоровую борьбу за проведеніе въ жизнь тѣхъ соціальныхъ идеаловъ, осуществленіе которыхъ каждая партія считаетъ существеннымъ условіемъ благосостоянія народа въ его цѣломъ. Только при существованіи широкой партійной организаціи, охватывающей всю страну, избиратели научаются помнить, что ихъ округъ меньше націи, что мѣстныя нужды должны отходить на второй планъ передъ общенароднымъ и начинаютъ относиться къ своему избирательному праву не только какъ къ личному праву, но и какъ къ гражданской обязанности, отъ правильнаго выполненія которой зависитъ благо цѣлаго. Такимъ образомъ, партійная система и партійная борьба не только не принижаютъ выборовъ, но, напротивъ, возвышаютъ ихъ, придаютъ имъ характеръ торжественнаго момента въ жизни страны. Это въ особенности слѣдуетъ помнить потому, что предвыборная борьба партій, о которой пойдетъ рѣчь дальше, полна подробностей то привлекательныхъ, то отталкивающихъ или комическихъ, и эти то несимпатичныя подробности заставляютъ многихъ не видѣть изъ-за деревьевъ лѣса и относиться къ партійной борьбѣ, какъ къ отрицательному явленію.

Такъ какъ предвыборная кампанія ведется повсюду на партійной основѣ, то для правильнаго пониманія ея

механизма необходимо остановиться на организаціи партій въ свободныхъ государствахъ. Всего легче можно ознакомиться съ ней на примѣрѣ Англіи, гдѣ народное представительство и выборы существуютъ уже нѣсколько столѣтій, гдѣ пріемы избирательной борьбы вырабатывались вѣками и въ которой партіи сорганизованы лучше, чѣмъ гдѣ-либо. Примѣръ Англіи удобенъ также и потому, что въ ней борьба ведется между двумя мощными историческими сложившимися партіями, сумѣвшими сгруппировать вокругъ себя почти всѣ живыя силы націи. Здѣсь нѣтъ такого дробленія силъ, какое замѣчается въ государствахъ, позже вступившихъ на путь политической свободы. Поэтому нигдѣ избирательная кампанія не ведется съ такой энергіей и стройностью, не представляетъ такой яркой и наглядной картины, какъ въ Англіи.

Въ Англіи огромное большинство населенія дѣлится на сторонниковъ двухъ партій: либеральной и консервативной. По образному выраженію одного англійскаго публициста всякій англичанинъ рождается консерваторомъ или либераломъ. Остальныя партія, дѣйствующія въ странѣ,—ирландская, рабочая,—играютъ второстепенную роль. Всѣ политически дѣятельные элементы либеральной и консервативной партіи объединены въ двѣ мощныя организаціи (Caucus), охватывающія всю страну... Либеральная организація носитъ названіе „Національной либеральной федераціи“, а консервативная зовется „Національнымъ Союзомъ консервативныхъ ассоціацій“. Слово „національный“ указываетъ въ обоихъ случаяхъ на то, что та и другая организація охватываютъ всю націю и въ отличіе отъ мѣстныхъ союзовъ и федерацій. И дѣйствительно, либеральная федерація и консервативный союзъ покрываютъ своей сѣтью всю Англію и имѣютъ свои отдѣленія (мѣстныя ассоціаціи) во всѣхъ избирательныхъ округахъ, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ.

Мѣстныя ассоціаціи имѣютъ своимъ постояннымъ сборнымъ пунктомъ политическіе клубы, въ которые вступаютъ всѣ мѣстные люди, принимающіе сколько-нибудь живое участіе въ политической жизни. Члены клуба ежегодно выбираютъ комитетъ изъ нѣсколькихъ десятковъ лицъ и этотъ политическій комитетъ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ завѣдываніе мѣстными партійными дѣлами.

Мѣстныя консервативныя и либеральныя ассоціаціи посылаютъ въ центръ (въ Лондонъ) своихъ делегатовъ, которые всѣ вмѣстѣ образуютъ съѣздъ партіи, которому и принадлежитъ рѣшающее слово въ партійныхъ дѣлахъ. Этотъ съѣздъ делегатовъ выбираетъ исполнительный комитетъ изъ нѣсколькихъ десятковъ членовъ, которые и служатъ постояннымъ центральнымъ исполнительнымъ органомъ партіи. Въ его рукахъ сосредоточено завѣдываніе партійными дѣлами. Исполнительный комитетъ по временамъ получаетъ инструкціи отъ общаго собранія делегатовъ партіи, но въ общемъ онъ пользуется большою самостоятельностью. Онъ долженъ быть постоянно освѣдомленъ обо всемъ, что дѣлается въ партіи по всей странѣ и приходить на помощь мѣстнымъ ассоціаціямъ всякого рода указаніями, справками, партійной литературой и пр. и пр. Въ виду этого въ его распоряженіи находятся крупныя денежныя средства и цѣлый штатъ партійныхъ агентовъ. Онъ имѣетъ постоянныхъ политическихъ агентовъ по возможности въ каждомъ избирательномъ округѣ и кромѣ того параіонныхъ (окружныхъ) агентовъ, которымъ поручается болѣе крупный раіонъ. Затѣмъ къ услугамъ центра цѣлая армія *эмиссаровъ*, которые постоянно объѣзжаютъ избирательные округа и передаютъ туда инструкціи центра и наоборотъ знакомятъ центральный органъ партіи съ положеніемъ дѣлъ на мѣстахъ. Эти люди „съ дорожной сумкой“ (bagmen) являются такимъ образомъ постоянной живой связью между центромъ и *периферіей*.

Юридически мѣстныя ассоціаціи *автономны*, но фактически центръ имѣетъ огромное вліяніе на нихъ. Онѣ признаютъ его авторитетъ и обыкновенно слѣдуютъ инструкціямъ, которыя получаются изъ Лондона. Центральный исполнительный комитетъ вмѣшивается въ дѣла мѣстныхъ ассоціацій прежде всего тѣмъ, что оказываетъ имъ всякое содѣйствіе. Онъ даетъ имъ совѣты и указанія по части организаціи мѣстныхъ силъ и по вопросамъ избирательнаго права, достаточно сложнаго въ Англіи. Онъ понукаетъ *инертныя* ассоціаціи, побуждаетъ ихъ устраивать партійные митинги, снабжаетъ ихъ въ случаѣ необходимости ораторами, партійной литературой и пр. Иногда даже даетъ денежныя субсидіи мѣстнымъ ассоціаціямъ для веденія выборной агитаціи. Наконецъ, какъ мы увидимъ дальше, онъ часто посылаетъ въ избирательные округа своихъ кандидатовъ, когда на мѣстѣ не находится лица, достаточно популярнаго одержать побѣду на выборахъ.

Но этимъ не ограничивается вліяніе партійнаго центра на *периферію*. Ежегодно онъ созываетъ съѣздъ делегатовъ отъ всѣхъ ассоціацій, входящихъ въ составъ національной федераціи (или Союза). Эти съѣзды имѣютъ большое значеніе, какъ партійная манифестація, какъ смотръ силъ, но они слишкомъ многочисленны по своему составу, чтобы по настоящему обсуждать и рѣшать программные и тактическіе вопросы. Поэтому они безъ преній или почти безъ преній постановляютъ резолюціи, заранѣе выработанные центральнымъ исполнительнымъ комитетомъ. Правда, кромѣ этихъ многолюдныхъ съѣздовъ бываютъ и болѣе тѣсныя собранія, какъ въ Лондонѣ, такъ и въ провинціи, на которыхъ вносятся нѣкоторыя поправки къ упомянутымъ резолюціямъ, но все же центру принадлежитъ главнѣйшая роль въ выработкѣ ихъ. А между тѣмъ совокупность этихъ резолюцій и составляетъ то, что признается въ данный моментъ программой партіи.

Мы изложили въ самыхъ общихъ чертахъ организацію англійскихъ партій, не касаясь тѣхъ особенностей, которыя присущи каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Если мы обратимся къ политическимъ партіямъ другихъ государствъ, то мы увидимъ въ сущности то же самое. Тѣ же мѣстныя ассоціаціи и мѣстные политическіе комитеты, тѣ же центральные органы и тѣ же годичные національные съѣзды. Разница заключается только въ томъ, что вслѣдствіе бо̀льшей раздробленности партіи и ихъ относительной слабости, ихъ организація нигдѣ не достигаетъ такой широты, стройности, непрерывности и согласованности, которыми могутъ гордиться англійскіе консерваторы и либералы. Во Франціи, напримѣръ, до сихъ поръ фактически не существуетъ общенаціональныхъ партійныхъ организацій и избирательная борьба ведется вразбродъ, при чемъ каждый избирательный округъ представляетъ собою почти самостоятельную единицу. Отдѣльныя партіи дѣлаютъ попытку прочнѣе сорганизовать и дисциплинировать своихъ сторонниковъ во всей странѣ, но пока безъ большого спѣха. То же въ большей или меньшей степени наблюдается и въ другихъ странахъ. Наилучше организованными являются партіи соціалистическія.

II. Начало избирательной кампаніи. Выставленіе кандидатуры. Регистрація избирателей.

Пока выборы еще далеки, мѣстныя политическія ассоціаціи проявляютъ много дѣятельности, особенно тѣ, которыя находятся гдѣ-нибудь въ глухой провинціи. Въ политическихъ клубахъ идетъ обычная клубная жизнь. Конечно, воздѣйствіе мѣстныхъ политиковъ на массу избирателей, ея воспитаніе съ помощью публичныхъ митинговъ, лекцій, литературы не прекращается вполнѣ, но она носитъ мало оживленный характеръ. Но, какъ только начинаетъ приближаться время общихъ

выборовъ, во всѣхъ избирательныхъ округахъ обнаруживаются явные признаки оживленія. Прежде всего партіи приступаютъ къ пріисканію кандидатовъ и къ предварительному подсчету своихъ силъ. Политическіе комитеты начинаютъ присматривать подходящихъ кандидатовъ изъ числа мѣстныхъ людей. Подходящимъ кандидатомъ считается человѣкъ, во-первыхъ, вѣрный программѣ партіи, во-вторыхъ, популярный. Если бы рѣчь шла только о вѣрности партіи, то выборъ былъ бы не труденъ. Среди мѣстныхъ политиковъ всегда найдутся люди, какъ нельзя лучше, удовлетворяющіе этому условію. Но они не всегда бываютъ людьми популярными. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что мѣстные люди обыкновенно имѣютъ много личныхъ враговъ и соперниковъ въ собственномъ избирательномъ округѣ. Затѣмъ въ каждой партіи существуютъ группы, которыя, принимая партійную программу, расходятся между собою по частнымъ вопросамъ, и угодить всѣмъ имъ бываетъ нелегко. Достаточно упомянуть вопросъ о *протекціонизмѣ* и свободѣ торговли, вызывающій въ настоящее время такіе раздоры среди англійскихъ консерваторовъ. На этой почвѣ мѣстный человѣкъ тоже можетъ возстановить противъ себя, вліятельныхъ членовъ своей партіи и сдѣлаться недостаточно популярнымъ кандидатомъ. Все это вмѣстѣ взятое нерѣдко приводитъ къ тому, что партіи отказываются отъ мысли провести своихъ мѣстныхъ кандидатовъ и обращаются за помощью въ Лондонъ въ центральный совѣтъ своей партіи. Здѣсь всегда имѣется наготовѣ списокъ лицъ, которые не прочь выставить свою кандидатуру, и вотъ начинаются переговоры между мѣстнымъ комитетомъ и центромъ. Стороны сходятся на извѣстномъ лицѣ, которое и отправляется въ избирательный округъ, знакомится съ мѣстнымъ избирательнымъ комитетомъ и окончательно рѣшается выставить свою кандидатуру. Напомнимъ, что въ Англіи, какъ и въ большинствѣ

государствъ Западной Европы, избирателямъ предоставляется полная свобода выбирать своимъ представителемъ въ парламентѣ всякаго полноправнаго гражданина, хотя бы онъ и не принадлежалъ къ числу избирателей даннаго округа, и англійское населеніе широко пользуется этимъ правомъ. Около 50% англійскихъ депутатовъ являются не мѣстными людьми по отношенію къ округамъ, которые они представляютъ въ парламентъ.

На ряду съ пріисканіемъ подходящихъ кандидатовъ ведется и другого рода подготовительная работа, такъ называемая, Регистрація избирателей, т. е. выясненіе состава лицъ, имѣющихъ право голоса, и внесеніе ихъ въ списокъ избирателей. Въ Англіи составленіе избирательныхъ списковъ поручается приходскимъ попечителямъ о бѣдныхъ, такъ какъ только тѣ, кто платитъ налогъ въ пользу бѣдныхъ, пользуются избирательнымъ правомъ. Но въ этихъ спискахъ легко могутъ оказаться пропуски и ошибки, а англійскій законъ возлагаетъ на самихъ заинтересованныхъ лицъ обязанность доказывать свое право на включеніе въ списокъ избирателей. Многіе изъ избирателей по своей пассивности не станутъ отстаивать свое право. Кромѣ того вслѣдствіе крайней сложности и запутанности англійскихъ законовъ о выборахъ, выясненіе этого права представляется дѣломъ хлопотливымъ. Поэтому политическія партіи, будучи заинтересованы въ томъ, чтобы всѣ ихъ сторонники воспользовались своимъ правомъ голоса, берутъ на себя провѣрку избирательныхъ списковъ и включеніе въ нихъ тѣхъ лицъ, имѣющихъ право голоса, которыя въ нихъ не попали. При этомъ каждая партія естественно слѣдитъ за тѣмъ, чтобы лица изъ противной партіи, неправильно записанные въ списокъ избирателей, были вычеркнуты изъ него. Чтобы бы выполнить эту нелегкую задачу, члены партіи должны познакомиться со всѣмъ соста-

вомъ избирателей даннаго округа. Для этого они мобилизуютъ цѣлые отряды своихъ людей. Весь избирательный округъ разбивается на отдѣльные участки, каждый участокъ на кварталы, кварталы на группы домовъ и каждая изъ этихъ послѣднихъ поручается отдѣльному лицу. Въ распоряженіи этого лица находится штатъ *регистраторовъ*, которые обходятъ каждый домъ, каждую квартиру, каждую комнату и собираютъ подробнѣйшія данныя о составѣ населенія каждаго дома,—справляются, кто хозяинъ дома, кто его жильцы, когда они переѣхали, сколько платятъ за квартиру, или за комнату, кто занималъ квартиру или комнату раньше ихъ, куда переѣхалъ прежній жилецъ и т. д., все до мелочей. Если жилецъ съѣхалъ, не оставивъ прежняго адреса, они не успокоются, пока не разыщутъ его. Во время этого обхода, носящаго названіе канвассированія, агенты партій знакомятся также съ политическимъ настроеніемъ избирателей и выясняютъ, кто „свои“ и кто „чужіе“. Если кто-нибудь изъ своихъ оказался непопавшимъ въ избирательные списки, то мѣстная ассоціація беретъ на себя всѣ хлопоты по исправленію этой ошибки. Противная партія въ свою очередь слѣдитъ за тѣмъ, чтобы ея сторонники не были пропущены въ списокъ и чтобы другая партія не внесла въ списокъ тѣхъ, кто не имѣетъ права голоса. Онѣ доставляютъ попечителямъ о бѣдныхъ собранныя ими данныя, приносятъ жалобы ревизорамъ, на которыхъ лежитъ обязанность провѣрки избирательныхъ списковъ, въ случаѣ надобности переносятъ дѣло въ высшія судебныя *инстанціи*. Избиратель избавляется отъ хлопотъ и расходовъ, а партіи этимъ путемъ еще задолго до выборовъ производятъ предварительный подсчетъ своихъ силъ.

Этотъ процессъ регистраціи составляетъ особенность англійской жизни. Въ другихъ странахъ, какъ напр. во Франціи, Германіи, Бельгіи, благодаря простотѣ

избирательныхъ законовъ, всеобщности избирательнаго права и болѣе тщательному веденію избирательныхъ списковъ властями, партіямъ нѣтъ необходимости прибѣгать къ такому гигантскому труду, какой приходится продѣлывать англійскимъ либераламъ и консерваторамъ.

III. Кандидаты и его избиратели. Провозглашеніе кандидата. Его ознакомленіе съ избирателями. Канвассированіе.

Но вотъ регистрація избирателей закончена и кандидатъ найденъ. Мѣстный избирательный комитетъ партіи созываетъ „массовый митингъ“ партіи, на которомъ кандидатъ говоритъ рѣчь, посвященную вопросамъ дня. Онъ излагаетъ свое политическое credo и старается склонить на свою сторону симпатіи слушателей. Митингъ можетъ одобрить или не одобрить представленнаго ему кандидата, но послѣднее случается рѣдко. Обыкновенно выборъ, сдѣланный комитетомъ, утверждается массовымъ митингомъ и данное лицо окончательно провозглашается кандидатомъ партіи отъ даннаго округа. Тогда для кандидата начинается трудная и хлопотливая задача сближенія съ мѣстнымъ населеніемъ. По мѣрѣ приближенія выборовъ онъ все чаще и чаще начинаетъ появляться на публикѣ. Мѣстные политики оказываютъ ему въ этомъ отношеніи всякое содѣйствіе и снабжаютъ его цѣлымъ штатомъ дѣятельныхъ помощниковъ, хорошо знакомыхъ съ мѣстной жизнью и мѣстными отношеніями. Пользуясь указаніями и связями этихъ послѣднихъ, онъ начинаетъ появляться на всѣхъ публичныхъ собраніяхъ, будетъ ли то какое нибудь религіозное торжество, благотворительный концертъ, народный праздникъ, или лошадиныя скачки, состязаніе въ игрѣ въ мячъ и пр. Не ограничиваясь этимъ онъ ближе входитъ въ мѣстную жизнь. Онъ записывается членомъ въ мѣстныя общества, кружки и

клубы, нерѣдко жертвуетъ деньги на мѣстныя нужды и говоритъ на митингахъ, мелкихъ и крупныхъ. Ознакомивъ съ собой такимъ образомъ общественныя группы и кружки и вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомившись самъ съ мѣстной жизнью, кандидатъ предпринимаетъ гигантскую работу ознакомленія съ собою каждаго избирателя въ отдѣльности, и вербованія среди нихъ своихъ сторонниковъ. Эта операція, извѣстная подъ названіемъ *избирательнаго* канвассированія, въ сущности является повтореніемъ того, что происходило во время регистраціи избирателей. Такъ же округъ разбивается на участки, участки на кварталы, кварталы на группы домовъ, и каждая изъ этихъ группъ поручается вниманію отдѣльнаго „канвассера“.

Но въ то время, какъ регистраціонное канвассированіе можно сравнить *съ рекогносцировкой*, избирательное канвассированіе является формальной атакой. Кандидатъ и мѣстные политики, поддерживающіе его, обходятъ каждый домъ, бесѣдуютъ съ каждымъ избирателемъ, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ, и стараются склонить его въ свою пользу. Особенное вниманіе обращается на сомнительныхъ избирателей, которыхъ при умѣніи можно склонить и на ту и на другую сторону. Такихъ избирателей всегда бываетъ много и отъ ихъ голосовъ и зависитъ обыкновенно исходъ выборовъ въ тѣхъ многочисленныхъ округахъ, гдѣ силы борющихся партій приблизительно равны. Эти визиты кандидата къ избирателямъ носятъ различный характеръ: иногда дѣло ограничивается обмѣномъ однимъ-двумя вопросами и на этомъ свиданіе кончается. Иногда, напротивъ, приходится вести цѣлую длинную бесѣду или формальный диспутъ по программнымъ вопросамъ. Одинъ любитъ слушать, другой—чтобы его слушали. Иной избиратель любитъ поговорить о своихъ дѣлахъ и кандидатъ долженъ терпѣливо выслушивать, его, давать совѣты и т. д. Иногда, чтобы рас-

положить въ свою пользу избирателя, „канвассеръ“ ласкаетъ его дѣтей, говоритъ комплименты его женѣ и этимъ привлекаетъ ихъ на свою сторону. Нерѣдко всѣ его старанія остаются тщетными и тогда къ неподатливому избирателю является новый канвассеръ и опять начинаетъ убѣждать его. Иногда канвассеры прибѣгаютъ къ хитрости: либералъ является къ избирателю, яко бы отъ консервативной партіи и начинаетъ убѣждать его вотировать въ пользу консервативнаго кандидата. Встрѣтивъ рѣшительный отказъ, онъ уходитъ съ огорченнымъ видомъ, но торжествуетъ въ душѣ. Въ канвассированіи принимаютъ дѣятельное участіе дамы, которыя часто съ большой энергіей, тактомъ и самоотверженіемъ ведутъ эту тяжелую работу. Обычай „примѣненія женскаго труда“ ведетъ свое начало еще съ 18-го вѣка. Побѣда Фокса на выборахъ въ Вестминстерскомъ округѣ въ 1784 году приписывается главнымъ образомъ, канвассированію дамъ-аристократокъ во главѣ съ герцогиней Девонширской, которая, какъ гласитъ преданіе, поцѣловала одного мясника, чтобы заставить его подать голосъ въ пользу Фокса. Задача канвассера очень тяжела. Иногда ему приходится позднимъ вечеромъ разыскивать избирателей по грязнымъ темнымъ переулкамъ гдѣ-нибудь на краю города, рискуя наткнуться на насмѣшки, на враждебный и грубый пріемъ, встрѣтить надпись: „Канвассеровъ просятъ не входить“, или даже подвергнуться нападенію собакъ. Потому много нужно гражданскаго мужества, преданности дѣлу и интересамъ партіи, чтобы взять на себя подобную неблагодарную роль. Многіе рѣшительно отказываются отъ этой роли не только вслѣдствіе ея трудности, но и потому, что считаютъ канвассированіе дѣломъ не совсѣмъ опрятнымъ въ моральномъ смыслѣ. Знаменитый Маколей, выступивъ въ 1832 году на выборахъ въ Лидсѣ, рѣшительно отказался отъ личнаго обхода избирателей.

„Мнѣ кажется,—заявилъ онъ этимъ послѣднимъ,—что обычай выпрашиванія голосовъ нелѣпъ, вреденъ и противорѣчитъ истиннымъ началамъ представительнаго правленія. Голосъ избирателя не долженъ выпрашиваться или подаваться, какъ какое-то личное одолженіе. Избиратели такъ же заинтересованы въ томъ, чтобы подать голосъ за хорошаго кандидата, какъ кандидатъ заинтересованъ въ томъ, чтобы быть выбраннымъ. Просить честнаго человѣка о томъ, чтобы онъ подалъ голосъ по совѣсти, излишне; просить его, чтобы онъ вотировалъ противъ совѣсти—оскорбительно. Обычай канвассированія былъ бы совершенно понятенъ, если бы люди шли въ парламентъ для того, чтобы служить самимъ себѣ. Но онъ—верхъ нелѣпости при господствѣ системы, при которой люди посылаются въ парламентъ для того, чтобы служить народу"*). Нѣкоторые даже склонны, приравнивать канвассированіе къ избирательному подкупу. И дѣйствительно, этотъ обычай возникъ въ тѣ времена, когда избирательное право принадлежало немногимъ лицамъ, когда голосованіе на выборахъ было открытое и когда кандидатъ могъ лично обойти всѣхъ избирателей и путемъ уличныхъ подачекъ купить ихъ голоса. Теперь, когда избирательное право въ Англіи стало почти всеобщимъ, а голосованіе тайнымъ, побѣда съ помощью подкупа избирателей сдѣлалась невозможной, но партіи сохранили обычай канвассированія, какъ лучшее средство ознакомленія избирателей съ кандидатами и какъ удобное орудіе для моральнаго воздѣйствія на тѣхъ избирателей, которые мало затронуты партійной пропагандой.

Канвассированіе составляетъ особенность англійской избирательной системы и не встрѣчается въ другихъ государствахъ. Конечно, и на континентѣ Западной

---

*) Ninetntn Century October 1905 p. 682.

Европы кандидаты стараются знакомиться со своими избирателями, но поголовный обходъ избирателей и выпрашиваніе голосовъ — обычай, не встрѣчающійся нигдѣ, кромѣ Англіи.

IV. Избирательные митинги. Демонстраціи. Странствующіе фургоны.

На ряду съ кавассированіемъ кандидаты противныхъ партій съ помощью мѣстныхъ политиковъ воздѣйствуютъ на избирателей съ помощью народныхъ собраній (*митинговъ*). Съ открытіемъ избирательной кампаніи каждый избирательный округъ наводняется ораторами обѣихъ борющихся партій. Онѣ устраиваютъ народныя собранія, которыя идутъ съ утра до вечера, какъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, такъ и на вольномъ воздухѣ на площадяхъ, перекресткахъ улицъ, вообще вездѣ, гдѣ можно собрать хотя-бы небольшую толпу слушателей. Каждый вечеръ происходитъ нѣсколько большихъ митинговъ въ различныхъ частяхъ города. Само собою понятно, что первую роль на этихъ митингахъ должны играть сами кандидаты. Если они не достаточно краснорѣчивы, къ нимъ на помощь приходятъ, какъ мѣстные ораторы, такъ и люди, присланные изъ центра. Въ рѣчахъ, произносимыхъ на этихъ митингахъ, излагается программа той партіи, къ которой принадлежитъ кандидатъ и критикуется программа противной партіи, а также выдвигаются достоинства самого кандидата. Такъ какъ митинги имѣютъ своею цѣлью не столько убѣжденіе слушателей, сколько, путемъ ихъ настроенія, укрѣпленіе въ нихъ партійнаго духа, то эти собранія сопровождаются подробностями, которыя имѣютъ мало общаго съ воздѣйствіемъ на логику избирателей, таковы: украшеніе залы для митинговъ партійными эмблемами, зелеными гирляндами, портретами и пр., а иногда и пѣніе подъ аккомпани-

ментъ оркестра. Большинство пѣсней, распѣваемыхъ участниками митинга, имѣютъ цѣлью укрѣпленіе партійнаго духа и преданности вождямъ. Поэтому въ нихъ упоминаются имена лидеровъ обѣихъ партій и проводятся партійные девизы, при чемъ одно и то же имя упоминается то въ лестномъ, то въ ироническомъ или презрительномъ тонѣ. Въ то время, какъ гладстоніанцы пѣли: „Онъ знаетъ путь къ побѣдѣ, нашъ Великій старикъ“, консерваторы пѣли: „Пусть себѣ Великій старикъ поетъ пѣтухомъ, мы бравые уніонисты побѣдимъ на выборахъ“. Мотивы для этихъ пѣсенокъ, обыкновенно, заимствуются изъ популярныхъ арій, извѣстныхъ всѣмъ присутствующимъ.

На ряду съ этими обыкновенными митингами организуются массовыя собранія въ большихъ залахъ или на открытомъ воздухѣ. Эти послѣднія иногда сопровождаются процессіями, музыкой и факельными шествіями. Всѣ эти пріемы направлены на то, чтобы поднять энтузіазмъ избирателей, разбудить наиболѣе инертныхъ среди нихъ. Кромѣ публичныхъ, открытыхъ для всѣхъ митинговъ, устраиваются и такіе, куда публика пускается по заранѣе розданнымъ билетамъ. Это дѣлается тогда, когда есть опасность, что противная партія проникнетъ на митингъ, сорветъ его.

Для партійной пропаганды въ деревняхъ, гдѣ иногда трудно найти помѣщеніе для митинга, партіи пользуются иногда, такъ называемыми, *странствующими фургонами* (Gravelling vans), въ которыхъ ораторы путешествуютъ на подобіе какихъ-нибудь цыганъ или ярмарочныхъ фокусниковъ. Въ фургонѣ находится походная кухня и спальня, иногда волшебный фонарь для показыванія картинъ. Фургонъ ѣздитъ изъ деревни въ деревню, останавливаясь по дорогѣ передъ каждой группой прохожихъ, при чемъ ораторы говорятъ рѣчи, роздаютъ листки и пр. Звукъ колокола или трубы возвѣщаетъ деревенскимъ жителямъ приближеніе фурго-

на, украшеннаго различными партійными эмблемами, флагами и пр. Жителямъ деревни роздаются афиши и приглашенія на митингъ, при чемъ деревенскіе мальчишки служатъ нерѣдко даровыми разносчиками. Если въ деревнѣ не находится подходящаго закрытаго помѣщенія, митингъ устраивается на первой же лужайкѣ, при чемъ фургонъ служитъ платформой, съ которой ораторъ держитъ рѣчь къ толпѣ. Иногда тутъ же показываются съ помощью волшебнаго фонаря картины, портреты политическихъ дѣятелей и пр. Этотъ способъ агитаціи имѣетъ большой успѣхъ среди деревенскихъ жителей, жадныхъ до новыхъ впечатлѣній и зрѣлищъ, но онъ обходится партіи слишкомъ дорого и потому практикуется не часто.

V. Политическая литература: газеты, брошюры, листки, афиши, каррикатуры.

На ряду съ народными собраніями и массовыми демонстраціями огромную роль въ избирательной агитаціи играетъ политическая литература. Мы имѣемъ въ виду не столько періодическую печать, т. е. газеты и журналы, сколько летучіе брошюры, листки, афиши и т. д., приспособленные къ потребностямъ избирательной борьбы. Конечно, газеты также принимаютъ дѣятельное участіе въ избирательной кампаніи и съ этой стороны являются могучимъ орудіемъ партійнаго воздѣйствія на избирателей. Но это воздѣйствіе совершается круглый годъ, изо дня въ день и не составляетъ отличительной особенности предвыборнаго періода. Оно только усиливается передъ выборами. Мѣстные органы печати той и другой партіи всѣми силами стараются поднять авторитетъ своей партіи и ея кандидата въ глазахъ избирателей и дискредитировать противную партію. Эту задачу съ еще большимъ успѣхомъ выполняетъ та летучая литература, о которой мы упоминали

выше. Она бываетъ общая и мѣстная. Литература, рактующая о вопросахъ общихъ, обыкновенно доставляется на мѣста изъ Лондона. Тѣ же образчики предвыборной литературы, которые касаются чисто мѣстныхъ дѣлъ, большею частью изготовляются на мѣстахъ на средства самого кандидата и мѣстныхъ политическихъ ассоціацій.

Среди этой избирательной летучей литературы прежде всего слѣдуетъ упомянуть о брошюрахъ, издаваемыхъ въ огромномъ количествѣ въ центрѣ, т. е. въ Лондонѣ. Онѣ разсылаются по мѣстамъ частью даромъ, частью по дешевой, заготовительной цѣнѣ. Посвященныя вопросамъ, вызывающимъ борьбу партій въ данный моментъ, а также тѣмъ, которые служили для нихъ предметомъ вражды въ прошломъ, эти брошюры всегда носятъ специфическій характеръ. Въ нихъ говорится о внутреннихъ дѣлахъ, о внѣшней политикѣ, но всѣ вопросы трактуются съ чисто партійной точки зрѣнія, какъ средство заставить избирателя подать голосъ въ пользу той или другой партіи. Во всѣхъ почти проглядываетъ стремленіе доказать, что все спасеніе отъ одной партіи, все зло отъ другой. Эти брошюры нерѣдко пестрѣютъ цифрами, которыя должны служить той же цѣли. Брошюры старательно распространяются мѣстнымъ комитетомъ среди населенія, раздаются даромъ или продаются по самымъ дешевымъ цѣнамъ. На ряду съ брошюрами еще въ большемъ количествѣ циркулируютъ среди избирателей листки (листовки) въ 1—4 страницы, по содержанію сходные, но разсчитанные на читателя, для котораго чтеніе брошюръ составляетъ слишкомъ большой трудъ. Каждая партія распространяетъ свои листки въ огромнѣйшемъ количествѣ. Такъ, напримѣръ, на выборахъ 1895 года центральная либеральная организація распространила больше 23.000.000 такихъ листовокъ. Листки, изготовленные на мѣстѣ и содержащіе въ себѣ воззванія, под-

писанные кандидатомъ и мѣстными популярными членами партіи, нерѣдко бываютъ украшены портретомъ кандидата. Но едва ли не самую видную роль во время избирательной кампаніи играютъ, такъ называемыя, избирательныя афиши и карикатуры, покрывающія заборы, стѣны домовъ, столбы для объявленій и пр. Избиратель никуда не можетъ уйти отъ нихъ, онѣ бросаются въ глаза своими размѣрами, своимъ цвѣтомъ, своей формой, своимъ шрифтомъ и своими рисунками. Еще болѣе лаконическія, чѣмъ листки, еще болѣе категорическія въ своихъ утвержденіяхъ, онѣ съ еще большей энергіей приглашаютъ подавать голосъ за того или другого кандидата. Вотъ что, напримѣръ, передаетъ очевидецъ о выборахъ въ Лондонѣ, происходившихъ въ 1900 году во время англо-бурской войны:

„Я стоялъ на улицѣ и разсматривалъ огромныя избирательныя афиши. „Голосуй за Лэнжа, либеральнаго кандидата,“—повторяли безчисленное множество разъ желтыя афиши. „Голосуй за Лэнжа. Долой политику авантюристовъ,“—добавлялось на нихъ; и внизу неизмѣнно стояла фраза: „Миръ, реформы и экономія въ финансахъ,“ являющаяся постояннымъ знаменемъ англійскаго либерализма. „Голосуй за Береля и за сильную объединенную имперію“,—отвѣчали синія афиши своими гигантскими буквами. „За Береля, мѣстнаго жителя, кандидата консервативной партіи“. Желтыя и синія афиши, развѣшенныя повсюду густыми рядами, лѣзли въ глаза, казались назойливыми, крикливыми арміями, ведущими между собою ожесточенную борьбу изъ за права терзать вашъ мозгъ, изнурять ваше вниманіе. Вотъ онѣ столпились вокругъ своихъ орудій, какъ-бы готовясь вступить въ послѣдній смертный бой. Каждая изъ арміи облѣпила рядъ саженныхъ, раскрашенныхъ яркими красками, картинъ. Вамъ эти картины пріѣлись до тошноты, до одурѣнія, потому что вы ихъ встрѣчаете на каждомъ шагу не

только въ томъ избирательномъ округѣ, гдѣ вы живете, но повсюду, во всѣхъ 62 округахъ безконечнаго, чудовищнаго Лондона. И, тѣмъ не менѣе, вы не можете пройти мимо нихъ, не остановившись: онѣ гипнотизируютъ васъ своей яркостью, своимъ нахальнымъ безобразіемъ. Вотъ, въ тѣсномъ кругу желтыхъ афишъ пріютилась картина, изображающая Чемберлэна въ ночномъ женскомъ халатѣ и чепцѣ, со своимъ моноклемъ въ глазу, открывающаго пустой буфетъ. Возлѣ Чемберлена стоитъ изнуренный песъ, съ голодной жадностью заглядывающій въ буфетъ. На спинѣ пса имѣется надпись—„Пенсія для престарѣлыхъ рабочихъ“.

— „Буфетъ пустъ,—указываетъ Чемберлэнъ голодному, старому псу,—всѣ деньги растрачены на войны“.

Вотъ другая яркая картина. Изъ огромной бочки съ надписью „Казна“ выглядываетъ толстый, типичный Джонъ Буль, направляющій въ верхнее отверстіе бочки золотую трубу съ „налогами“, стекающими въ бочку. Внизу типичный тори открываетъ кранъ бочки. Толстый, улыбающійся попъ уноситъ два наполненныхъ изъ-подъ крана ведра съ надписью на одномъ—„Пособіе церковнымъ школамъ“ и на другомъ—„Пособіе для меня самого—десятинный налогъ“. Рядомъ жирный лэндлордъ уноситъ третье полное ведро съ надписью—„Пособіе лэндлордамъ“. Картина носитъ названіе „Разгадка загадки“. Джонъ Буль смотритъ на уносимыя ведра и восклицаетъ: „Такъ вотъ куда уходятъ мои денежки“.

Эти картины вмѣстѣ съ другими, менѣе краснорѣчивыми, передавали въ живыхъ, хотя и аляповатыхъ, образахъ наиболѣе существенныя черты исторіи правительственной дѣятельности за послѣднія 5 лѣтъ. Ихъ краски были слишкомъ ярки, но факты, передаваемые ими, не были преувеличены.

Голубыя афиши отвѣчали: „Всякій голосъ, подаваемый вами въ пользу либераловъ, есть выстрѣлъ

бура въ нашу армію“,—гласитъ одна изъ голубыхъ афишъ. На другой нарисованъ англійскій солдатъ съ раненой рукой и головой. „Мы отстояли имперію въ Южной Африкѣ, пусть же наша кровь не будетъ пролита даромъ. Подавайте голоса за юніонистовъ, защитниковъ имперіи“. Далѣе картина, изображающая трехъ радикальныхъ депутатовъ,—Лабушера, Кларка и Эллиса,—поддерживающихъ на своихъ плечахъ кресло съ весело улыбающимся Крюгеромъ. „Вотъ какъ наши измѣнники — либеральные депутаты — поддерживаютъ Крюгера“.

Избирательныя афиши иногда появляются и въ окнахъ домовъ и два сосѣда, дотолѣ жившіе мирно, съ удивленіемъ узнаютъ по этимъ плакатамъ, что они принадлежатъ къ разнымъ партіямъ. Иногда въ окнахъ появляются самодѣльные политическіе памфлеты. Г. Діонео въ своихъ „Очеркахъ современной Англіи“ разсказываетъ слѣдующій фактъ: онъ видѣлъ въ окнѣ цирульника слѣдующее объявленіе: „За бритье съ радикаловъ 2 пенса, съ консерваторовъ 3 пенса, потому больше работы: ихъ лица вытянутся когда изберутъ Джони“ (т. е. рабочаго кандидата Джона Бернса).

VI. Послѣдніе моменты избирательной кампаніи. День выборовъ. Подвозъ избирателей къ мѣсту подачи голоса.

Чѣмъ ближе подходитъ день выборовъ, тѣмъ болѣе возрастаетъ энергія борющихся партій.

Но предоставимъ слово очевидцу:

„Еще 4 дня отдаляютъ насъ отъ голосованія 3 іюля. Въ избирательномъ бюро главныхъ партій работа кипитъ день и ночь. Гонцы съ телеграммами скачутъ взадъ и впередъ, кипы воззваній и листковъ съ именами кандидата доставляются посыльными. Молодые люди съ портфелемъ подъ мышкой, въ родѣ нашихъ

юныхъ адвокатовъ, стремлавъ вылетаютъ изъ дверей и развозятъ ихъ по городу. Къ молодежи, еще не пользующейся правомъ голоса, но интересующейся политическими событіями, взываютъ всѣ партіи. Ея твердые ноги еще могутъ, какъ выражается Рихтеръ, сослужить службу доброму дѣлу, потому что теперь, въ эти послѣдніе дни, агитація сосредоточена на томъ, чтобы поднять на ноги безпечнаго или безцвѣтнаго избирателя, вручить ему избирательный листокъ и повести въ ближайшій выборный участокъ *).

Но вотъ насталъ день выборовъ. Понятно, что къ этому времени избирательная агитація, въ настоящемъ смыслѣ слова, должна быть закончена. Но отсюда не слѣдуетъ, конечно, что партіи могутъ въ этотъ день сидѣть сложа руки. Дѣла найдется еще довольно и главное изъ нихъ, это опять-таки смотрѣть за тѣмъ, чтобы лѣнивые, безпечные, очень занятые, немощные и индифферентные избиратели подали свои голоса. Многіе ихъ нихъ почти навѣрно останутся дома въ день выборовъ, особенно если на улицѣ дурная погода. Партіи обыкновенно зорко слѣдятъ за такими ненадежными избирателями. Чтобы выполнить эту задачу, каждая партія должна имѣть въ своемъ распоряженіи достаточное число агентовъ, которые бы дежурили подлѣ избирательныхъ бюро, гдѣ подаются голоса и во время успѣвали привлечь къ избирательнымъ урнамъ лѣнивыхъ и запоздавшихъ. Вотъ картина, которую рисуетъ Г. Б. Іоллосъ въ своихъ „Письмахъ изъ Берлина“ (стр. 69—71).

„Надъ дверьми второразрядной пивной надпись, что здѣсь 126-е избирательное бюро (Wohllocal). У входа уже размѣстились посыльные, наемные и добровольные агитаторы партій. Двери небольшой залы, въ которой

*) Г. Б. Іоллосъ: Корреспонденція изъ Берлина „Русскія Вѣдомости“ 1893 г. № 153.

совершается торжественный актъ, широко раскрыты. У стѣны противъ входа столъ, накрытый темнымъ сукномъ; посреди урна, поставленная противъ предсѣдателя выборнаго бюро. Въ сторонѣ отъ большого стола, два поменьше, за которыми сидятъ представители выборныхъ комитетовъ каждой партіи; они зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы не было нарушенія законныхъ гарантій со стороны членовъ бюро, ни самозванцевъ среди выборщиковъ, которыхъ они по собраніямъ и частнымъ отношеніямъ знаютъ въ лицо. Эти довѣренные люди партіи въ то же время записываютъ, кто подалъ голосъ, чтобы въ послѣдніе часы дать знакъ гонцамъ и агитаторамъ, стоящимъ за дверью, что пора начать „таскать“ тѣхъ, которые еще не исполнили своего гражданскаго долга. Среди „Shlepper“ *), берущихъ на себя эту нелегкую работу, много женщинъ; онѣ исключительно попадаются, однако, въ рабочихъ предмѣстьяхъ. На окраинахъ столицы, въ Веддингѣ, на густо населенныхъ пролетаріями улицахъ, я встрѣчалъ десятки женщинъ на велосипедахъ и первоклассныхъ извозчикахъ, мчавшихся за запоздавшими избирателями, входившихъ въ мастерскія и дома, чтобы взобраться на 6-й этажъ за Шульце или Шмидтомъ, понадѣявшимся, что еще успѣетъ кончить сапогъ, прежде чѣмъ пойти подать голосъ, тогда какъ уже надо спѣшить: скоро закроютъ бюро,— и Шульце со Шмидтомъ 5 лѣтъ придется ждать, пока ихъ еще разъ пригласятъ быть вершителями судьбы своего отечества...“

Эта берлинская картинка, какъ нельзя болѣе совпадаетъ съ тѣмъ, что происходитъ въ день выборовъ въ Англіи. Здѣсь тоже у всѣхъ избирательныхъ бюро сторожатъ агенты борющихся партій и отмѣчаютъ тѣхъ кто не подалъ голоса, и бѣгутъ разыскивать ихъ. Приводъ запоздалыхъ и лѣнивыхъ избирателей къ изби-

*) Schlepper—таскальщикъ.

рательнымъ урнамъ совершается одинаково во всѣхъ странахъ. Члены партіи нанимаютъ для этой цѣли экипажи или предоставляютъ въ распоряженіе партіи свои коляски, велосипеды, автомобили, сами заѣзжаютъ за избирателями и везутъ ихъ въ бюро, гдѣ происходитъ подача голосовъ. Въ Берлинѣ извозчики соціалдемократы обыкновенно предоставляютъ себя и своихъ лошадей къ услугамъ своей партіи. Въ Англіи этотъ подвозъ избирателей иногда совершается довольно картинно посреди всеобщаго одушевленія народа, толпящагося на улицахъ. Вотъ что пишетъ М. Острогорскій въ своей книгѣ „О демократіи“ *).

„Много разъ, когда я присутствовалъ на выборахъ, мнѣ казалось, что я нахожусь на скачкахъ въ Дерби. На улицахъ группами стоятъ женщины и дѣти, украшенныя кокардами и лентами цвѣта партіи, къ которой принадлежатъ ихъ мужья или отцы. При видѣ каждой избирательной повозки, они кричатъ, аплодируютъ или свищутъ, машутъ платками. Сначала появляется самъ кандидатъ, который въ открытомъ ландо, въ сопровожденіи жены, объѣзжаетъ одно за другимъ всѣ commitee room подобно капитану, обходящему ряды въ тотъ моментъ, когда слово будетъ предоставлено пушкамъ. Большіе и малые до хрипоты кричатъ ура, провозглашаютъ тройной вивать въ честь кандидата, потомъ тройной въ честь его жены. Потомъ показываются избиратели, которыхъ подвозятъ къ мѣсту голосованія. Часто они одѣты безъ церемоніи—мясникъ или лавочникъ въ бѣломъ фартукѣ, трубочистъ весь въ сажѣ. Зато лошади и экипажи всегда принаряжены: ихъ украшаютъ цвѣтами партіи и плакатами, на которыхъ красуются послѣднія рекомендаціи кандидатовъ, составленныя въ лапидарномъ стилѣ: „Подавайте го-

*) M. Ostrogorsky: «La democratie et l'organisation des parties politiqūes» vol. I p. 433.

лось за Смита и высокую заработную плату", „вотируйте за Джонса, друга рабочихъ",—„Робинзонъ и благоденствіе торговли". Мальчуганы организуютъ процессіи въ честь кандидата *ихъ* партіи или противъ его соперника... Нужно хорошенько воспользоваться днемъ, такъ какъ завтра наступитъ полнѣйшая тишина.

VII. Избирательная кампанія и политическая свобода. Выборы въ Англіи въ началѣ XIX вѣка. Законы объ избирательныхъ собраніяхъ во Франціи и др. государствахъ. Свобода слова, печати, собраній и союзовъ.

Мы закончили обзоръ избирательной кампаніи. Мы шагъ за шагомъ прослѣдили всѣ перипетіи предвыборной агитаціи, начиная съ выставленія кандидатуры и кончая сценами, происходящими въ самый день выборовъ въ томъ или другомъ округѣ. Если вспомнить о томъ, что избирательная кампанія ведется одновременно во всѣхъ избирательныхъ округахъ страны, то нашему воображенію живо представится грандіозная картина цѣлаго государства, охваченнаго предвыборной агитаціей, — государства, въ которомъ изъ края въ край происходятъ избирательные митинги, говорятъ рѣчи, широко разливаются потоки избирательной литературы и гдѣ чуть не на каждомъ домѣ пестрѣютъ разноцвѣтныя избирательныя афиши. Если мы вспомнимъ далѣе, что вся эта широкая предвыборная кампанія является результатомъ планомѣрныхъ дѣйствій политическихъ партій, стремящихся къ проведенію въ жизнь опредѣленныхъ политическихъ и экономическихъ программъ, мы поймемъ, какимъ могучимъ незамѣнимымъ орудіемъ для пробужденія политическаго сознанія въ массахъ и ихъ политическаго воспитанія, служитъ предвыборная агитація. Но чтобы избирательная кампанія развернулась во всю ширь, чтобы она

сдѣлалась дѣйствительно всенароднымъ событіемъ, необходимы два основныхъ условія. Во-первыхъ, чтобы избирательное право было распространено на всю массу населенія, во-вторыхъ, чтобы предвыборная кампанія и выборы происходили въ условіяхъ полнѣйшей свободы. Очевидно, что безъ свободы печати, слова, собраній и союзовъ были бы невозможны никакіе правильные выборы, никакая правильная предвыборная кампанія.

Если мы изъ нынѣшней Англіи перенесемся въ Англію XVIII-го или начала XIX вѣка, когда избирательное право принадлежало лишь ничтожной сравнительно группѣ вліятельныхъ лицъ, то мы увидимъ, что и въ этой классической странѣ избирательной агитаціи выборы въ то время почти повсюду совершались посреди всеобщаго равнодушія. Большинство выборовъ были безспорные, т. е. на нихъ выставлялось столько кандидатовъ, сколько предстояло выбрать народныхъ представителей. Избирательная борьба партій была слаба и сплошь и рядомъ обходилась безъ митинговъ, безъ рѣчей, безъ политической литературы. Канвассированіе процвѣтало, но оно сводилось главнымъ образомъ къ подкупу избирателей. Только въ нѣкоторыхъ округахъ, гдѣ число избирателей было достаточно велико, избирательная кампанія носила болѣе оживленный и здоровый характеръ. Здѣсь избирательные митинги нерѣдко проходили очень бурно, благодаря тому, что на нихъ принимали участіе всѣ граждане, а не одни избиратели.

Мало оживленія замѣчалось и во Франціи отъ 1814-го до 1848-го года, когда число избирателей въ этой странѣ съ многомилліоннымъ населеніемъ составляло отъ 80 до 250 тысячъ, смотря по размѣрамъ ценза. И если иногда выборы проходили оживленно, то они были обязаны этимъ не избирателямъ, а тѣмъ гражданамъ, которые были устранены отъ участія въ выборахъ и громко требовали для себя избирательныхъ правъ.

Не менѣе важнымъ условіемъ оживленной и широкой избирательной кампаніи представляется полная свобода слова, печати, собраній и союзовъ и неприкосновенность личности. Что касается свободы слова и печати, то ея необходимость во время предвыборной кампаніи понятна сама собой. Ни рѣчи на публичныхъ митингахъ, ни распространеніе политической литературы были бы невозможны, если бы для произнесенія рѣчей, для печатанія, изданія въ свѣтъ и распространенія и расклеиванія брошюръ, листковъ и афишъ требовалось предварительное разрѣшеніе какой бы то ни было цензуры. Свобода слова и печати существуетъ повсюду въ Европѣ, но этого мало: чтобы сдѣлать избирательную кампанію совершенно свободной, законодательство нѣкоторыхъ странъ, ставитъ предвыборныя рѣчи и избирательную литературу въ особенно льготныя условія. Такъ, напримѣръ, во Франціи диффамація въ печати вещь наказуемая. Но оглашеніе въ теченіе предвыборнаго періода фактовъ, касающихся прошлаго кандидата, которое въ обычное время было бы сочтено *за диффамацію*, не считается таковымъ, такъ какъ предполагается, что цѣль писателя состояла въ данномъ случаѣ не въ томъ, чтобы повредить третьему лицу, но въ томъ, чтобы предостеречь избирателей отъ недостойнаго кандидата *). Точно такъ же въ то время какъ всѣ афиши, циркуляры и пр. подлежатъ оплатѣ гербовымъ сборомъ, избирательныя афиши и циркуляры подписанные кандидатомъ, освобождаются отъ такого сбора. Съ другой стороны всякое лицо, позволившее себѣ сорвать избирательную афишу, наказуется штрафомъ, а если это сдѣлалъ правительственный чиновникъ или вообще должностное лицо, то онъ подлежитъ суду исправительной полиціи. Наконецъ, въ то

*) Кудринъ. Организація выборовъ (Сборникъ «Конституціонное Государство». Стр. 230—231.

время, какъ расклейщики афишъ вообще должны дѣлать предварительное заявленіе въ префектурѣ для правильнаго занятія ремесломъ, расклейщики избирательныхъ афишъ избавляются отъ этой формальности. Всѣ эти исключенія изъ общаго правила направлены къ тому, чтобы сдѣлать предвыборную кампанію возможно болѣе свободной. Тотъ же принципъ примѣняется и къ избирательнымъ митингамъ. Во Франціи, какъ и во всѣхъ свободныхъ государствахъ, публичныя собранія могутъ происходить безъ предварительнаго разрѣшенія администраціи, но законъ требуетъ, чтобы организаторы митинга заявляли о немъ властямъ не позже, какъ за 24 часа до его открытія. Для избирательныхъ же собраній срокъ заявленія сокращается до 2-хъ часовъ. Въ Австріи собранія избирателей, назначенныя для выставленія кандидатуръ, могутъ происходить безъ предварительнаго заявленія властямъ, которое необходимо для обычныхъ собраній. Что касается Англіи, то въ ней избирательные митинги не пользуются никакими спеціальными льготами потому, что и всѣ собранія вообще одинаково свободны. Право публичныхъ митинговъ въ этой странѣ такъ широко, какъ нигдѣ въ Западной Европѣ. Въ то время, какъ во Франціи, напримѣръ, устроители собранія или сходки обязаны заявить о нихъ властямъ, а въ Бельгіи и въ Пруссіи власти могутъ не разрѣшить собранія, если оно происходитъ не въ закрытомъ помѣщеніи, въ Англіи и не существуетъ подобныхъ ограниченій. Всѣ англичане имѣютъ право собираться, какъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, такъ и подъ открытымъ небомъ, никого не спрашивая и никого о томъ не увѣдомляя. Понятно, какое вліяніе это обстоятельство должно оказывать на ходъ предвыборной кампаніи. Вѣдь только въ странѣ съ полнѣйшей свободой собраній, возможны такія явленія, какъ митинги на всѣхъ перекресткахъ, странствующіе фургоны и пр. Даже въ свободной Бельгіи

они были бы невозможны въ виду тѣхъ стѣсненій, которымъ подвергаются здѣсь собранія на открытомъ воздухѣ. Не менѣе ясна и необходимость свободы союзовъ. Только при наличности этой свободы возможно существованіе тѣхъ партійныхъ организацій, и политическихъ ассоціацій, которыя выносятъ на своихъ плечахъ всю избирательную кампанію. Плохая организація партій во Франціи въ значительной мѣрѣ объясняется стѣснительными законами о союзахъ, господствовавшими до послѣдняго времени. Но и всѣ перечисленныя гарантіи свободы оказались бы недостаточны, если бы не была гарантирована неприкосновенность личности. При Наполеонѣ III во Франціи существовало всеобщее избирательное право, но власти могли арестовывать безъ суда каждое неугодное имъ лицо, и понятно, что при такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи ни о какихъ правильныхъ выборахъ и ни о какой предвыборной кампаніи. Правительство всегда могло убрать нежелательнаго ему кандидата или агитатора. То же происходило и въ Болгаріи во времена стамбуловской диктатуры, несмотря на всеобщее избирательное право. Подобные же случаи наблюдаются въ Австріи, гдѣ неприкосновенность личности гарантирована не вполнѣ. Въ Галиціи, напр., власти арестуютъ кандидата, а затѣмъ выпускаютъ его послѣ выборовъ, принося извиненіе за происшедшее „недоразумѣніе".

Библиотека
Ростов н-Д.
книгохранилище
им. К. Маркса.

35000/-